

Берега

Литературно-художественный и общественно-политический журнал

Цитата номера

Преподобный Сергей на битву с врагами России выслал двух схимников-богатырей; сам же Подвижник и величайший светильник духа остался в пустыне, ибо в жизни духа битва или война есть всего лишь событие, некоторая экстериоризация духовных энергий, сущность же духа безмерно больше, обширнее, глубже. Нет, ничего не изменилось в смыслах и стратегиях, хоть и прошло от великой битвы шесть с лишним веков. И главным русским оружием поныне остаётся духовная сила. Для помощи нам в осознании этого основного закона жизни, для спасения России сегодня вновь «воздвигается Сергей»!

Архиепископ Курганский и Шадринский Константин (Горянов)

Главный редактор: Лидия Довыденко

Редакционная коллегия: Дмитрий Воронин, Виктор Геманов, Игорь Ерофеев, Николай Иванов, Александр Казинцев, Юрий Крупенич, Валентин Курбатов, Александр Николашин, Светлана Супрунова, Владимир Шемшученко, Олег Щерблюкин

Август 2014. №5

Содержание

Публицистика

Архиепископ Курганский и Шадринский Константин (Горянов). И «тогда воздвигается Сергей». К 700-летию великого святого земли русской Сергия Радонежского.....	3
Татьяна Скобкина. Жизнь за профнастилом.....	12
Владимир Морар. Ценное признание господина Фурсенко	18
Александр Нестик. После почвы – послечеловек?.....	26

Поэзия

Владимир Тыцких. Стихи.....	15
Андрей Попов. Стихи.....	24
Алла Линёва. Стихи.....	30
Александр Мишенков. Вехи. Стихи.....	65
Светлана Сырнева. Стихи	72
Олег Никоф. Цикл «Ностальгия».....	81

Нижегородские берега

Любовь Ковшова. Отец.....	32
Александр Фигарев. Стихи.....	44
Александр Ломтев. Путешествие с ангелом	46

Проза

Дмитрий Ермаков. Лямки и хлюстики. Рассказы.	75
Вениамин Бычковский. Бабье лето. Рассказ.....	67
Елена Зинченко. Убогие, или запах счастья. Рассказ.....	84

Искусство и культура

Вячеслав Карпенко. Исход. Рассказ для романа	89
--	----

Молодые авторы

Сергей Белаяр. Отработка. Фантастический рассказ	100
--	-----

Литературные пародии

Светлана Супрунова. Пародии на стихи современников.....	105
---	-----

Переводы

Кшиштоф Шатравский. Стихи. Перевод Розы Алимпиевой	108
--	-----

Юбилейные даты

Лидия Довыденко. Тёркинские чтения и Знамя Победы..... 112

Юрий Шевченко. Нерукотворна память о поэте. К 90-летию Виктора Сысоева..... 122

Русский мир без границ

Интервью Оксаны Карнович и князя Никиты Дмитриевича Лобанова-Ростовского с бароном Эдуардом Александровичем Фальц-Фейном:

Серж Лифарь. Откровения барона..... 125

Елена Черпакова. Российское общество в Варшаве 138

История и краеведение

Протоиерей Георгий Бирюков. К столетию начала Первой мировой войны..... 141

Виктор Геманов. Настойчиво шли к победам... Подводники-балтийцы в Первую мировую войну 146

Православие

Валентин Курбатов. Было утро 149

Олег Куимов. Вклад старообрядцев в общественное развитие России 152

Литературная критика

Ирина Шатырёнок. Угасающий свет 160

Наши друзья 164

Правила подачи материалов в журнал

Публицистика

Редакции журнала «Берега»: Канцелярия Курганского епархиального управления настоящим сообщает резолюцию Его Высокопреосвященства, Высокопреосвященнейшего Константина, Архиепископа Курганского и Шадринского, положенную на Вашем обращении от 16.07.2014 г. по поводу благословения на публикацию в литературном журнале «Берега» (Калининград) статьи...И «тогда воздвигается Сергей» к 700-летию преподобного *Сергия Радонежского*: «Благословляется. Архиепископ Константин. 19.07.2014 г.»

Архиепископ Курганский и Шадринский КОНСТАНТИН (Горянов)

Архиепископ Константин окончил Винницкий медицинский институт и Московскую духовную академию, защитил кандидатские диссертации по медицине и по богословию. Был ректором возрождённой Минской духовной семинарии, епископом Новогрудским и Лидским, управлял возрождённой Новогрудской епархией. В 1996 году назначен ректором Санкт-Петербургской духовной академии и семинарии с титулом «епископ Тихвинский, викарий Санкт-Петербургской епархии». С 1999 года профессор, заведующий кафедрой богословских дисциплин. В 2003 году возведён в сан архиепископа. Член нескольких академий (РАЕН, АНИС, ПАНИ, МАНЭБ, Академии интегративной антропологии и др.), председатель Церковно-общественного совета по биомедицинской этике Московского Патриархата. Один из основателей и первый президент Межвузовской ассоциации «Покров», куда в настоящее время входит около 50 гражданских и военных вузов страны, возглавлял попечительский совет первого в стране Народного православного университета. Член Союза писателей России, лауреат литературных премий «Имперская культура» (2011), «Золотой Витязь» (2012), премии им. Александра Невского (2012). Награждён многими церковными и научными орденами и медалями. Ныне правящий архиерей Курганской епархии.

И «ТОГДА ВОЗДВИГАЕТСЯ СЕРГИЙ»

К 700-летию великого святого земли русской Сергия Радонежского

Никакие философские рассуждения, никакой «здравый смысл» или «феноменологическая очевидность» не смогут помочь в осмыслении и обосновании чуда непреходящей благодатной славы преподобного Сергия Радонежского, молитвенника и защитника земли Русской, 700-летие которого в 2014 году отмечает вся Россия, весь Православный мир. Не только по меркам одной человеческой жизни, но и по срокам существования нашего государства, время, прошедшее со времен жития и подвигов монаха Сергия, огромно. И век от века не утихает к нему народная любовь, не оскудевает тропа, по которой паломники идут к мощам преподобного. С уверенностью можно и сегодня повторить слова историка В.О. Ключевского, сказанные более ста лет назад: «Спросите любого из этих простых людей, с посохом и котомкой пришедших сюда издалека: когда жил преподобный Сергей и что сделал для Руси XIV века, чем он был для своего времени, и редкий из них даст вам удовлетворительный ответ; но на вопрос, что он есть для них, далёких потомков людей XIV века, и зачем они теперь пришли к нему, каждый ответит твёрдо и вразумительно» [1].

Наши современники знают о прижизненном служении и подвигах Сергия Радонежского, думается, больше. Многие сегодня вспомнят величайшие свершения святого, имеющие историческое значение. Перед нами зримо предстаёт победоносная Куликовская битва, мы можем представить, как происходило собиранье земли Русской в единое государство. Цветёт поныне небесной духовной красотой Троице-Сергиева Лавра, возросшая из росточка Сергиевой Пустыни, давшего жизнь ещё и многочисленному цветнику монастырей русских. Хотя у всех этих свершений преподобного есть зримые образы, сохранившиеся до наших дней стены и бастионы, иначе как непостижимым для человеческого ума чудом всё это назвать нельзя.

По современным, иногда излишне натуралистичным фильмам, романам, историческим исследованиям мы сегодня хорошо можем представить все ужасы татаро-монгольского

нашествия, знаем о его мощи и жестокости. И разве не чудо, что ослабленной, находившейся к тому времени более чем полтора года под беспощадным чужеземным игом, России не только вздумалось, но и удалось это иго свергнуть. Ничего не предвещало громкой победы русичей на поле Куликовом. Не они затеяли эту битву, сам Мамай, надеясь на силу своих войск, на помощь русских князей-предателей и силы Запада, вновь двинулся на русские земли с новой, более жестокой и амбициозной целью. Князь Димитрий Иоаннович готов был оказать сопротивление врагу, но не знал, что после благословления преподобным Сергием станет вождём русского ополчения и светочем победы над игом.

Чудесным явлением можно назвать метаморфозы, происходящие в это время одновременно в русских и татарских войсках. В стане врага заметна деградация организации некогда непобедимого войска: утрачиваются традиции инженерного искусства, происходит нарушение единоначалия в командовании, что было характерно для армии Батые. В Сарае начинается длительная междоусобная война за власть. В то же время в войсках московского князя, наоборот, усиливается централизация, вводится нехарактерное для феодальной эпохи единоначалие. Решения принимаются не военным советом, а непосредственно самим князем. Организационной единицей в структуре московского войска является уже не княжеская дружина, а полк, действующий в соответствии с задачами боя. Командуют полками не заносчивые князья, а наиболее опытные воеводы. Появляется новая техника, пушки.

Важное значение в русской победе имеет и переориентировка ордынских задач. В подготовке похода против Москвы Мамай заключил союз с литовским князем Ягайло. Таким образом, против России, против православной славянской государственности объединились силы Востока и Запада. Следует отметить, что хан поставил нехарактерную для его предшественников задачу: впервые Орда провозгласила своей целью разгром Русской Православной Церкви. «Христианство погубим, а церкви Божии сожжём, а законы их изничтожим... Я не хочу так поступить, как Батый... Приду на Русь и убью князя их... тут и осядем, и Русью завладеем, тихо и беззаботно заживём», — так сформулировал свои задачи, наверное, не без подстрекательства католиков, Мамай [2]. Наряду с Литвой Мамай поддерживали и обосновавшиеся в Крыму генуэзские купцы, игравшие в прошлом значительную роль в подготовке крестовых походов на Восток. За ними стояла римская церковь, имевшая в то время своё епископство в Крыму. Таким образом, конфликт, разрешившийся в первой своей фазе на Куликовом поле, выходил за рамки взаимоотношений Руси и Орды, он касался судеб всей Восточной Европы, бытия самого русского государства, за которое через святого Сергия вступилась Святая Троица и Божия Матерь. Почему через Сергия простекала Божия помощь? Наверное, потому, что он был средоточием той человеческой любви, основанной на Вере, которая, являясь фундаментом взаимности, общности и единосущия, несёт в себе образ Троицы.

Символично, что князь Димитрий пришёл к старцу в обитель Живоначальной Троицы. Пришёл скромным просителем молитвенной помощи в неотвратимой битве, а вышел от него уверенным в победе предводителем русского воинства. Бесценно одарил Сергей полководца: совершил благословение деревянным осьмиконечным, в серебряном окладе, крестом, подарил икону Господа Вседержителя с изображениями святителя Николая Чудотворца и святого Кирилла Иерусалимского, на дверцах киота которой изображены Богородица и Иоанн Предтеча. До нас дошло и свидетельство о своеручной Сергия грамотке с текстом, который оканчивался словами «Чтобы ты, господине, таки пошёл, а поможет ти Бог и Троица» [3].

Символичны и помощники, которых в помощь князю подготовил своим благословением Сергей: два инока-боярина, не вымышленные персонажи, но истинные воины, которые в числе братии обители подвизались под руководством Сергия против врагов невидимых. Александр Пересвет — бывший боярин брянский, Андрей Ослябя — бывший боярин любецкий. Их мужество, храбрость и искусство воинское были известны: до принятия монашества оба они славились как доблестные воины, храбрые богатыри. В их лице преподобный Сергей с молитвенным благожеланием передавал благословение всему православному воинству на «дело ратное».

Много раз ещё пришлось побывать русским воинам в этом «деле». Не успела земля Русская оправиться от опустошения мамаевыми войсками, как после падения на Куликовом поле Мамай властью завладел хан Тохтамыш, потребовавший опять от русских князей покорности. И ему удалось захватить Москву, разорить новые монастыри — Чудов, Симонов, Андроников,

опустошить Можайск, Звенигород, Боровск. Но вражья рука не коснулась Пустыни, основанной Сергием. Тохтамыш ушёл так же быстро, как и пришёл. Великий князь заходил ему с тыла.

Много невероятных, не поддающихся разумному объяснению событий в русской государственной, военной и церковной истории происходило при жизни Сергия. Но не только исследование политических предпосылок победы в Куликовской битве, после которой святой Сергий чудесным образом назвал поимённо всех павших воинов, не летопись пустынножительства старца, не история умиротворения монахом князей или чудо спасения Пустыни являются темой статьи, но осмысление духовных истоков и причин негромкого, сверхъестественного подвижничества преподобного Сергия, которое простирается в наши времена.

Сергия Радонежского считают самым отзывчивым из русских святых, ему можно молиться обо всём, и нет материально-временных границ его чудотворениям. Будучи человеком, стремящимся к уединению, бегущим славы мирской, он не отказывал никакому боголюбивому просителю. Недаром при его жизни он считался чудотворцем, близким по своим возможностям к Иисусу Христу. И называли преподобного русским Апостолом, который «как чадолюбивый отец, постигая духовные и житейские нужды детей своих, подаёт свойственные им утешения, привыкший ещё при жизни рассуждать, что на потребу князей земли и что её убогим оратаям... На небесах довершил он сей подвиг послушания, приняв горе предложенное ему долгу, и с тех пор не преставал радеть о пастве, дивно обличая своё святительство. Время общественных бедствий есть его время: *когда всё уже кажется гнущимся, тогда воздвигается Сергий!*» [4].

Да, великий избранник Божий Сергий был дарован Богом земле Русской в самые тяжёлые для неё времена, когда стонала она от татарских полчищ, когда страдала от кровавых княжеских междоусобиц, когда грубость тогдашних народных нравов грозила русскому народу гибелью. И когда, казалось, исправить было ничего нельзя и отступить некуда, призрел Господь мольбы Руси православной и приблизил час спасения её, и Сергий Радонежский стал истинным печальником родной земли. «Примером своей святой жизни, высотой своего духа он поднял упавший дух своего родного народа, пробудил в нём доверие к себе, к своим силам, вдохнул веру в помощь Божию... Своей жизнью, самой возможностью такой жизни преподобный Сергий дал почувствовать заскорбевшему народу, что в нём ещё не всё доброе погасло и замерло, помог ему заглянуть в свой собственный внутренний мрак и разглядеть там ещё тлевшие искры того же огня, которым горел сам он» [5].

Сергию посвящено житийной литературы больше, чем другим русским святым, в ней он предстаёт духовным воителем, могучим авторитетным монахом, благословение которого считалось, как в случае с князем Димитрием, ручательством победы. Но, несмотря на то, что он являлся другом святителей и советником князей, Радонежский игумен был скромнейшим и смиреннейшим человеком, влачившим «пустынную нищету», был безмолвным созерцателем нетварного света Преображения. Собственным преображением, стремлением к истинной свободе, дарованной человеку Господом в возможности приближения к Нему, путём раскрытия в себе богочеловеческих дарований, предопределённых Господом каждому человеку от рождения, стала и вся земная жизнь святого. Конечно, от рождения Сергий, вернее Варфоломей, был отмечен особой печатью избранника Божьего. И то, что заявило о себе благословенное дитя, будучи ещё в утробе матери, и то, что родился мальчик-постник, вымоливший в отрочестве научение свыше, и то, что в порыве юной души со святой решимостью и горячим сердцем выбрал подвиг послушания — всё это свидетельствует о Божественной помощи и изначальном предопределении пути святого, осилить который в соответствии с замыслом Божиим о нём должен был Сергий, постепенно ставший святым старцем, сам, в системе смыслов истинной свободы и любви.

Старчество, как определял его Г.П. Федотов, «есть особый институт преемственности духовных даров и служения миру» [6]. Старец — духоносен, он источник спасительного и преображающего воздействия. Он часть Тела Христова и Его Церкви. Василий Великий видел в монашеской киновии Малую Церковь, которая, как и должно, создается и сохраняется энергиями Любви, энергиями истинной христианской свободы. Задолго до того, как оптинским старцем Макарием был сформулирован краткий тезис христианской свободы «От нас ищется свобода», Сергий своей жизнью доказал возможность обретения в результате «высокого жития» «внутренней духовной свободы как высшей степени свободы вообще», следуя заповеди Христа: «И познаете истину, и истина сделает вас свободными» (Ин. 8:32). По этой заповеди истина может сделать человека свободным не только в максимальном приближении к образу и подобию

Божьему, но и в стремлении к единомыслию. Вот как в светских терминах кратко формулирует эту цель и возможность современный православный историк Сергей Перевезенцев: «Ещё одним из условий «высокого жития» — и для отдельного человека, и для монастырской обители, и для общества в целом, — преподобный Сергей видел в единомыслии. Единомыслие для отдельного человека — это единство души, полностью посвящённой служению Господу. Для обители — это единство помыслов и действий всех иноков, которые своим подвигом умножают Христову Любовь на земле и подают пример остальным людям. Для общества — это идея единства Руси, благодаря которому Русь только и может спастись» [7]. Отцы Церкви считали, что, приближаясь к Богу, приближаешься и к творению Его. А Авва Дорофей изобразил это схематически: мир — круг, в центре — Бог, а радиусы — пути наши к Нему. Чем ближе к Богу, тем ближе друг к другу («Добротолюбие»). Но можно добавить, что и в обратном порядке закон верен — чем ближе люди друг к другу, тем ближе к Богу. Поэтому любовь к ближнему — главное духовно-творческое оружие любого старца, который, по слову Исаака Сирина, должен уходить от мира *сквозь мир*, преображая по пути любовью всё, что может быть преображено ею. В этом преображении, как комментирует преп. Максим Исповедник сочинения Дионисия Ареопагита, «единство умопостигаемых сущностей друг с другом надо понимать как богоприличную любовь их друг к другу, каковая, будучи божественной и единотворящей, собирает их, не нагромождая кучей, но любовно связывая. Сущее же включает и умственное; хотя как умственное, так и чувственное омонимически называется сущим, но одно существует объединённо и взаимосвязанно, другое же разделено и соседствует как бы в нагромождении» [8]. Проще говоря, условием этого сущностного объединения не в нагромождении, а в соседстве является благая Любовь. Она, предсуществующая в Добре, не бесплодна, но рождает новую благую Любовь. Великий подвижник Сергей Радонежский, идя *сквозь мир*, вызвал к жизни не только чисто религиозный энтузиазм, но и эту благую Любовь, которая способствовала тому, что впервые в русской истории на основе морально-гражданской активности из государственного небытия возникает национально-державная целостность православной Руси.

Таким образом, Святая Русь была основана на Господней Любви, воплощённой в жизнь преподобным Сергием. Это ему удалось потому, что сам монах находился под постоянным попечительством Божиим, поддерживающим во Своём святом избраннике неугасаемый святой огонёк этой Любви. И много было зримых примеров того попечительства Сергию Радонежскому, избранному Господом не только для спасения Руси, но и для укрепления Веры в её народе. Святому монаху суждено было обновить дух подвижничества на Русской земле, зажечь благодатный огонёк в лампадах многих новых обителей, соделаться духовным родоначальником бесчисленного лика монашествующих. Так что справедливо считается, что для северной, Московской Руси он был тем же, чем были для южной, Киевской Руси преподобные Антоний и Феодосий. Хотя сам Сергей не отделял своё служение от древних подвижников, считая себя продолжателем их молитвенного подвига, следуя традиции полного отказа от мирских благ, в соответствии с нравственными представлениями своих древних предшественников высоко ценил человеческое достоинство, унаследованное человеком от Бога.

Видя усердие Радонежского игумена, Господь не раз утешал его в его аскетическом подвиге пророческими откровениями о его будущем многочисленном духовном потомстве. Чудесных птиц и Глас Божий, разъяснявший это видение, видел и слышал не один Сергей. Небесную радость с трепетом вместе с ним разделили и засвидетельствовали чудо его ученики. Однажды ему сослужил ангел, ведь, как говорится, «ангелы любят себе подобных». Высшей прижизненной наградой святому монаху на склоне его дней стало явление Самой Знатной Небесной Гостьи. Почему именно тогда произошло явление Богородицы?

Святые отцы различают в духовной жизни две её степени, два состояния: крест деятельный и крест созерцательный. Первый путь — путь страдания и подвига борьбы самим с собой и с врагами спасения. Второе состояние — успокоение сердца в Боге, погружение в мир души, время просветлённого общения с Господом. Преподобный Сергей изначально шёл путём скорбей и подвига крестного. На этом пути им одержана победа. Мир больше не смеет подойти к нему со своими соблазнами, потому что дух его преисполнен обилием благодати в виде даров чудотворения, пророчества, дара утешения, совета и разума. Для духовного взора святого больше не существует ни преград вещественных, ни расстояния, ни самого времени. Поэтому он мог духовными очами наблюдать то, что происходило вдали от него, на поле Куликовом, и называть поименно погибающих русских воинов. Много, кроме того, было примеров прозорливости старца

сквозь время и расстояние. Есть свидетельства, как во время свершения преподобным Божественной литургии небесный огонь сошёл на Святые Тайны в момент их освящения, и угодник Божий неопально причастился сего огня.

По летописному свидетельству в Рождественский пост 1379 года, когда сам великий заступник земли Русской имел духовную нужду накануне нашествия Мамая, к нему явилась Богоматерь, сопровождаемая апостолами Петром и Иоанном Богословом. Она павшего ниц Сергия ободрила словами благодати, пообещав Божье покровительство Сергиевой обители и после смерти святого игумена. Таким образом, Троицкая обитель становилась не только местом, откуда пошло объединение русских земель, но и символом духовного единения народа. И не случайно Сергиева обитель была посвящена Святой Троице, это был завет любви святого. Именно в догмате и образе Пресвятой Троицы Сергей Радонежский видел символ высшей христианской Любви, образ Единства. Промыслительно особое почитание Сергием Святой Троицы и в том смысле, что с него на Руси, можно сказать, оно и началось, и укоренилось в противовес затормозившей в страхе перед исламской экспансией богословской мысли православного Востока. Несмотря на то, что и храмы, и иконы, посвящённые Троице, на Руси существовали с древних времен, широкое распространение они получили только после XIV века, когда вследствие жизненного подвига Радонежского игумена стало яснее осознаваться нравственное значение этого образа в жизни христиан. Образ Святой Троицы стал зримым выражением стремления народа к святому укладу жизни. Вслед за первым Троицким храмом, построенным Сергием собственными руками в 1340 году, на Руси появилось множество одноимённых храмов, были даже Троицкие города и сёла. А в Троицких храмах — обязательно приделы в честь преподобного Сергия.

Почитание Сергием Святой Троицы стало «залогом единства земли и независимости Московского государства от материального подчинения Востоку, а в будущем — и от умственного подчинения Западу. В Троице им было указано не только святейшее совершенство вечной жизни, но и образец для жизни человеческой, знамя, под которым должно стоять всё человечество, потому что в Троице, как Нераздельной, осуждаются усобицы и требуется собрание, а в Троице Неслиянной осуждается иго и требуется освобождение» [9].

Здесь, где столько говорится о святой Любви, наверное, следует прояснить вопрос, почему Сергей Радонежский, смиренник и молитвенник, знающий шестую заповедь «не убий», благословил на бой с врагом русских воинов? Руководствуясь мирскими соображениями, в этом вопросе можно дойти до сектантской проповеди «непротивления злу насилием»; тому же, кто доверяет своему духовному зрению, вспомнятся слова Христа: «Не мир пришёл Я принести, но меч...» (Мф. 10:34). Иисус не призывал воинов бросить оружие, не называл войну небогоугодным делом. И Сам, увидев богачей, оскверняющих святыню, свил бич из верёвок и выгнал их из храма. Нет, мы не должны отвечать на злобствования, относящиеся к нам лично, но и не должны попускать посягательства врага на высшие наши ценности. Христос также сказал, что взявшие меч, от него же и погибнут. Сергей Радонежский благословил своих воинов на войну справедливую, за святыню Отечества с теми, кто первыми взяли меч. От него они и погибли. А для многих защитников Руси — сподвижников Христа — кровавая Куликовская битва стала их Евхаристией.

Говоря о Сергии Радонежском, нельзя забывать, что при своём огромном социальном служении он был служителем Церкви, смыслом жизни которой является Евхаристия. Церковь как собрание верующих именно в таинстве Евхаристии приобретает полноту духовного и телесного единства. Природа самой Церкви — евхаристична, ибо она есть Тело Христово, а значит, без Евхаристии нет Церковности, а сама Евхаристия немислима вне Церкви [10]. Как предстоятели церковной общины, так и простые миряне, несмотря на различие своих служений, прав и обязанностей, должны составлять Единое Тело Христа, что и происходит во святой Евхаристии, когда по слову святителя Иоанна Златоуста приобщающиеся делаются «не многими телами, а одним Телом. Как хлеб, составляясь из многих зёрен, делается единым, так что хотя в нём и есть зёрна, но их не видно и различие их незаметно по причине их соединения, так и мы соединяемся друг с другом и со Христом» [11].

Нигде не достигается такое единство, как только в Церкви Христовой, и ни в каком Таинстве мы не видим и не чувствуем такого совершенного единства, как только в Божественной Евхаристии. Не случайно именно на Тайной Вечере Господь говорит об установлении Нового Завета между Богом и Его людьми. «Сия есть кровь Моя Нового Завета яже за вы и за многи изливаемая во оставление грехов» (Мф. 26:28; Мк. 14:24; Лк. 22:30).

Взятое в целом евхаристическое служение раскрывает троическую тайну Церкви. Это служение начинается со слушания Слова Божия, завершаемого Евангелием — апостольской вестью о Слове, ставшем плотью. Затем следует благодарение Отцу, воспоминание о Жертве Христа и, наконец, приобщение к этой Жертве после молитвенного призывания Святого Духа (эпиклесис) [12].

Эта тайна Церкви с Божьей помощью и собственными трудами старца стала доступна Сергию Радонежскому в той полноте, с которой возможно постижение и воплощение в художественном образе «тайнства божественного бытия», осмысленного по благословению Сергия Андреем Рублёвым в его гениальной иконе Троицы. Святой иконописец настолько проникся неким, незримым для самого Сергия замыслом, объективно существующим в духовной реальности, что считал не себя автором иконы, но святого старца, утверждая, что при работе над образом его рукой водил сам преподобный Сергий. Так же чувствовал рублёвский образ Святой Троицы и Павел Флоренский: «В иконе Троицы Андрей Рублёв был не самостоятельным творцом, а лишь гениальным осуществителем творческого замысла и основной композиции, данных преподобным Сергием» [13]. Символичным казалось, что это творение, которое невозможно понять до конца и невозможно не полюбить безгранично, это свидетельство общего, совместного с Богом, делания двух великих людей России, эта икона Троицы располагалась долгие годы вблизи мощей преподобного Сергия.

Размышляя о Сергии Радонежском, трудно обойтись без понятия «чудо». И равнодушие с ранних лет отрока Варфоломея к миру, где величие достигается лишь титулами и богатством, и отказ от собственной воли, и тяга к первобытию, и осознанное стремление к состоянию святости, и сама святость, и почитание преподобного после смерти — всё это в нашем мире представляется из области чудесного. Не вдаваясь в сложные философские споры о природе чуда, основанные на двух антиномичных типах миропонимания — «когнитивном» (от лат. *cognition* — знание, познание) и «мистическом», представляющим всё как вышедшим из рук Творца чудом, — признаем чудо как истину, как Промысел Божий, осуществляющийся акаузально, то есть вне какой-либо причинности, как тайну. Эту тайну невозможно постичь опытом, так же как и высокое состояние святости. Хотя есть видимые характеристики этого состояния, связанного с сознательным отречением от мира, со стремлением человека в безмолвие природы, в тишину собственной души. Обретение святости человеком обычно связано не только с преображением души, но и с изменением тела в результате продолжительного аскетизма («укрощения плоти»), подчинения духу. Вот как образно об этом чудесном преображении говорил известный русский церковный историк и публицист Михаил Меньшиков: «Святому нужно, действительно, особое, укрепленное тело. Укрепленное не гимнастикой, которая сводится к потере органического равновесия, к нарастанию грубых тканей за счёт более нежных, а способом более естественным — воздержанием. Это тоже, если хотите, гимнастика, только через дух. Разросшиеся органы упражняются в неделании и непитании, пока не атрофируются до своей естественной формы. Как задача скульптора — отнять у мраморной глыбы всё лишнее, чтобы обнаружить прекрасное изваяние, так и у подвижника: он постепенно снимает со своей плоти лишние жир, мясо, пока не превращается даже физически в идеальную фигуру — идеальную в том смысле, что в ней сохранено только необходимое» [14].

Почитание мощей – тоже духовный процесс, коренящийся в отношении плоти и духа. Облагороженная плоть святого достойна быть объектом поклонения как материальный корень духа, как всё совершенное в своей первородной невинности и чистоте, накопившее и источающее Любовь. В поклонении мощам возможно стяжание излучаемой ими Любви, Любви спасительной, животворящей, врачующей. Обо всём сказанном, конечно, не знали убоявшиеся великой силы мощей святого Сергия кошунники-комиссары, в богоборческие времена начала прошлого века, а именно, в «Лазареву пятницу», 29 марта (11 апреля) 1919 года, надругавшиеся над святыми останками Радонежского игумена в основанной им обители. На вскрытии мощей присутствовали все члены Сергиевского исполкома, делегаты Наркомата юстиции, Наркомата здравоохранения, представители организации коммунистов района, врачи, военные, согнали и всех монахов, которых на то время в Лавре насчитывалось около 180 человек. На имя Патриарха Тихона в это же время поступил от населения против этого страшного злодеяния письменный протест на 35 листах за 5000 подписями, что не остановило богоборцев, и мощи были вынуты из раки и подготовлены к уничтожению. Но чудесным образом в два часа того же дня от комиссара Лавры поступило постановление Исполнительного комитета Сергиевского Совета о принятии мер к тому, чтобы

останки преподобного Сергия оставались в должной сохранности, для чего было предложено, не изменяя расположения и вида останков, сделать над ними покрывку из зеркального стекла [15]. Так ничего и не доказали большевистские варвары, не пресекли почти тысячелетнее народное почитание святого. Не смогли они осилить его духовную мощь, противостоять Господу. Божьим промыслом святые мощи сохранены и чудотворят, ведь и при своей жизни, и после смерти святой Сергий действовал для Родной Земли, для Церкви Божией, для русского народа.

Никто, как Сергий, не принимал столь живого участия в делах России непрерывным своим покровительством: и самолично, и через своих последователей и учеников содействовал он духовному возрождению и укреплению единства земли Русской. Нескончаем перечень деяний святого Сергия во благо России. Он не только благословил на подвиг князя Димитрия, но помог окончательно побороть мусульманское иго. Не разрешил сжечь врагам Троицкую Лавру. Дал положительные начала внутренней русской жизни. Сам помирил мятежных князей и поставил их на службу единому государству. Инициировал порядок престолонаследия, тем укрепив самодержавную власть. Почитанием Троицы им были даны не только духовные ориентиры, но и социально-политические. С именем Троицы происходило собиране русских земель вокруг Москвы, вокруг единого московского государя, который почувствовал своё католическое, вселенское Православие, собирающее всех к единому пастырю вне зависимости от языков и национальностей. Восхищённый величием дел святого Сергия во славу России, мудро воскликнул однажды святитель Филарет над ракой преподобного: «Братие! Ведь это всё здесь!..»

Нет основания не доверять житиям, рассказывающим о невероятных для одного человека по вселенской и исторической их значимости подвижнических деяниях. Понятно, что не без Божьей помощи, не без замысла Господнего о России всё это было возможно. Но в житиях не сказано, какие благодатные утешения от Бога ниспосылаются трудникам спасения и преображения. Мир видит только тяжелейший иноческий «узкий путь», причём смотрит на него сначала с сомнением в его полезности. «О, вы, — взывал некогда московский святитель Платон, — о, вы, коих мысль помрачена и сердце расслаблено! Придите и посмотрите на угодника Божия преподобного Сергия! Что ж? Разве напрасно он столько в подвиге добродетели трудов употреблял? Разве тщетны были те слёзы, тот пот, которые он проливал и ими напоевал насаждённое в душе своей Божественное семя? О, нет! Вот сколько веков прошло, а имя его любезно в устах наших» [16]. Почему же такое возможно? Потому что при содействии благодати Божией подвиги святого старца преобразили всю нравственную природу его и возвратили ему первобытную чистоту и невинность, вечное блаженство и высокое богоподобное достоинство — всё то, что было утеряно первым Адамом и было искуплено для нас бесценной кровью второго Адама — Господа Иисуса Христа.

И потому в своих подвигах святой Сергий Радонежский всегда с нами. Его незримого присутствия мы не замечаем, как воздух, которым дышим, как шелест ветра, как луч солнца. Но, как известно, в трудные времена *воздвигается* он в зримых своих силе и величии. Всенародное празднование 700-летия Радонежского Чудотворца свидетельствует о том, что сегодня, когда памяты кровавые богоборческие времена, когда усилиями исконных врагов России против неё ведётся жесточайшая духовно-идеологическая война, приводящая к массовой нравственной деградации нашего народа, проводится массивированное террористическое запугивание страны, для нашей всенародной политической и нравственной жизни нам опять нужен преподобный Сергий. Нужен — с его решительными помыслами, с его святыми чувствами. Он нам нужен в своем спасительном богоподобии. Нам нужны его заповеди, достойные превратиться в народную идею, которая поможет России вырваться из надвигающейся на мир смертной тьмы тотального греха и следовать предначертанным путём к вечному Воскресению.

И нет сомнения, что святой Сергий слышит нас, знает, что он нам нужен. Ведь сколько в последние годы чудес творится по нашим к нему молитвам. Множество свидетельств помощи святого старца среди военных, покровителем которых он является со времён Куликовской битвы. О помощи Сергия свидетельствуют бойцы группы «Альфа», штурмовавшие больницу в Будённовске, захваченную боевиками. Им удалось с минимальными потерями одолеть вражью группировку, превосходящую числом, вооружением, расположением. Как говорят бойцы нашего спецподразделения, чеченцам как будто кто глаза застилал, они не могли попасть в русских солдат с близкого расстояния. Похожие свидетельства поступали и от участников контртеррористической операции в Беслане. А сколько чудес творится в интернате для слепоглухонемых детей, расположенном на территории Троице-Сергиевой Лавры. Многие из них, инвалиды от рождения,

конечно, не без самоотверженного труда педагогов, становятся полноценными людьми, получают образование, специальности.

Великое чудо святого — возрождение самой Троице-Сергиевой Лавры, поток верующих в которую не только не пресекается, но становится шире, полноводнее. Современное, как будто и не было страшного разрушения Русской Православной Церкви в XX столетии, жестокой Гражданской войны, будто не было тягот войны Отечественной, звучат слова, сказанные В.О. Ключевским на 500-летие кончины преподобного: «Когда вместе с разнообразной, набожно крестящейся народной массой вступаешь в ворота Сергиевой Лавры, иногда думаешь: почему в этой обители нет и не было особого наблюдателя, подобного древнерусскому летописцу, который спокойным неизменным взглядом наблюдал и ровной бесстрашной рукой записывал, «еже содеяся в Русской земле», и делал это одинаково из года в год, из века в век, как будто это был один и тот же человек, не умиравший целые столетия».

Но, кажется, есть такой «человек, не умирающий целые столетия», — это сам Сергей. Он, «собиратель русских душ», выступив за границы времени, за черту собственного века, внимательно смотрит на нас, ожидая нашей ему помощи в нынешних и грядущих его подвигах и благодеяниях. И свидетели его милостивого и требовательного взгляда есть. Невозможно не поверить Валентину Распутину, рассказавшему так о своей встрече с преподобным на Куликовом поле в канун 600-летия битвы. «В ту ночь я впервые близко ощутил присутствие Сергия. До того близко, будто, отыскав меня, чужака, он и ко мне прикоснулся умиротворяющей дланью. Сыграли тут роль рассказ товарища, душевные поиски перед великой датой, когда, как археологу перед раскопом, который завтра закрывать, так хочется отыскать самое важное... И я, кажется, нашёл. Оно было со мной, но правильно ли рассмотрел я его, это уже другое дело. Только, бывая не раз в Сергиевой Лавре, я и возле мощей преподобного не мог протиснуться ближе. Что-то мешало. Или многолюдье, густота и сбивчивость чувств от преклонённых. Или то как раз, что мне уже была явлена милость в разверстости той полекуликовской ночи. «Чего же смущаешься, чадо?» — я и голос потом отыскал под эти слова, сказанные под вопрошающе-твёрдый взгляд поднятых глаз» [17].

Промыслительно, что связанное с его 700-летием новое воздвижение преподобного Сергия, при жизни объединившего русский народ и русское воинство в едином национальном порыве в борьбе за независимость, выпало опять на тревожные для России времена. Нам, бесконечно далёким от той трагической и победоносной эпохи, кажется, предстоит столкнуться с новыми смыслами, с новыми врагами, выработать новые стратегии. Но так ли это?

Действительно, вновь обострилась моральная болезнь человечества, называемая войной. Вновь алчут богатств России и с Запада, и с Востока. Никакими словесными убеждениями, никакими бумажными договорами невозможно отгородиться от врага и предотвратить злостную болезнь войны. Но можно её предупредить закаливанием, увеличением сопротивляемости всего «организма» государства, состоящего из множества человеческих личностей, должных понимать духовную суть происходящего, быть убеждёнными в превосходстве духа над материей. «Русское воинство, светлое, бесстрашное, есть, прежде всего, духовная сила, и сталь орудий, и щетина штыков лишь внешняя, наружная оболочка этой силы, материализация духа народа, вызванная моментом и необходимостью, материализация, несколько не противоречащая духу и в то же время отнюдь его не исчерпывающая. Повторяется старая, славная наша быль. Преподобный Сергей на битву с врагами России выслал двух схимников-богатырей; сам же Подвижник и величайший светильник духа остался в пустыне, ибо в жизни духа битва или война есть всего лишь событие, некоторая экстериоризация духовных энергий, сущность же духа безмерно больше, обширнее, глубже». Нет, ничего не изменилось в смыслах и стратегиях, хоть и прошло от великой битвы шесть с лишним веков. И главным русским оружием поныне остаётся духовная сила. Для помощи нам в осознании этого основного закона жизни, для спасения России сегодня вновь «воздвигается Сергей»!

---

[1] Ключевский В. О. Слово к 500-летию со времени преставления Сергия Радонежского.

[2] Цит. по: Самые знаменитые войны и битвы России. М., 2002. С. 55.

[3] Житие преподобного Сергия Радонежского. Составитель архиепископ Никон (Рождественский). Сретенский монастырь, 2005. С. 159.

[4] Муравьев А. Н. Путешествие по святым местам русским. М., 1990.

- [5] Житие преподобного Сергия Радонежского. Составитель архиепископ Никон (Рождественский). Сретенский монастырь, 2005. С. 152.
- [6] *Федотов Г. П.* Святые Древней Руси. М., 1991. С. 235.
- [7] *Перевезенцев С. В.* Тайны русской веры. Вече., 2001. С. 187.
- [8] *Дионисий Ареопагит.* Корпус сочинений. СПб., 2008. С. 168.
- [9] *Георгий Георгиевский.* Завет преподобного Сергия. Чтения в Обществе любителей духовного просвещения. 1892. № 11.
- [10] *Киприан (Керн), архимандрит.* Евхаристия. М., 1999. С. 7.
- [11] Творения святителя Иоанна Златоустого. СПб., 2-е изд., 1904. Т. 10. С. 237.
- [12] Тайна Церкви и Евхаристии в свете Тайны Св. Троицы / Международная смешанная комиссия. Мюнхен. 1982. С. 27.
- [13] *Флоренский П. А.* Троице-Сергиева Лавра и Россия. У водоразделов мысли. Новосибирск, 1991.
- [14] *Меньшиков М. О.* Вечное воскресение. Русский вестник. М., 2003. С. 54.
- [15] По материалам: *Олсуфьев Ю. А. граф.* Икона в музейном фонде // М. Гореев. Троицкая Лавра и Сергей Радонежский // Паломник. М. 2006. С. 323.
- [16] Житие преподобного Сергия Радонежского. Составитель архиепископ Никон (Рождественский). Сретенский монастырь, 2005. С. 54.
- [17] Сергей Радонежский // *В. Г. Распутин.* Ближний свет издалека // М.: Патриот, 1991. С. 526.
- [18] Русские философы о войне / *В. Ф. Эрн.* Меч и крест. М.: Кучково поле, 2005. С. 443.

Публицистика

Татьяна Скобкина

Татьяна Скобкина родилась в 1975 году в Москве. Окончила Государственный университет управления им. Серго Орджоникидзе. Лауреат Международного фестиваля литературы и культуры «Славянские традиции - 2012». Лауреат Международного фестиваля русскоязычных писателей «Литературная Вена - 2013» в номинации «Публицистика».

ЖИЗНЬ ЗА ПРОФНАСТИЛОМ

Детство – пора беззаботности, веселья, радости. Как говорят, в детстве и небо голубее, и трава зеленее. В детстве у тебя много друзей. Гоняешь на велике, играешь в «вышибалы», «в войнушку», в прятки. Справляешь дни рождения. На днях рождения – весёлые конкурсы, фанты, призы и подарки. Всем весело - все счастливы. Все такие милые и хорошие: и родители, и дети, и их бабушки и дедушки. Ты смотришь на них и думаешь: «Мир прекрасен и удивителен! Вот так и продолжалось бы вечно!» Но...

Как известно, всему хорошему рано или поздно приходит конец. Так и тут. Ты вырастаешь, взрослеешь, умнееешь. Неожиданно выясняется, что друзья тебе не друзья. Их родители вовсе не такие хорошие, как тебе представлялось в детстве, а их бабушки и дедушки и подавно не такие милые и плюшевые, как ты о них думал.

Моё счастливое детство пришлось на закат Советского Союза. У меня не было ни компьютера, ни новомодных вертолётов, самолётов, ни кукол Барби и Кена, ни двадцатискоростного велосипеда, ни большого плюшевого медведя Тедди. Зато у меня были шахматы, шашки, прыгалки, резиночка, спортивный мяч, бадминтонные ракетки со старыми, потрепанными воланчиками и велосипед – настоящий кондовый, без выкрутасов, советский велосипед «Аист». Остальные имели такой же стандартный набор развивающих и укрепляющих советского ребёнка игрушек. Компания у нас была большая и дружная. Собирались все вместе, весело проводили свой досуг, иногда размышляя, что пройдут годы, мы повзрослеем, но всё так же будем держаться друг друга. А что нам помешает? Нет никаких преград для настоящих друзей.

Время шло. Мы становились всё старше и старше. Развалился Советский Союз, чему мы не придали особого значения, уверенные, что будет ещё лучше, появятся другие перспективы и возможности. Закончили школу. Потом институт. Правда, вместе с Советским Союзом потихоньку стала разваливаться и наша дружная компания. Всё перевернулось с ног на голову. Что раньше было хорошим, в одночасье стало плохим, доброе – злым, постыдное - почётным, полезное – бесполезным. Воспитанным на определённых ценностях советской эпохи, нам вдруг сказали, что это не ценности, а пережитки непутёвого советского прошлого, некий атавизм. Преданным собственным правительством и потерянным во времени, нам только и оставалось, что приспособиться к новой конъюнктуре, к новым правилам нового государства. Государству уже не требовались учёные, инженеры, учителя, военные. Государству требовались бухгалтеры и юристы, грамотно стряпающие нужные балансы и каверзные договоры. К власти пришёл класс жуликов, мошенников и спекулянтов - людей с сомнительным прошлым и ещё более сомнительным будущим. Стали пропагандироваться совсем иные ценности. Мерилом успеха стали деньги. Неважно, сколько человек ты обманул и кинул, что поводом для карьерного роста послужила украденная у прошлого работодателя база клиентуры. Это всё не так важно. Зато у тебя «Мерседес» последней модели и дом в Жуковке. Вот что важно. Не важно архитектор ли ты, спроектировавший станцию метро, или доктор физико-математических наук, написавший десятки трудов, переведённых на многие языки мира, или пожарный, спасший сотни людей. А может, ты участвовал в строительстве БАМа, поднимал целину, воевал и имеешь ордена и награды? У тебя есть «Мерседес»? Нет? Какой же ты уважаемый человек? Вот Витька Понькин – это да! Держит под собой десяток палаток, торгующих всякой ширпотребщиной. Они ему каждый месяц бабло отстёгивают. Уже и хату в центре справил, и иномарку прикупил, теперь дом в Барвихе хочет. Вот он – да! Ничего не скажешь – человечиче!

Избалованные советским детством, надломленные и разочарованные, мы выживали. Кто как. Новые правила игры пришлось по вкусу далеко не всем. А что делать? Либо спиваться и жаловаться на судьбу, либо бороться, либо мимикрировать под новое общество - общество потребления. Борьба с системой – неблагоприятное занятие, так что большинство выбрало более простой и рациональный путь: принять новые нормы и правила и постараться выжить. Более слабые спивались да скальвались. Озлобленность, зависть к чужим успехам, разобщённость, атомизация коснулась не только нашей дружной компании, но и всей страны. Всю предыдущую жизнь жившие без заборов, ходившие друг к другу в гости, угощавшие друг друга хачапури и клубничкой люди замкнулись. Появились двух-, а то и трёхметровые заборы из профнастила. Идешь по посёлку, как по заводу. Слева и справа – железо. Не дай бог, что случится, никто не выйдет, не поможет - моя хата за профнастилом. Как однажды сказал один бывший приятель: «Моя семья – вот что главное! Остальные не волнуют!» Да, бесспорно, семья – это главное. Но как же с остальными? Свою семью ты оберегаешь, защищаешь, а другие?

Одну мою знакомую, милую девушку двадцати лет, по возвращении из института подловили пьяные гопники. Нож к горлу приставили, поймали тачку, насильно туда посадили и повезли в лес. Бог его знает, зачем. Ну, уж точно не в шахматы играть. Доехали. Вышли. Она секунд на десять в машине замешкалась. А они стоят рядом с машиной и кричат ей: «Ну, что там ещё? Пошевеливайся, сука!» Она не растерялась - задние двери быстренько закрыла, заблокировала и кричит водителю: «Гони!» А он ей отвечает: «Мне проблемы не нужны. Сама вяпалась – сама и выпутывайся». Взял да и разблокировал двери. Вытащили за шкуру её из машины, полупцевали в воспитательных целях и потащили силком в лес. А водитель спокойно уехал. В тот раз знакомой повезло. Ей всё же удалось сбежать. Чересчур пьяные гопники плохо ориентировались в лесу. Улучив удобный момент, знакомая дала дёру и спряталась в небольшой ложбине. А ведь могло закончиться по-другому. Гораздо печальнее.

Прошло много времени. Знакомая до сих пор вспоминает того водителя, мысленно задавая ему всего один вопрос: «Вот скажи мне, чтобы ты сказал человеку, отказавшемуся помочь твоей родной дочери в такой же ситуации?» Ведь, вполне вероятно, у него была семья. А может, даже и дочь, ровесница моей знакомой, может, чуть младше. Что, если с его дочерью случилось бы подобное? Что, если такой же водитель сказал бы ей: «Мне проблемы не нужны?»

Разобщённость, полная деградация чувства сплочённости, единства – вот она плата за новые ценности нового общества.

Как пример, у семьи трёхкомнатная квартира. Выделили квартиру деду по материнской линии, Герою Советского Союза, инвалиду Великой Отечественной войны. В трёх комнатах живут двое: мать и отец. Дед давно умер. Ещё одна квартира досталась от бабушки по линии отца. Всю свою жизнь она проработала на оборонном заводе, получила медаль «За оборону Москвы». И опять-таки квартиру. Квартира сдаётся. Надо же как-то жить отцу и матери. На пенсию особо не пошikuешь. Вот и крутятся. Всё бы ничего. Да вот их сын, внук бабушки и геройского деда, вместе со своей семьёй, женой и маленькой дочкой квартиру снимает. Тужится из последних сил, а снимает. На что мать и отец спокойно говорят: «Разве мы должны выделять вам жилплощадь? Почему не родители нашей обожаемой невестки?» А родители невестки сами с усами. Квартиру тоже сдают и кивают в сторону родителей зятя. Уже семь лет друг на друга кивают. Тем не менее сын всегда говорит: «Всё это ерунда. Семья – это святое. Какие бы ни были – всё равно надо держаться вместе» Ну, знаете ли. С такой семьёй и врагов не надо иметь.

А однажды пошла на рынок. Знаете эти постсоветские рынки? Ничего хорошего от них не жди. Смотрю, незванный гость нашей столицы ворует у женщины из сумки кошелек. А женщине хоть бы хны – мило болтает с продавцом, ничего не замечает. Подхожу. За руку его хлоп. «Что ж ты делаешь? - спрашиваю. - Совсем обнаглел?» Он чего-то на своём кудахтать стал. Возмущается. Секунд десять не прошло – обступило меня человек семь его земляков. Толкают, злобно так зыркают, оскорбляют: «Ты чего, сука? Куда лезешь? Тебе больше всех надо? Кто тут ворует, сучара? Язык бы тебе отрезать, чтобы на честных людей напраслину не возводила».

Из моих соотечественников, коих на рынке было немало, за меня не вступился никто. Проходили мимо. Некоторые специально обходили, чтобы ненароком не зацепило, если что. Рекордсменом же стала едва не обворованная женщина с сумкой. Именно её реакция побила все рекорды порядочности. Почувствовав, точнее услышав, что сзади происходит что-то нездоровое, предварительно проверив кошелек и убедившись, что с ним всё в порядке, она развернулась и ушла. Не сказав ничего.

А вот теперь представьте себе: приезжаю я в родной город наших незваных гостей и пытаюсь украсть у местной женщины кошелек. Что со мной будет? Правильно, я там и останусь. Навсегда. И только не подумайте, что я имею в виду тюрьму. К нам же можно приезжать и безнаказанно делать всё, что угодно: хамить, воровать, убивать, насиловать. Дома-то так не разгуляешься – свои не позволят. А тут пожалуйста, ибо всем на всё наплевать. Ах, ну да, конечно, кроме семьи.

Вот только живя в бесчувственном, наплевательском обществе, можно ли быть спокойным за свою семью? Невозможно всю жизнь прожить за профнастилом. Когда-нибудь придётся и выйти из убежища. А что за пределами? За пределами тот мир, который создали мы сами, пытаюсь приспособиться к новой жизни и новой идеологии. Дети уже не играют в «вышибалы» и «в войнушку». Они сидят в своих псевдокрепостях и играют в совсем другие игры - в компьютерные. Уже не надо больше пачкаться, карабкаясь по деревьям, играя в прятки, строя шалаши. Ты можешь взять виртуальный пистолет, автомат, танк и спокойно, не выходя из дома, в домашнем тепле и уюте убивать нарисованных противников. Они сидят в Интернете. Они дружат виртуально. Так проще, удобнее и никто никому ничего не должен. Они больше не навещают заболевших друзей. Просто напишут в социальной Сети: «Выздоровливай, чувак. Чмоки!» - и всё. Вы скажете, что это прогресс, что всё идёт своим чередом, как и должно идти. Согласна. Да, это технологический прогресс при полной духовной деградации общества. Всё тепло личного общения осталось там, в нашей бездарно потерянной, но любимой стране, дававшей людям возможность гордиться тем, что они её граждане, а не стыдиться этого.

Поэзия

Владимир Тыцких

Родился в 1949 году в Казахстане. Окончил Усть-Каменогорское медицинское училище по специальности «фельдшер» и Киевское высшее военно-морское политическое училище. Служил на Балтийском и Тихоокеанском флотах на надводных кораблях, подводных лодках, в редакции газеты флота, прошёл путь от матроса до капитана второго ранга. Автор тридцати книг поэзии, прозы, публицистики и литературной критики. Публиковался в отечественных и зарубежных изданиях, лауреат различных литературных конкурсов. Заслуженный работник культуры России, редактор дальневосточного журнала «Сихотэ-Алинь». Живёт во Владивостоке.

***

Любуюсь узорными гроздьями –
Срывать их не время пока.
Калина, красавица поздняя,
Уж как ты, родная, горька.

Одна налитою да рясною
Ты вышла из всех непогод.
Уж я соберу мою красную,
Лишь первый морозец прижмёт.

Калинушка, русская скромница,
Застенчивый сон ноября...
Попробую ягодку – вспомнится,
Как мама любила тебя.

НАД КУРГАНОМ

А в поле светало, и поле,
Испив предрасветной росы,
Дышало покоем и волей
И не ожидало грозы.

Земля согревалась и млела,
И прятала ветер в траве;
И мысль моя облаком белым
Пыталась летать в синеве.

А в небе над старым курганом,
Уснувшим у крайней межи,
Кругами, кругами, кругами
Безмолвный могильник кружил.

Всё было любимо до боли:
И холм среди дола, и дол,
И поле, и небо над полем,
И в небе парящий орёл.

Всё было до смерти знакомо:
И солнце, и солнечный луч,

И голос далёкого грома
Ещё из невидимых туч.

Так сделалось в мире тревожно,
Так страшно, что впору бежать,
Так тихо – кричать невозможно,
Так душно, что нечем дышать.

Не стало в предгрозной морильне
Ни люда, ни зверя, ни птах,
И лишь одинокий могильник
Всё реял в родных небесах.

Над полем, над старым курганом,
Что спит у последней межи, –
Кругами, кругами, кругами
Кружил, и кружил, и кружил...

***

По-над водой, где тучам зябко,
И небо льётся из прорех,
Стучит, срываясь в крик, морзянка
В хаосе радиопомех.

Лучом прожектор полночь рубит.
О чём, о чём сигналил он?
Так сладко спит матросский кубрик,
Так чуток этот сладкий сон.

Тревога! Нас зовёт тревога
И сны срывает с якорей.
Бежим, бежать стараясь в ногу,
Чтоб легче было и быстреей.

Трап загудел под каблуками.
Люк громыхнул над головой...
А что в пути случится с нами,
Ещё не знает шар земной.

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ОТСЕК

***

Валентину Курбатову

– Принять балласт!
 За параллелью дальней
 чужие корабли идут во фронт.
 Негромко щёлкнет тумблером центральный:
 – Акустики, прослушать горизонт!
 Поют винты. Всплывать ещё не скоро.
 Но в герметичном чреве корабля
 мы знаем всё,
 о чём вздыхает море,
 и всё,
 о чём тревожится земля.

Железной гарью пахнет ветер века.
 Гудит над нами тёмная волна.
 И в тишине
 центрального отсека
 всемирная
 хранится
 тишина.

НОЧЬ НА РОЖДЕСТВО

Мы с командиром, заскував маленько,
 Вернувшись с моря в ночь на Рождество,
 Употребляли спирт под карамельку
 В холодном кабинетике его.

Проверив дважды лодочную вахту,
 Вошли мы в этот самый кабинет,
 И командир шепнул: «Немножко жажнешь?»
 И я ему сказал: «Вопросов нет».

Умчалась по домам сходная смена,
 И вымотанный морем экипаж
 Отбился и уснул почти мгновенно,
 Ничем не нарушая праздник наш.

Мы шахматы расставили. Он – душка.
 И я ему проигрывал слегка.
 И мне хотелось жареной индюшки,
 И грезил он цыплёнком табака.

Но табака, тем более индюшки
 Там не было, а были вместо них
 Вода в графине, спирт в бутылке, кружки
 И в блюде барбариска на двоих.

Бутылку мы прибрали между прочим,
 И солнце заглянуло к нам в окно.
 И было той рождественскою ночью
 Спокойствие страны защищено.

Кажется, что нету жизни –
 Умер даже птичий свист.
 Мокнет крестик на карнизе –
 Золотой кленовый лист.

За окном – родного взгорья
 Бледно-серое панно,
 Но туманом с синя моря
 Занавешено оно.

За окном – озноб залива,
 Дальше – Тихий океан:
 И не видно перспективы,
 И расплывчат первый план.

За окном готовит вьюгу
 Мутный вечер ноября.
 Улететь бы птицей к другу!..
 Грустно, проще говоря.

За окном – одна морока.
 У причала спит паром.
 Сыро. Сиро. Одиноко.
 Просто осень за окном.

Просто неподвижной мглюю
 Занавешено оно.
 Просто живы мы с тобою,
 Да не виделись давно.

***

Мир всё заметил, но, похоже,
 Он сделал вид, что не заметил,
 Как восхитительно негоже
 Всё перепуталось на свете.

С улыбочкой в ладоши хлопнув,
 Под наши бредни время вышло
 Рассказывать такие хохмы,
 Которых свет давно не слышал.

За хохмы эти, эти бредни
 В конце концов оно и взыщет.
 Не каждый нищий будет беден,
 Богач скорее станет нищим.

А мы так радостно шутили,
 Что скоро отвечать придётся
 Дровам за то, что их рубили,
 Воде за грязь на дне колодца.

Но понапрасну брёл я следом
Там, где нога твоя ступала.
Я про дела твои не ведал,
Ты о мечте моей не знала.

Не всякий в том, чего он ищет,
Готов признаться без утайки.
Не каждый попрошайка – нищий.
Не каждый нищий – попрошайка.

За всё, что с нами приключилось,
Любой отметь меня наградой –
Приму и милость, и немилость,
Но милостыни мне не надо.

ЧЕТВЁРТОЕ КУПЕ

Рельсы прогибались под вагоном,
Время лбом таранил тепловоз,
И пустой стакан певучим звоном
Отвечал на перестук колёс.

Не спалось в дороге спозаранку,
А сосед мой взапуски храпел.
На ночном безвестном полустанке
Ты вошла в четвёртое купе.

Непослушных взглядов вероломство.
Грустных глаз горячие огни.
Милые вагонные знакомства,
Как непрочны в памяти они!

Девочка, попутчик твой нечаянный,
Я с тобой гляжу в одно окно.
Я не знаю, чьей ты будешь тайной.
Жаль, моею быть не суждено.

Счастьем или временной утехой
Станешь ты в неведомом краю?
Жаль, что я давным-давно проехал
Будущую станцию твою.

Я не знаю, что стряслось с тобою,
Что со мною случилось, не пойму –
Почему так жалко нас обоих,
Ночь и поезд, мчащийся во тьму?

***

Ах, вечная жизнь, ты не знаешь покоя
И тем бесконечно душе дорога.
Спасибо за то, что махнула рукою,
Позволив причалить к твоим берегам.

Само волшебство – после вахты моряцкой
По тёплой траве пробежать босиком,
Но ты не смотри, что сегодня я в штатском –
Я был и останусь твоим моряком.

Со мной твоё море, и небо, и поле,
И парус надежды, и крылья мечты,
И радость и горе, неволя и воля,
На древних погостах родные кресты.

И жаль и не жаль, что гадать мне недолго,
Клубит за курганом туман или дым,
И что там, за тихим далёким просёлком,
И здесь, за последним причалом моим

Ах, вечная жизнь, разговор наш короткий:
Тебе продолжаться, а мне суждено
Однажды уйти, как подводная лодка
В режиме молчанья уходит на дно.

И жаль и не жаль мне, что я не услышу,
Но знаю, что будет в дали голубой,
Как колокол вечный, то громче, то тише,
Гудеть у родимого пирса прибой.

И жаль и не жаль, что всему свои сроки,
Для всех по морям, по полям и лесам
Свои маяки, родники и дороги,
Но звёзды одни и одни небеса.

***

Ветка кленовая, заледенелая,
Словно живая, стучится в окно...
Что она плачет, метелица белая?
Не отворю я дверей всё одно.

Избы по самые крыши заснежены.
Глянешь в оконце – ни зги не видать.
Так-то зима разгулялась, сердешная,
Так безоглядно пошла бушевать!

Так разошлась, завелась, забуранила,
Перемела времена и пути!
Плачет метелица песнею раненой –
Не удержать, не унять, не спасти.

Экая силища неукротимая!
Птице ли, зверю ли – несдобровать.
Как же любить надо землю родимую,
Чтобы до смерти на ней зимовать!

Публицистика

Владимир Морар

Родился в 1957 году в Калининграде. Окончил филологический и юридический факультеты Калининградского государственного университета. Заслуженный учитель РФ, лауреат премии Президента, победитель Всероссийского конкурса «Учитель года – 2000». Публиковался в журналах: «Русская словесность», «Народное образование», «Литература в школе» (лауреат этого журнала за 1997 год), в журнале «Балтика».

ЦЕННОЕ ПРИЗНАНИЕ ГОСПОДИНА ФУРСЕНКО

Исполняя роль министра образования и науки РФ, Андрей Фурсенко однажды изрёк: «Пороком системы советского образования было стремление создать человека-творца. Тогда как задача образования России – создать квалифицированного потребителя, способного пользоваться результатами труда других». С точки зрения логики, такое противопоставление небезупречно, поскольку умение творить не отменяет способности пользоваться плодами творчества других. Но это высказывание проясняет многое! И, прежде всего, показывает, что собой представляет нынешний правящий класс России.

СТРАННОЕ НАЗВАНИЕ ОДНОЙ УМНОЙ КНИГИ

Советский Союз рухнул по вине «квалифицированных потребителей». Той самой «элиты», что во времена хрущёвской «оттепели» задекларировала в Программе КПСС цель – менее, чем за 20 лет, построить «коммунизм», то есть общество, где «каждому будет дано по потребностям». Этакий потребительский рай в отдельно взятой стране. Хотя этих людей можно понять: столько пришлось перенести лишений и страданий тому поколению советских людей, что хотелось поскорее улучшить их жизнь. И страна бросилась догонять США, которые из войны с фашизмом вышли не разорёнными, как мы, а разбогатевшими. Но Россия не Америка, а Архангельск не Айова, поэтому сделать кукурузу «царицей полей» не получилось даже у тех, кто искренне стремился претворить в жизнь решения очередного «исторического съезда» партии. Как справедливо отметил замечательный философ А.С. Панарин, такое «соревнование с лидерами прогресса, первыми освоившими и определившими его параметры, представляется изначально обречённым делом. Ибо как только они (стремящиеся догнать) обнаруживают себя способными учениками, создавая тем самым риск для западного авангарда, последний тут же меняет правила игры и снова оказывается в выигрыше».

Ложно выбранная цель, парадигма «догоняющего развития» определили неизбежность поражения СССР в «холодной войне», войне нового типа, где битва шла за души людей, за их сознание. Отставание в «соревновании двух систем» породило разочарование, безверие, отчуждение от собственной культуры как от отсталой культуры «совка». Так стала возможной «перестройка».

Советский Союз действительно переживал кризис. Но это был кризис структурный. Все проблемы были решаемы в рамках существующего строя. Многие из тех, кто поддерживал Горбачёва, к этому и стремились. Они хотели улучшить существующий строй, чтобы от «казарменного» перейти к «социализму с человеческим лицом». Развитие нынешнего Китая показало, что это вполне можно было тогда сделать. Но у «архитекторов и прорабов перестройки» замыслы были иные. Они целенаправленно структурный кризис превращали в системный. Именно они, используя всю мощь пропагандистской машины КПСС, убеждали общество, что «иного не дано», как вернуться в «общеевропейский дом», приобщившись к «ценностям западной цивилизации». Так готовилась смена общественного строя. «Перестройка» замышлялась прологом к этому. Она являлась спецоперацией по демонтажу той общности, что называлась «советским народом». Вот почему такой дискредитации подвергалось всё, что было связано с советским периодом истории. Удар расчётливо наносился по святыням нации (например, по восприятию

подвига народа в Великой Отечественной войне), по институтам, являющимся основой любой государственности (аппарату управления, армии, милиции, школе), по экономическим основам советской системы.

СССР разрушили «квалифицированные потребители», мечтавшие жить так же, как живут хозяева «лучших домов Лондона и Парижа». Они сдавали страну стратегическому противнику за обещание, что будут допущены в сословие «хозяев мира». Поэтому интересы глобального бизнеса для них оказались важнее, чем нужды населения России. Так народ остался без элиты, поскольку был предан ею. Вот почему Панарин так и назвал свою умную книгу «Народ без элиты».

Именно «квалифицированные потребители» провели приватизацию по Чубайсу, рассчитывая, что частная собственность позволит им сохранить собственное благополучие независимо от судьбы предназначенного на слом государства. Так окончательно они освобождали себя от всяких обязательств перед населением «этой страны». Проведённый в «перестройку» демонтаж народа, превращение его в лишённую скрепляющих начал массу, были необходимы для того, чтобы тотальное разграбление страны не встретило сопротивления. Именно «прихвизаторы» устроили в октябре 1993 года кровавую бойню в центре Москвы, чтобы устранить последние препятствия на пути построения потребительского рая для избранных.

В результате «перестройки» и ельцинских «реформ» в России была осуществлена деиндустриализация, ввергнувшая в бедность основную массу населения, а у власти оказался класс, которому выгодно положение страны в качестве сырьевого придатка Запада, поскольку благополучие этих людей связано с распродажей невозполнимых ресурсов. Россия для них – всего лишь территория «бизнеса», поскольку свою судьбу они давно связали с фешенебельными странами, где живут их семьи и где на счетах в банках размещено «нажитое непосильным трудом». Не зря известный экономист Михаил Делягин называет их «правлящей тусовкой». А профессор МГИМО В.Ю. Катасонов наших доморожденных «олигархов» и коррумпированных чиновников, спешащих спрятать наворованное в офшорах, именует клептоманами.

Такие «квалифицированные потребители» объективно не заинтересованы в каком-либо развитии страны, поскольку оно неизбежно потребует появления у власти подлинной элиты – людей, способных понимать вызовы времени и защищать национальные интересы. Тех, для кого судьба России – их судьба. Развитие неизбежно потребует появления человека-творца. Высказывание Фурсенко – это проявление страха «правлящей тусовки» перед такой перспективой, это их мечта о сохранении своего владычества, а значит, и участи России в качестве периферии капиталистического мира.

«ФЕНОМЕН ПУТИНА»

Объяснение ему даёт А.С. Панарин: «Более половины национальной собственности было приватизировано офицерским корпусом бывшего КГБ... Следовательно, и верховная власть должна быть представлена, списочно и поимённо, ими же». Так власть оказалась в руках Путина и так называемых «силовиков». При Ельцине же на международной арене Россию представляли «либералы», то есть более или менее последовательные сторонники глобального открытого общества. Путин, как глава государства, вынужден обеспечивать компромисс интересов различных властвующих кланов, поддерживать баланс сил между «либералами» и «силовиками». Этим объясняется особенность его политики.

Во многом он продолжил «линию Ельцина». «Монетизация льгот» – это продолжение гайдаровской политики отказа государства от обязательств перед населением страны. Введение подушевого финансирования в образовании и здравоохранении при нищенском финансировании их – отказ от идеи социального государства (хотя в конституции РФ это определение по-прежнему декларируется). Вступление в ВТО на кабальных условиях – доказательство того, что интересы «олигархов», перегоняющих на Запад наши ресурсы, для нынешней власти превыше всего. Не случайно сегодня весь финансово-экономический блок в правительстве РФ, а также Центральный Банк – в руках «либералов».

Но вместе с тем при Путине были предприняты шаги по укреплению государства, о патриотизме заговорили даже те, кто совсем недавно называл его «последним прибежищем негодяев». Случилось это потому, что «правлящая тусовка» вынуждена была усвоить несколько уроков, преподанных ей «западными партнёрами». Устами Збигнева Бжезинского нашей «элите» без церемоний было указано, что в обожаемом ею «европейском доме» она всего лишь прислуга,

которую дальше прихожей пускать не принято. А концепция глобального «открытого общества» предполагает, что приватизация по Чубайсу – это всего лишь первый этап изъятия собственности, потому что дальше она должна быть передана хозяевам однополярного мира, и прежде всего, победившей в «холодной войне» сверхдержаве. События вокруг офшорной зоны на Кипре в 2013 году показали, что российским клептоманам уготована роль «лохов последней инстанции», то есть тех, кто покрывает все убытки участников глобальной финансовой пирамиды, хитроумно выстроенной западной олигархией. А судьбы Слободана Милошевича и Муамара Каддафи наглядно продемонстрировали, что бывает с лидерами, не опирающимися на мощь своего государства. Пришлось «элите» РФ снова вспомнить о народе «этой страны» и хоть что-то делать для него. Сегодня социальный компромисс в России обеспечивается подачками, которыми «правлящая тусовка» одаривает население. Высокие цены на энергоносители пока позволяют поддерживать такую «стабильность».

Фурсенко, по сути дела, сформулировал социальный заказ правящего класса школе. Воспитание поколений «квалифицированных потребителей», озабоченных только личным благополучием, призвано заблокировать осознание вопиющей несправедливости нынешнего общества иллюзией, что возможность стать «успешным» зависит исключительно от самого человека и от удачи. Поэтому и школе было велено воспитывать конкурентоспособную личность, побеждающую всех соперников в борьбе за своё «место под солнцем» в обществе, где «человек человеку – волк».

Можно по-разному относиться к Октябрьской революции 1917 года, но, несомненно, она не была случайной. Она стала попыткой разрешить противоречия, перед которыми оказался бессилён царский режим. Это вопиющая социальная несправедливость, имущественное неравенство, ставшее пропастью между богатыми и бедными. И это стремление играть роль мировой державы при сохранении сырьевой ориентированности экономики. Те же проблемы стоят и перед нынешней властью. Однако высказывание Фурсенко показывает, что она и не помышляет решать эти противоречия. Что делает нынешнее государственное устройство России весьма хрупким.

С точки зрения тех, кто связывает свою судьбу с судьбой России, путинский режим антинароден и антинационален, поскольку это режим олигархический, выражающий интересы толстосумов. Даже такие «ура-путинисты» (определение дано Б.С. Мироновым), как Н. Стариков, С. Кургинян и А. Проханов, являются сторонниками нынешнего президента, потому что надеются, что он сумеет изменить курс, преодолеть наследие «ельцинизма» и обеспечит развитие страны. Внедряемый ныне «патриотизм» тоже весьма специфичен: прежде всего он предполагает преданность государству, в конечном счёте – существующей власти. Поэтому так легко сочетается он с подавлением самосознания русских, с воплями о «русском фашизме». Так же, как возвращение к традициям национальной духовности через православие нередко трактуется как отказ от любой формы социального протеста, поскольку, мол, «любая власть от Бога».

С точки зрения «либералов», курс Путина – возвращение к «совку», к временам советской империи, возвращение от демократии во времена тоталитаризма. Что ярко проявилось в их реакции на события в Крыму. Путин никогда уже не станет для них «своим», так как заставил их проститься с некоторыми иллюзиями, заставил снова почувствовать зависимость от государства.

Проводя приватизацию в свою пользу, они мечтали сделать так же, как на Западе. Не зря Борис Березовский в 90-е годы хвастался: «Капитал нанимает власть». Но в России всегда было наоборот: обладание властью – необходимое условие для распоряжения собственностью. Доморощенные «либералы» также мечтали и о двухпартийной системе, такой же, как в «цивилизованных странах». Однако нынешняя избирательная система такую возможность исключает.

Причина этого в том, что в России никогда не было частной собственности западного типа. Поэтому, как отмечают историки, и феодализм, и капитализм у нас «развивались не вглубь, авширь». Не привела к появлению такой собственности и чубайсовская приватизация. Крупная собственность в нынешней России является, по существу своему, коллективной собственностью всего правящего класса. «Олигархи» – лишь уполномоченные по управлению ею. «Случай Ходорковского» наглядно продемонстрировал, что бывает с теми, кто возомнил, что вправе распоряжаться такой собственностью, считая её своей. Судьба Романа Абрамовича, напротив, показывает, что он принял правила поведения, продиктованные путинской «вертикалью власти».

Особенности института собственности в РФ определяют и особенности её политической системы. Поэтому и система выборов выстроена так, чтобы партия всего правящего класса (сегодня это «Единая Россия») гарантированно оставалась у власти. Двухпартийная система эффективна, если в обществе достигнуто согласие по базовым ценностям. Порочность проведённой в России приватизации пока исключает это. Поэтому правящий класс и должен на выборах выступать как сплочённая сила. В рядах «оппозиции», напротив, культивируется разрозненность. Демократические процедуры в этих условиях – лишь технологии, обеспечивающие нужный результат. Основой победы является внушаемое электорату убеждение, что альтернативы ни Путину, ни его партии просто нет.

Принадлежность к «партии власти» способствует личному преуспеянию. Именно этот фактор является основой «партийной дисциплины». Обратной стороной её является обезличивание: все вместе члены такой организации – сила, каждый в отдельности – легко заменяемый винтик. История с Юрием Лужковым – «лучшим мэром страны» – тому подтверждение. Но при такой системе и находящийся на самой вершине власти вовсе не воспринимается как незаменимый. Потеря власти для него чревата непредсказуемыми последствиями. Он силен поддержкой своего клана. Но взамен и члены клана должны иметь гарантии своей защищённости. Сюзерен обязан платить вассалам за верность ему. Вот почему Анатолий Сердюков не только избежал наказания, но и был пристроен на «тёпленькое местечко». То же самое произошло и с Фурсенко после того, как он перестал быть министром образования.

ЛОГИКА ЖЕЛАНИЙ И ЛОГИКА НЕОБХОДИМОСТИ

О них любил рассуждать Сталин, понимая, как часто они вступают в противоречие друг с другом. Высказывание Фурсенко – выражение логики желаний. Но логика необходимости диктует другое. Время, когда страна беспечно проматывала советское наследство, закончилось. Об этом авариями напоминают изношенные до последней степени системы жизнеобеспечения, ветхое жильё и заросшие бурьяном сельхозугодья. Достойная жизнь миллионов людей в России, само выживание их требуют, чтобы в стране реально начала осуществляться стратегия созидания. А она невозможна без напряжённого труда и творчества. «Квалифицированные потребители» во власти вообще не способны мыслить стратегически. Озабоченные только личным благополучием, они порождают систему, лишённую внутренних стимулов к развитию. Им необходимы внешние импульсы, подобные Олимпиаде или Чемпионату мира по футболу. Но это затратный и неэффективный путь. Фактором, который может заставить перейти к созиданию, способна стать внешняя угроза. Но она должна ясно осознаваться.

В одном из последних интервью Александр Зиновьев так определил смысл нашей эпохи: «Объединившись в сверхобщество, западные страны, во главе с Соединёнными Штатами, ведут войну за покорение всей планеты... Это агрессия против всего остального человечества!» С крушением СССР фаза «холодной войны» перешла в фазу войны «горячей». События в Югославии, Ираке, Ливии, Сирии – тому доказательство. Он назвал это «перманентной мировой войной», так как она – не единовременная акция, а процесс, который «может растянуться на пять, десять и более лет». Причём, по мысли некоторых западных стратегов, России уготована роль плацдарма и непосредственного исполнителя военных операций в будущей войне против «азиатского коммунизма». Вот свидетельство Зиновьева: «Один крупный советолог перед моим возвращением на Родину сказал мне об этом так: «Нам (то есть США и НАТО) война против Китая обойдётся в 30 или 50 миллионов русских».

А вообще-то, место России в современном мире западная элита чётко определила ещё устами Тэтчер, которая подсчитала, что «экономически обоснованной» численностью населения нашей страны является 15 миллионов человек. Ровно столько, сколько необходимо для «экономики трубы». Высказывание Фурсенко – согласие с такой перспективой. Введённое при нём подушевое финансирование, а также приравнивание образования к услуге обозначают незаинтересованность государства в том, чтобы качественное образование было доступно всем. Результат такой политики – деградация, то есть снижение умственного, морального, творческого уровня страны. А это, в свою очередь, надёжно блокирует возможность перехода к стратегии развития.

И дело не в какой-то патологической кровожадности западных элит. Ими тоже движет некая «логика необходимости», диктуемая желанием сохранить своё доминирование в мире.

Только оно гарантирует сохранение высокого уровня жизни для стран «золотого миллиарда». Остальным наша планета такого обеспечить не может. Остальные – лишние на этом «празднике жизни». Их роль – быть службой избранных. Но столько службы не требуется. Потому и воплощаются в жизнь планы по сокращению населения Земли.

Внешняя угроза требует консолидации общества. На Западе социальный компромисс обеспечивается высоким качеством жизни населения. Поэтому массовое образование в этих странах может ставить задачу воспитания «квалифицированного потребителя». Но попытки внедрить эту же модель в России несостоятельны. Дело в том, что у нас, по сравнению с Западом, всегда производился небольшой общественный продукт. Поэтому потребление «по европейским стандартам» одних у нас неизбежно обрекает на нищету и вымирание других. Для России вопрос жёсткого контроля потребления «верхов» – вопрос её существования.

Советский строй потребление «верхов» всегда ставил под контроль. При Сталине – под жёсткий, при Брежневем – весьма щадящий. Тем не менее кое-кому и это мешало. К тому же коммунистическая мораль стесняла аппетиты властвующих. Такие «квалифицированные потребители» тоже мечтали о потребительском рае. Но только уже не для всего населения страны, а для избранных. Прежде всего, конечно, для себя любимых. Чтобы освободить себя от опеки государства и от обязанностей перед населением «этой страны», они и провели приватизацию по Чубайсу. То есть та собственность, которая раньше приносила доход всему обществу, стала приносить доход только им. Вот тогда и появилась у них возможность покупать яхты да иностранные спортивные клубы. И не обращать внимания на нищенские пенсии и зарплаты. Поэтому контроль за потреблением «верхов» – важнейшее условие преодоления порочности приватизации по Чубайсу, путь к социальному миру. А социальная справедливость – необходимое условие для развития страны.

Эпоха созидания требует гигантской и самоотверженной работы по сборке новой российской общности взамен той, что называли «советским народом». А это потребует согласия в обществе по базовым ценностям. Идеал «квалифицированного потребителя» такую роль сыграть не может. Хотя бы потому, что в условиях вопиющего социального неравенства и бедности большинства населения будет несопоставим уровень потребления. Созидание новой общности требует и восстановления порванной в «перестройку» связи времён. В Великой Отечественной войне мы победили ещё и потому, что сумели это сделать. Начиная с середины 30-х годов, в обществе целенаправленно воспитывался «советский патриотизм»: советский период стал восприниматься как неотъемлемая часть многовековой истории России. Однако высказывание Фурсенко построено на противопоставлении советского периода и нынешнего времени, то есть продолжает «традиции» горбачёвской «катастрофы».

Но высказанный им социальный заказ школе от имени «правлящей тусовки» противоречит и многовековым духовным традициям России. Такая «пищеварительная философия» (Ф.М. Достоевский) всегда воспринималась на Руси как недостойная человека. Ибо он «создан по образу и подобию Божьему». Поэтому и Пушкин не воспринял распространившийся на Западе в эпоху Просвещения взгляд на человека как на «разумное животное», для которого удовлетворение его потребностей – цель жизни. Поэтому такой «квалифицированный потребитель», как Онегин, после нескольких лет погони за наслаждениями впал в хандру от осознания бессмысленности своего существования. И в XX веке вовсе нерелигиозный Чехов не принимал столь одномерного представления о человеческом счастье. Один из персонажей «Невесты» укорял главную героиню этого рассказа: «Как нечиста, как безнравственна эта ваша праздная жизнь. Поймите же, ведь если, например, вы и ваша мать, и ваша бабулька ничего не делаете, то, значит, за вас работает кто-то другой, вы заедаете чью-то чужую жизнь, а разве это чисто, не грязно?»

Высказывание Фурсенко показывает, что «правлящая тусовка» и сегодня продолжает начатую во времена «перестройки» работу по переделке нашего сознания на западный манер, предпринимает попытки изменить ментальность русского народа. Но сказанные в 2007 году, эти слова – невольное признание, что такие желания не сбылись. И это очень важно, потому что ядром новой российской общности по-прежнему будут именно русские.

Высказывание Фурсенко показывает, насколько иллюзорно сознание нашей «элиты». Непонимание России у неё сочетается с непониманием Запада. Ведь современное понятие «качество жизни» вовсе не сводится к «квалифицированному потреблению». Оно ближе к нашему: «Не хлебом единым жив человек». Достаточно взглянуть на знаменитую «пирамиду Маслоу», чтобы убедиться в том, что удовлетворение потребностей – всего лишь необходимый

фундамент для освоения ценностей, материальное – основа для духовной жизни. Элита Запада это хорошо понимает. Поэтому она и переиграла номенклатуру КПСС, «квалифицированных потребителей» во власти. Для того и необходима стратегия развития нашей страны, чтобы мысли о хлебе насущном не определяли содержание жизни человека. Точно суть нашей духовной традиции выразила поэтесса, у которой «душа родилась крылатой», Марина Цветаева: «Два на миру у меня врага: голод голодных и сытость сытых».

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Коммунистические иллюзии Хрущёва и его окружения дорого обошлись СССР. Иллюзорное сознание нынешних «квалифицированных потребителей» во власти может дорого обойтись нынешней России. Но у неё, по словам Ф.И. Тютчева, всегда был один верный заступник: История. То есть логика необходимости. Дай Бог, чтобы она стала определять и логику наших желаний.

Но пока Андрей Александрович Фурсенко, уже в должности помощника президента, по-прежнему занимается вопросами образования и науки.

Поэзия

Андрей Попов

Родился в 1959 году в Воркуте. Окончил филологический факультет Сыктывкарского государственного университета. Автор нескольких сборников стихотворений. Публиковался в отечественных и зарубежных изданиях. Многие стихи переведены на венгерский язык. Член Союза писателей России. Живет в Сыктывкаре.

***

Жую ли унынья пирог,
Влечёт ли дорожка кривая,
Меня ни за что любит Бог,
Которого я забываю.

Сожмётся душа, как зверёк, –
Любви не бывает на свете,
Но вспомню: меня любит Бог,
Которому я не ответил.

В холодном течении дней
Неровным талантом поэта
Я вспомню: насколько сильней
Любовь, что не знает ответа.

ИСКУШЕНИЕ

Престольный праздник. В храме ныне тесно,
Порою даже гул и толкотня.
Лишь демону стоять неинтересно,
Зачем стоит он около на меня?

Стоит и мыслит: «До чего убогий!
Характер мягкий, и в коленках слаб,
И лечится вином от безнадёги,
Глядит во сне на неодетых баб...».

Я слышу его мысли. Он – химера,
Химера, что стоит невдалеке.
Со мной знаменье крестное и вера,
Молитва на славянском языке!

И как ни укоряй, но только ближе
Мне русский храм, где гул и толкотня,
Баб не одетых я во сне не вижу,
Пускай не так давно – всего три дня.

Но, может, я ещё сумею честно,
И я смотрю на праздничный престол,
А ты бы шёл – тебе неинтересно,
И в храме нашем тесно. Ты бы шёл.

ПЕРЕСЕЛЕНИЕ ДУШ

Я не искал у Байрона в стихах
Ни глубины, ни силы, ни свободы,
Читал их через строчку, впопыхах –
К экзамену, в студенческие годы.

Запоминал, что Конрад был пират,
Унылый романтизм – примета века,
Что Манфред – маг, Шильонский замок – ад,
Светлы природа и восстанье греков.

Я сдал экзамен. Мне достался Скотт,
И Байрона забыл я, как химеру...
Но слышу: «Байрон! Байрон!» – то по скверу
Гуляет школьница, эрдельтерьера
Знакомым звонким именем зовёт.

Эрдельтерьер визглив, да не уныл,
И даже мил. Какой чертою морды
Или характера он повторил
Английского романтика и лорда?

А может, и ничем, пустой вопрос.
Царит каприз, легко соединяя
Поэта, умиравшего, как пёс,
И пса с визгливым и банальным лаем.

Пустой учебник – зря я прочитал,
Что Чайльд Гарольд тиранов презирает.
Вот вижу: хвост купирован и мал,
А всё-таки виляет и виляет.

ВАСИЛИЧ

Василь Василич назывался дедом,
Но был не дед мне – знал я про обман.
Он помогал чинить велосипеды,
До станции нёс маме чемодан.

Не воевал – в тюрьме сидел, наверно,
Украл чего-то – это я решил.
В России мир... Он пил дешевый вермут,
Чуть что ругаясь – мать твою в кувшин.

А мама говорила деду строго:
«Не матерись, здесь не пивной буфет,
И дети слышат. Ты побойся Бога!»
Василич отвечал, что Бога нет.

К нему приехал за отцовской лаской
Сын из Тамбова, тридцати двух лет.
На мотоцикле новеньком с коляской
Катал родню – и вылетел в кювет.

Все живы – их на «скорой» увозили,
Среди сочувствий, вздохов и машин
Дед отряхнулся от дорожной пыли –
Ни садины, вот мать твою в кувшин!

В России мир. А мы идём в больницу,
Родным несём мы яблоки и мёд.
Василич верит, хоть и матерится:
Всё будет хорошо, и Бог спасёт.

***

Подумал: ничего я не успел.
Зима сжимает сердце или старость?
И столько светлых безнадежных дел
В моих черновиках ещё осталось.

Проходит жизнь и не берёт в расчёт
Неторопливость русского поэта.
Пусть ничего меня уже не ждёт,
А я вот жду: ещё наступит лето.

А я вот жду... Прости, Господь, раба,
Что ропщет на погоду и усталость
И понимает, что его судьба
Не началась. И всё же состоялась.

***

Порой нет ничего милей –
Идти по кладбищу, взирая,
Как приняла земля сырая
И незнакомых, и друзей.

Иных столетий имена
Увидишь на могильных плитах.
Как много навсегда забытых,
Как многозначна тишина!

Умолкли скорби и расчёт,
И только редко крикнет птица,
Да время строгое страницу
В урочный час перевернёт.

И я прочту: какой пустяк
Тревоги и земные блага,
И что кладбищенская влага
И состоит из этих благ.

* * *

Ты говоришь, что ты – народ,
Его мечта и суть,
А я – нечаянный просчёт,
Недуг, обратный путь.

Я говорю, что я – народ,
Его ревнивый взгляд,
Что это я иду вперёд,
А ты идёшь назад.

Пока мы спорим от души,
Рвём разум пополам,
Народ торопится, спешит
Привычно по делам –

Построить дом, посеять рожь
Иль отыскать алмаз,
И, слава Богу, не похож
Ни на кого из нас.

***

Рассуждали об интиме –
В этом деле все сильны,
Вдруг сказал Владимир Тимин:
«Две достаточно жены
Для поэта. В брачном плане
Две – вот так, как ни крути,
Хватит – мы ж не мусульмане,
Православные почти».
Те, кому необходимо
Много жён на стороне,
Заворчали: «Как же, Тимин,
Двух достаточно вполне?
От тебя не ожидали
Мы подобной чепухи.
Как бы мы тогда писали
Гениальные стихи?»
Но ещё неумолимей
И решительней на вид
Говорил Владимир Тимин:
«Две – и хватит, и лимит.
Мы же с вами не собаки,
Чтоб иметь по сто подруг,
Первая – в законном браке,
А вторая – все вокруг,
Все, которые бывали
К нашим чувствам не глухи,
Чтоб мы как-то сочиняли
Гениальные стихи.
Надо быть скромней в интиме –
Всё-таки не двадцать лет», –
Говорил Владимир Тимин,
Очень опытный поэт.

Публицистика

Александр Нестик

ПОСЛЕ ПОЧВЫ – ПОСЛЕЧЕЛОВЕК?

Предлагаем читателям нашего журнала получить представление о том, в каком направлении идёт развитие человечества и трансформируемого им земного мира, и подвести к размышлениям, что предстоит нам всем сейчас предпринять, чтобы спасти биосферу и биосферную жизнь, уничтожаемые нами изо дня в день. В статье воспроизводятся размышления философа и почвоведца, их заочный и очный спор о самом трагичном в жизни планеты. Трагедия в том, что человечество теряет свой жизненный фундамент – почвы. С их исчезновением в пределах двух столетий заканчивается биосферная жизнь на Земле и начинается неведомая нам постбиосферная. Состоится ли таковая? Или придёт конец человеку разумному, поступающему ныне далеко не разумно?

Профессор Эдуард Семенович Демиденко проживает в Калининграде с 1962 г. В 2002 г. в Брянске создаёт впервые в мире новое научное направление – научно-философскую школу исследований интегрированных социотехноприродных процессов и социально-техногенного развития мира. Становится одним из ведущих урбанистов-теоретиков СССР (по оценке экспертов МГУ в 1985 г.). Сейчас он – автор признанной РАН в 2012 г. и научной общественностью концепции социально-техногенного развития мира, став в 2008-2014 гг. лауреатом трёх всероссийских и трёх региональных конкурсов научных работ по этой тематике. В 2011 году Российская академия естествознания выдала ему в знак признания Диплом основателя такой школы. 25 и 26 марта 2014 года Э.С. Демиденко принял участие в Философских и Почвоведческих чтениях, которые по договорённости с ним организовала философская и научная общественность совместно с Брянской областной научной библиотекой им. Ф.И. Тютчева.

Предошущаемое случилось. Уже тринадцатилетнее кружение Почвоведческих чтений в Брянске по сугубо научно-практической орбите всё более смещалось в последние годы к орбите философского осмысления происходящего – с почвенным покровом и человеком на нём. Пока, наконец, в конце марта в областной научной библиотеке им. Ф.И. Тютчева состоялись Вторые научные философские чтения, а на другой день в том же зале – Тридцать первые (а с внеочередными – Тридцать пятые) научные почвоведческие. Члены областного отделения Российского философского общества озабочены положением философии «в контексте современных социальных практик». И у них, как видим, размеренные взмахи крыльев – раз в два года. Зато и сами чтения – полновесная конференция с полемикой вокруг почти десятка докладов и сообщений. А почвоведы, они по земле-матушке шагают... И вот, поди ж ты, пересеклись. Одни с высот любомудрия спустились, вторые – к ним воспарили. И, оказалось, волнуют их проблемы весьма близкие.

Более того, на Философских чтениях выступили доктор философских наук, в прошлом председатель этого отделения Э.С. Демиденко (ныне профессор двух университетов – Балтийского федерального им. И. Канта в Калининграде и БГТУ в Брянске, а также действительный член Всемирного гуманитарного союза, Международного информационно-экологического парламента и Российской экологической академии), а за ним следом – доктор сельскохозяйственных наук и тоже в прошлом основатель и председатель областного отделения Докучаевского общества почвоведов России, лауреат Государственной премии Г.Т. Воробьёв. Перед своими коллегами-философами Эдуард Семёнович выступил с размышлениями о двуликости техносферы в человеческой жизни. А Григорий Тихонович прочитал им собственную, уже «обкатанную» у почвоведов, лекцию вполне философского содержания – «О духовном и фундаментальном в учении о почвенном покрове». В свою очередь Э.С. Демиденко на одном дыхании произнёс перед почвоведцами обстоятельный доклад на тему «Философия жизни и жизни почв в современную техногенную эпоху».

Произошло, таким образом, своеобразное «перекрёстное опыление» идеями участников обоих обществ. А сотрудники библиотеки ещё и усилили этот процесс выставками соответствующей литературы, а затем и чаепитиями за общим столом... Нечего и пытаться пересказать на газетной площади содержание всех прозвучавших за два дня речей. Остаётся сосредоточиться на сути этих скрестившихся взглядов – почвоведческого и философского – на возможное будущее человечества.

С Эдуардом Семёновичем мне довелось познакомиться задолго до предпринятых в Брянске обоих чтений: готовил к печати его статью «Кто ты, Послечеловек?» (которая, увы, света тогда так и не увидела). Речь, помнится, шла о настораживающей трансформации человеческого организма под воздействием меняющейся среды обитания, а также об искусственном конструировании тела и психики. А несколько лет назад он выступил уже и на почвоведческих чтениях совместно с профессором БГСХА, доктором сельскохозяйственных наук, академиком РАЕН Е.В. Просянным – с предложениями альтернативного земледелия в связи с деградацией естественных почв.

И что поразило тогда и сегодня: имея дело с фактами не просто удручающими, но убийственными, философ Эдуард Демиденко сохранил оптимизм: рассуждает о них чуть ли не с философским спокойствием (в отличие от закипающего коллеги-почвовода). Ну, так и взгляд же первого простирается в даль столетий, если не на всё Третье тысячелетие! И видится ему жизнь, возможная даже без естественных почв, – постбиосферная. То есть та, что уже грядёт на смену жизни биосферной, частью которой мы покуда ещё являемся. А душа почвовода-докучаевца примириться с этим никогда не сможет. Да и видеть желает он не общечеловеческую судьбу, а кровно близкую – судьбу почвенного покрова России. И не за отдалённую в веках болит душа, а за нынешнюю. Каждый предлагает поэтому свой ответ на вызов времени. И всё же обоих, как ни парадоксально, сближает почвенничество. Да, то самое, заруганное, пинаемое в позапрошлом веке как религиозно-этическое течение Хомякова-Кириевского-Достоевского, якобы скомпрометированное к тому же нацистской идеологией «почвы и крови», исключаемое из словарей либо толкуемое узко и превратно. Но философия истинно русского почвенничества – с опорой на традиционные нравственно-духовные ценности, на кровную связь народа с взрастившей его почвой, – возвращается всякий раз в трудные времена кризисных переломов отечественной истории. А такой и наступил.

- Я сам, – говорит профессор философии, – по происхождению из села. А крестьянский уклад предрасполагает к труду не «от сих до сих», а по четырнадцать да по шестнадцать часов; прилёт, набрался сил – и за работу. Оттого, заметьте, и большинство преуспевающих горожан, если копнуть, – бывшие сельские. Они не могут иначе...

И, размышляя над тем, как спасти жизнь на планете, напоминает о том, что и всё живое, плоть от плоти из почвы, в неё и «уходит, чтобы накопить там животворящие силы и развернуть их на поверхности планеты во всей своей живой красе, мощи, уникальности и полезности для человека. К сожалению, мало кто знает, что 92% всех видов живых организмов на планете проживает в почвах и на почвах, а также в итоге и питается за счёт биосферных химических отложений. Истощение и смерть почв – это и смерть не только этих организмов, но и всего человечества». Естественная почва и умирает сейчас. Точнее, её убивают жадность и рационализм людей, порвавших с ней кровную связь. И если во времена В.В. Докучаева свято верили, что чернозём «был, есть и будет кормильцем России», то столетие спустя «царь почв» практически низвергнут. Даже в Самарской области, прежде славившейся особо тучными почвами, таковых осталось 0,1% всей пашни: деградировали в среднегумусные, а те – в почвы с низким содержанием этого главного вещества плодородия. В самой Полтавской области (где впервые и прозвучала докучаевская речь о «царе почв»), да и в почвах всей Украины, содержание гумуса уменьшилось в три раза – оно уравнилось с тем уровнем, что было в казахстанской целине к началу её освоения, а само «целинное», в свою очередь, упало вдвое. При таких темпах украинских биогенных, то есть природных, почв может хватить от силы на 100-120 лет.

Между тем и эти примеры не идут ни в какое сравнение с тем, во что превращены почвы в наиболее аграрно развитых странах Запада. В Европе, например, их осталось не более 5-6%. Плодородие искусственно стимулируется химией. Поэтому, считает Эдуард Семёнович, стремление Запада оторвать от России Украину преследует ещё и цель получения пусть и ослабленной, но всё ещё биосферно-чернозёмной сельхозпродукции в обмен на свою некачественную, техногенную, к тому же ещё и генетически изменённую. И можно с

уверенностью предположить, что уже начавшаяся в мире борьба за жизнепригодные пространства будет только ужесточаться...

В целом же со времён открытия земледелия, человечеством израсходовано напрочь около двух миллиардов гектаров самых плодородных земель, из них 0,7 миллиарда только за три последних века. И наступление на оставшиеся предельно истощённые полтора миллиарда идёт с ещё большим ускорением. Они отводятся под застройку и коммуникации, оказываются беззащитными и перед эрозией почв, которая человеческой же безрассудной деятельностью восьмикратно усилена всего за полвека. Сегодня в городах планеты сосредоточилась половина населения. Казалось бы, ну что там какие-то 4% суши под городами? Однако же одни они вместе со всей обеспечивающей их инфраструктурой, со свалками отходов превратили уже 55% биологически здоровых почв в техногенные. А к последней трети XXI века городская застройка грозит разрастись до 13-15%, что приведёт к увеличению площади техногенных почв до 70%.

При всей осторожности и умозрительности подобных расчётов, исключаящих, например, экологические катастрофы (вроде Чернобыльской или Фукусимской), ясным становится одно: лучше не будет – взнесённый на этажи, отлучённый от почвы человек в упор не видит её. Торгашеский подход к земле как месту для сверхприбыльных застроек охватил уже и Россию: из истинной цены, возмущается в тон философу почвовед, исключена бонитировка почв, второе десятилетие не рассматривается Госдумой законопроект о защите почв. Всё теперь «как у людей», у западных! Наш отечественный почвовед-академик В.А. Ковда вспоминает, как на Всемирном экологическом конгрессе в Рио-де-Жанейро российская делегация настаивала на включение в резолюцию проблематики почв. Но в итоговом документе для неё не нашлось ни словечка.

Рождаются идеи изыскать и ввести в аграрный оборот свыше миллиарда гектаров новых земель – этого, дескать, хватит для обеспечения продовольствием не только семи миллиардов сегодняшнего народонаселения Земли, а и вчетверо большего. «Но продовольствием каким?» – задаётся вопросом Эдуард Семёнович. И поясняет: с введением бедных в аграрном отношении почв (под стать нынешним истощённым, из коих только за минувший век израсходованы две трети полезных природных веществ) можно будет получать только такого же качества и продукцию. Если прежде, например, для восполнения суточной потребности человека в йоде достаточно было съесть пару яблок, то теперь и двух десятков хватит ли.

За последний век, считает философ Э.С. Демиденко, создан с опорой на достижения науки, техники и технологий «мощный смертельный антропотехнобиосферный круговорот, который перемалывает, по сути, остатки биосферно-биологического вещества, сформировавшегося на суше за 400 миллионов лет... С середины XX века этот круговорот захватил также и Мировой Океан... Если не предпринять серьёзных мер, то биосферная жизнь на планете может прекратиться всего в пределах каких-нибудь 250-300 лет». Человечество однажды уже подходило к обрыву, когда себя исчерпал «собирательный» тип жизнедеятельности. Спасло открытие земледелия. И вот разверзается перед нами новая пропасть. Тут философ обращается к провидческому, по его определению, выводу почвовед Г.Т. Воробьёва: человечеству для спасения предстоит «изобрести другое земледелие». Философу это «другое» явно импонирует, хотя почвовед-докучаец обронил его в сердцах и страшится даже поразмышлять на эту тему.

Современным учёным видятся два крайних варианта дальнейшего развития драмы: либо человек окончательно уничтожает биосферу и гибнет вместе с нею, либо постепенно создаёт новую, безопасную для себя модель развития земного мира. Второй вариант означает: с полным осознанием ответственности взять управление на себя. Тут-то и придётся впору «другое земледелие». Но тогда надо отдавать себе отчёт: а чем станет сам человек? В своей работе «Проблемы биосферы и земледелия в условиях техносферно-ноосферного перехода жизни на планете» Эдуард Семёнович выделяет три ступеньки, по которым человек то ли поднялся, то ли опустился до этого перехода. Первой была зародившаяся около четырёх миллиардов лет назад биосферно-биологическая, особенно бурно развивавшаяся в последние полмиллиарда. Второй стала нынешняя, социально-биосферная – с верой человека в то, что он (по Э. Леруа и В.И. Вернадскому) в ходе взаимной эволюции живого вещества и его природного окружения создаст ноосферу, сферу разумной деятельности. Что получается – видим...

В.И. Вернадского вдохновлял и социальный строй в Советском Союзе с его оптимистической перспективой построения справедливого общества. Но теперь и в России, по определению философа, «утверждается либерально-экономическая цивилизация... с её направленностью на получение сверхприбылей... Эта цивилизация творит в силу своей

антигуманной и эксплуататорской сущности социально-техногенную жизнь, убивая биосферную». Вот эта модель жизни, из которой будет исключено само понятие биосферности, и есть ступенька третья. Жизнь – постбиосферная, в искусственной среде. Пока она ещё социотехнобиосферная, но уже «подошла к своей «смертельной черте», за которой вряд ли может быть возврат к биосферной, то есть самостоятельно эволюционирующей...».

Так что же станет с человеком за той чертой? В его организме ведь даже сегодня насчитывается до двух тысяч искусственных веществ, в том числе до трёхсот в материнском молоке (с чем связан рост детских патологий, с младенческого возраста начиная). Успехи генной инженерии в перedelке растений и животных распространяются теперь и на человека. Прогрессируют трансплантология, включая замену биологических органов искусственными, чипизация поведения, разрушение традиционных национальных духовно-этических ценностей и самих индивидуальностей вплоть до стирания граней между полами... Неужели же и за этой чертой не будет преследовать человека невыносимая фантомная боль от утерянной им почвенности, как необъяснимо болит у инвалида ампутированная конечность?! Но только болеть-то может у человека. Дорисовать образ послепочвенного человека – послечеловека – по силам, пожалуй, только фантастам-катастрофистам...

Так может ли с такой направленностью развития смириться почвовед-докучаевец? А чтения в научной библиотеке и закончились презентацией книги избранных трудов Г.Т. Воробьёва, которая открывается эпиграфом, уже ставшим афоризмом, «Жизнь, создав почву, обрела вечность». А далее следует раздел «Научно-философское обоснование Учения о почвенном покрове», по духу и содержанию русско-почвенническое. Издание библиотекой такого внушительного тома в знак благодарности учёному за активное, полувековое с ней сотрудничество – само по себе событие беспрецедентное. И обставлено было торжественно: директор С.С. Дедюля, в прошлом возглавлявшая отдел сельскохозяйственной литературы, преподнесла от себя лично пышный букет автору; подарком нынешних сотрудниц отдела Ольги Дворак и Олеси Черепниной стала любовно оформленная выставка духовных интересов автора книги; саму же книгу представила участникам чтений студентка Брянской госсельхозакадемии, будущий почвовед Татьяна Авдеева. Профессор госуниверситета, доктор сельскохозяйственных наук А.С. Кононов особо обратил внимание на то, что брянским философом-почвенником впервые в один ряд с тремя фазами состояния материи – твёрдой, жидкой и газообразной – поставлена четвёртая – сокровенная, связующая жизнь духа и почвы.

Что особенно примечательно, большую вступительную статью к трудам почвоведом написал философ Э.С. Демиденко. И, хотя сам он допускает вероятность беспочвенного, постбиосферного мира, всё-таки считает вместе с автором «Избранных трудов», что шанс ещё не упущен, по крайней мере, для России. Задержаться можно на ступени социотехнобиосферы. Её черты прорисовывает возглавляемая им научно-философская школа при БГТУ. Эдуард Семёнович с удовольствием процитировал ключевые выводы коллеги: «Почвенная сущность природы обуславливается ролью почвенного покрова как духовного продукта биосферы». Комментируя вот эту обусловленность живой природы, философ считает, что даже «далеко не каждый из почвоведов может понять, в чём заключается философский смысл выражения». Подобно тому, как почвенный покров, эволюционируя, развиваясь, стал основой жизни биосферы, так человек, продукт биосферы, стал её духовной вершиной. И надо все силы употребить, чтобы эта биосферность с её духовностью не исчезла при смене моделей развития в будущем.

А завершил философ своё выступление тем, что бережно поднял оброненную почвоведом мысль о «другом земледелии», как надежду. Уже начавшееся формирование такого земледелия позволяет, уверен он, «создать новый экономный биотический антропогенно-биосферный круговорот», сохраняющий биосферно-биологическое вещество для полноценной жизни и в будущем.

Тем временем областное отделение Докучаевского общества почвоведов России прирастает новыми членами. Председателем отделения Г.П. Малявко и почётным председателем Г.Т. Воробьёвым вручены членские билеты докторам наук из Брянской госсельхозакадемии А.В. Дронову и А.Д. Силаеву.

Поэзия

Алла Линёва

Родилась в 1963 году. Окончила медицинское училище, работала медсестрой, корреспондентом заводских многотиражек и областной «Липецкой газеты». Автор восьми поэтических сборников, четырёх книг прозы, две из них – стихи и рассказы для детей и подростков. Член Союза писателей России. Лауреат и дипломант Всероссийских и Международных конкурсов и премий, член Товарищества детских писателей. Живёт в Липецке.

***

Дни без запаха и цвета,
Призраки – не дни.
Как мне жить на этом свете?
Боже, сохрани!
Укажи пути земные,
Боли утоли...
Я живу Тобой отныне
В трепете молитв.

***

Тише, тише, не шумите,
Не пугайте тишину,
Дайте в тишости пожить ей
Хоть секундочку одну.
Дайте ей собой остаться,
Дайте ей когда-нибудь
Синим небом наддышаться,
В синий омут заглянуть.

***

Ветер снежную дымку колышет,
Словно газовый мамин платок,
Сердце жадно вдохнуло и дышит,
Выпив осени горький глоток.
Впереди и метели, и вьюги,
Холода, и морозы, и зной,
Ветер колкий, и ветер упругий,
И безветрие талой весной.
Впереди и покой, и тревоги,
И пугливые вещи сны,
И сердечные думы о Боге
В ожидании тишины.

***

И запела душа, и запела...
Ах, как долго не пела она!
Полетела на облаке белом
В край, откуда приходит весна.
И встречает её, дорогую,
В том далёком весёлом краю,
И зовёт, и влечёт на другую,
На иззябшую землю мою.

***

Кружится снежная пыльца,
Искрясь на солнце,
Усталость падает с лица,
И сердце бьётся.
Размереннее каждый стук
И тише, тише...
И вот уже не слышен звук,
А сердце – дышит.

ЛЕТО 2010 ГОДА

Этот воздух и чист, и тверёз,
Как пожары его ни тревожили.
Эти тонкие ветви берёз
Снова ожили.
Машут вслед мне звенящей листвою,
Низко кланяясь,
А ведь горя хлебнули с лихвой,
Так измаялись...

***

О, сколько птиц! Одни лишь птицы,
Одни лишь птицы и лазурь,
Да крона тополя искрится,
Листвой сгоняет с сердца хмурь.
Пусть многим это непонятно,
Таких метафор нет уже,
Но будет чисто и опрятно
В моей душе.

***

Лето в разгаре, и ночи темны,
В форточку – ветерок.
И одиночество тишины
Между строк.
Всё-то богатство моё не вместить
В душу из рваного дня.
Господи, можно ль меня простить?
Можно ль спасти меня?

***

Что ж, плачь, душа, навзрыд,
Пусть слышат клён и ясень:
И старый путь закрыт,
И новый путь неясен.
И знай теперь и впредь,
Безропотная птица,
Куда тебе лететь,
Кому тебе молиться.

** *

Горит закатная свеча
На сизом фоне,
Ни холодна, ни горяча,
Горит – не тонет.
Плывёт, колышется чуть-чуть
В небесном поле,
Я ту прощальную свечу
Люблю до боли.

***

Чужие образы и чувства,
Чужие мысли и слова,
А что моё – то пусто, пусто
И живо лишь едва-едва.
И еле теплится надежда,
Вся в ладанке, под образком.
Да и жила ль я, право, прежде,
Да и страдала ли о ком?
Не о себе ли всё, любимой,
Томилось скорбное чутьё?
А счастье – мимо, мимо, мимо,
И проскочило бытие.
Но нет – моё же это небо,
Мои лазурь и облака!
Всё остальное было – не было,
Коснулось лишь слегка, слегка...

***

Как быстро плыли облака
Издали, издали.
Такая надвигалась рать –
Я глаз не смела оторвать.
И вот затянут небосвод
Который год, который год.
Мне в этом мраке не найти
Ни звёзд, ни Млечного пути.

***

Загудело, зашумело,
Завздыхало за стеклом.
Я гляжу в окно несмело,
Ведь ещё не рассвело.
И ещё совсем невнятно
Зашептались ветки ивы.
Я подслушаю их тайну, –
Может, сделаюсь счастливой...

***

Воздух тонок и прозрачен,
Воздух прян и горьковат,
И иду я наудачу
В этот вновь цветущий сад.
По тенистым по аллеям
Солнца блики озорны,
Сердце больше не болеет,
Ведь ему не снятся сны.
Сердце трепетно стучится,
Доверяя всем ветрам, –
Ничего с ним не случится,
Коли дом – небесный храм.

***

Так лейтесь, слёзы, лейтесь впрок.
Не вы ли, слёзы, соль земли?
О, как приветлив тот порог,
Что радость вечную сулит!
Душа, как ласточка, летит
И видит горы и озёра,
И слышит: поле шелестит,
Уже наполнив соком зёрна...

Нижегородские берега

Любовь Ковшова

Родилась в Московской области на исходе войны. Выросла на Смоленщине. В 1972 году окончила МИФИ. 12 лет проработала программистом во ВНИИЭФ, потом оставила работу, чтобы писать. Автор прозаических книг «Всё дождь и дождь», «Бриллианты на улице Крайней», «Из истории Салемских ведьм», «Отец и другие», «Земную жизнь пройдя до половины» и сборников стихов «Скращение дорог», «Девочка из Тупика». Член Союза писателей России. С 2000 года главный редактор журнала «Нижегородская провинция». Живёт в Сарове.

ОТЕЦ

Веденьё... Всю жизнь думала, что оно от глагола «ведать», от ведунов и ведьм, озорничавших когда-то под луной в этот языческий, таинственный праздник. И вдруг оказалось, что оно – от постного христианского «Введения во храм». Но в памяти детства оно всё равно полно чудес.

Снежный декабрь. Маленькая деревенька. Веденьё... Пиликает гармошка, вздыхает потёртыми от старости мехами.

Мой милёночек уехал
И зовёт меня туда.
А куда же я поеду,
Мои юные года!

«Юным годам» за семьдесят, обличем вылитая Баба-Яга, но не злая, а простодушная, впрочем, с небольшой хитринкой.

Сыплет, сыплет гармонист хриповатые страдания, и Баба-Яга всюду страдает:

Эх, страданье
Чёрт бы взяло!
По тебе
Я вся извяла.

Пыхает керосиновая лампа с закопчённым стеклом, на минуту освещая бревенчатое нутро избы, лохматый серый мох между брёвен, драный бок русской печки, обитую жестью колоду ручной мельницы, ситцевую занавеску над кроватью, зелёную самогонную бутылку на столе.

Жутковато и страшно интересно.

А в соседней комнате, уронив с головы на стол тяжёлые косы, задушенно плачет моя мама, шёпотом повторяя сквозь плач:

– Куда ты меня завёз? Куда ты меня завёз?

И молча курит у низенького окна отец, и несутся за окном сивые космы вьюги.

Наутро ни косм, ни сказки не было. Улыбалось яркое солнце, улыбалась всеми морщинами хозяйка Степанида, ловко притворялась, что никогда не бывала Бабой-Ягой.

Так, зимой 51-го, приехали мы из Москвы на Смоленщину, куда отца послали поднимать разрушенное войной сельское хозяйство.

Отцу вообще везло на переезды и странствия. Орловщина и Смоленщина, Румыния и Подмосковье, Сибирь и Алтай, Жиздра и Самара, Тула, Киев, Львов, Калуга, Бийск, Москва – далеко не полный список. Жизнь изрядно помотала его по свету.

Девятнадцатилетней сумасбродкой, уехав на стройку по комсомольской путёвке, я вдруг в письме к отцу попросила, чтобы он написал для меня свою биографию. Не знаю, зачем и почему я это сделала. Отец написал. Вот она:

Я родился в 1891 году в семье крестьянина и до десяти лет жил с родителями. На десятом году жизни моей я потерял мать. Она умерла. Чем болела, не знаю. Отец после смерти

матери опустил руки, небольшое хозяйство нарушилось, и мне пришлось пойти в «люди», то есть работать по найму.

Был мальчиком у купца, сторожил сады у помещиков, а в 1906 году, уже пятнадцатилетним парнем, работал у лесопромышленника рабочим. Там повстречался мне студент Московского университета Юдин. Он заметил, что я всё свободное время читаю книжки, которые мне давали дети приказчика, заинтересовался мной и предложил подготовить меня в низшую сельскохозяйственную школу. Я согласился. И вот в 1909 году с его помощью я поступил в эту школу.

Было трудно. По воскресеньям приходилось работать у богатых, чтобы платить за право учения и одеваться (помещение и питание предоставляла школа, за что мы обрабатывали её довольно большое хозяйство). В 1912 году я школу окончил лучшим учеником, но устроиться по специальности не мог и опять пошёл к тому же лесопромышленнику. Только в 1913 году мне удалось поступить в Тульскую губернскую землеустроительную комиссию помощником агронома. Но проработал там недолго.

В октябре 1913 года я был призван и взят на царскую службу. Служил в Киеве, где в начале четырнадцатого года перенёс брюшной тиф, чуть не умер.

В 1914-м началась война с немцами, и я очутился на фронте. Воевал до начала 17-го, был ранен, контужен, отправлен газами. Но всё это перенёс.

Перечитываю, пытаюсь вспомнить рассказы отца, но вспоминается другое.

Весёлый скрип снега. Длинная, синяя по белому полю лыжня. Лес зубчиками за полем. Отец в полушубке на широких лыжах. И я – не иду, лечу за ним: в первый раз меня взяли за ёлкой! А ёлка... Густая, упругая, ровно сходящаяся кверху, она только у макушки высывала вбок над остальными одну пушистую лапку, словно из хвои торчало заячье ухо. Другой такой не было здесь, в Бурцевском лесу, а может – и на всём белом свете. Она выходила великовата для избы хозяйки Степаниды, но отец всё же срубил её для меня.

Потом мы возвращались домой. Ёлка ехала за отцом, оставляя широкий, взрыхлённый след. Вечерело. Как и полагается новогоднему, крупными хлопьями падал снег. И лучшего ничего не было ещё в моей коротенькой жизни.

Вдруг на взгорке отец нелепо взмахнул руками и упал. Я засмеялась. Подождала. Крикнула ему:

– Пап, ну, хватит. Вставай!

Он не встал. Большой и чёрный на вечернем снегу, он лежал ничком, неподвижно, и ниже него оторвавшейся тенью лежала моя ёлка.

Я обогнула ёлку и потрясла его за плечо. Он повернул голову. У него были мутные, бессмысленные глаза. Он посмотрел ими на меня и снова уронил голову в снег. Я заревела. Наверное, сиплый мой рёв пробился сквозь обморочность и беспамятство, ибо отец стал подниматься, трудно и медленно подниматься на трясущихся ногах.

Потом было ужасно. Он шёл и падал. Вставал и снова падал. Мучительно хрипел и поднимался, а через несколько шагов падал опять. Тяжело ворочался в полушубке, полном снега, поднимался, шёл и падал, и не было этому конца. Он поднимался, шёл и всё волок, всё волок за собою ёлку.

Уже впотьмах, на дороге, ведущей к деревне, нас подобрал незнакомый мужик, ехавший за сеном. В санях отец бредил, метался, порывался куда-то идти. У него оказался грипп и температура за сорок. В ту же ночь колхозной машиной его свезли в больницу, а ёлка так и провалялась у крыльца все новогодние праздники...

Не знаю, почему приходит на память именно это. Может быть, от слов: «...всё перенёс».

Он почти всё мог перенести, мой отец. И даже тогда, худенький, двадцатидвухлетний, с первыми усами над припухлым по-детски ртом, в сапогах и царской военной форме, каким вижу его на старом, уже можно сказать, старинном фотопортрете.

А про ту войну он мало рассказывал. Смутно помню о каком-то аэроплане, тархтевшем не то мотором, не то всеми хлипкими частями, на котором отец с другом где-то в Румынии летали в разведку. Знаю, что был он георгиевским кавалером. Вот и всё.

В 1916-м – начале 17-го года мне довелось познакомиться с газетой «Окопная правда» и поговорить с живым большевиком. Он-то меня и поставил на большевистские ноги. До этого я совершенно не разбирался в политике.

В этом же году нас, шесть человек, якобы для обучения солдат направили в запасной сибирский полк. Но мы полагали, что нас удаляют с фронта по подозрению в большевистской агитации, а этим мы уже занимались.

И в августе семнадцатого мы очутились в городе Можайске, где вместо обучения занялись разложением солдат, как тогда говорилось, в результате чего ни одна маршевая рота не ушла на фронт.

Из Можайска наш полк перебросили в город Жиздру. Здесь мы и встретили Великий Октябрь. Наш полк принимал самое энергичное участие в организации Советской власти. Тогда же я был избран солдатами командиром 4-й роты.

В это время в Калуге казаками и юнкерами были арестованы и расстреляны члены первого Калужского губернского Совета. Я со своей ротой вызвался поехать в Калугу. Там, совместно с красногвардейцами Москвы и Тулы, мы восстановили власть Советов, и нас зачислили в Красную Гвардию.

Батареи центрального отопления у нас в бараке накалялись зимой до яростного жара. С тоненьким шипением, со свистом нёсся по ним стоградусный пар. А я, как обычно, сидела на подоконнике с ногами, читала отцовское письмо и, когда дошла до этого места, от неожиданности дёрнулась и свалилась с узкой подоконной доски прямо на батарею. Дуя изо всех сил на обожжённую докрасна руку, я снова отыскала в письме: «...был избран командиром 4-й роты... зачислили в Красную Гвардию».

Нужно, наверное, объяснить, почему такой, казалось бы, не очень выдающийся факт отцовской биографии вышиб меня из равновесия. Дело в том, что с детства, класса примерно с пятого я бредила Гражданской войной. Морозными вечерами на печке при жидком свете лампочки с кухни проглатывала какой-нибудь очередной «Боевой 19-й» и, уткнувшись носом и губами в тёплый, ещё пахнущий овцами и купоросом валенок, злобно плакала, что опоздала родиться. Недостижимой мечтой, идеалом представлял красный командир – краском. Завидовала ему смертно, воображала себе этакого «степного орла» без страха и упрёка, с шашкой наголо, почти как потом в песне 60-х годов:

Красный командир на Гражданской войне,
Красный командир на горячем коне.
В бой идёт отряд – командир впереди,
Алый бант горит на груди.

Героически-возвышенный получался образ.

Приставала с расспросами к отцу, он рассказывал о Гражданской войне, но ничего возвышенного и героического в тех рассказах не было. А был краснорожий, косяя сажень в плечах, белый офицер. «Здоров мужик! – отец восхищённо крутил головой. – Один раз приложил рукояткой нагана и обе челюсти мне вынес. Так что зубами я больше никогда не страдал». Отец раскатисто смеялся.

– А ты? – я дёргала его за рукав.

– А что я? – не понимал отец.

– Ну, ты ему что? – добивалась я. Мне нестерпимо важно было знать, что мой отец не струсил перед этим, так непохожим на книжных и киношных беляков, офицером.

– А что я мог голыми-то руками против такого бугая? И против взвода солдат? Сунули меня в сарай, там отплевался.

– Ну, ты хоть ничего ему не выдал? – У меня от страха дрожало под ложечкой.

– Да он меня ни о чём и не спрашивал. «У, сволочь!» – и наганом в зубы.

– А дальше?

– Дальше – как положено: расстреляли.

– Кого расстреляли?

– Меня, конечно!

Отец заметил мой раскрытый рот и пояснил:

– У нас, у русских, в большинстве всё делается абы как, вот и недострелили. А может, рукояткой-то оно нам сподручней, чем стрелять... – И он снова смеялся, сгоняя к уголкам глаз хитроватые морщины.

Нет, это была не та Гражданская война! На той наган вырывали из чужих рук, стреляли в перетрусивших белых, выскакивали в окно и на взмыленной лошади уносились к своим. Или уж, в крайнем случае, гордо умирали с «Интернационалом» на запёкшихся губах, как мой красный командир.

Тогда, в пятом-шестом-седьмом классе, мир для меня был предельно прост: он делился ровно посередине на белое и чёрное, добро и зло, смелых и трусливых, своих и чужих. Отец же никак не хотел помещаться в столь стройную схему. Он сбивал меня с толку, всё время путал.

Одно из первых отчётливых воспоминаний детства: в конторе отец о чём-то громко спорит с замполитом Краскиным. Они стоят лицом к лицу, возбуждённо машут руками. И вдруг отец хватает Краскина за грудки, рывком вздёргивает его, ражего, пузатого, вверх, почти над собой, и бросает на пол так, что в окнах звякают стекла. Потом брезгливо отряхает руку об руку, словно притронулся к грязному, и говорит зло, но уже вполне спокойно:

– Пиши, гад. Я писать не буду. Я тебя без НКВД придавлю, если ещё хоть один трактор за барана пообещаешь.

Дело происходит в Днепроградской МТС, где отец работал главным агрономом. Мне года четыре, отцу под шестьдесят. Он меньше Краскина чуть не на голову и старше лет на двадцать. Но он никого не боится, и я вместе с ним тоже никого не боюсь. Так и остаётся с тех пор.

И вот эта, оставшаяся перед глазами картина и чувство защищённости, и уверенность в бесстрашии отца никак не складывались с его рассказами о Гражданской войне.

Вообще они раздражали меня каждым словом. Чего стоило хотя бы «у нас, у русских»?! Что это за русские такие, в которых мой отец мог быть объединён или даже уравнен с белым офицером? Ну уж... Есть белые, красные, а просто русских нет и никогда не будет.

Отец посмеивался моим обличительным речам, гладил по голове шершавой ладонью, говорил добродушно:

– Ничего, Огонёк. Подрастёшь, поймёшь...

Я вывёртывалась из-под его руки и, надувшись, уходила. Справедливости не было на свете. По справедливости Гражданская война должна была достаться мне, а не отцу. Я бы знала, что мне делать. Я бы не пропустила самого интересного в ней.

И за что только могли наградить тогда отца именным шестизарядным револьвером? Непонятно. Не за то же, что его белые расстреливали?! Первой полосой отчуждения легло между нами моё недоумение и обида.

А скоро я и вовсе перестала спрашивать его о Гражданской войне. Сыпной тиф, когда отца признали в живых уже по дороге в мертвецкую, северное сияние в Самаре девятнадцатого года, какой-то необыкновенный кулеш на ночёвке – всё было не то, оно лишь принижало великую романтику той далёкой войны. Я перестала спрашивать, свыклась с мыслью, что отец мой был там случайным человеком.

И вот оказалось, что именно отец с его негероическими рассказами и был тем самым, легендарным для меня красным командиром. Было от чего слететь с подоконника.

В марте 1918 года нас, старших возрастов, демобилизовали, и я уехал на родину, в город Дмитровск Орловской губернии. Здесь я работал участковым агрономом, организовывал первые коммунуны.

В августе 1919 на наш уезд начали наступать белые армии Деникина. Я вступил добровольцем в коммунистический отряд, но в боях участвовать почти не пришлось – был ранен, потом заболел тифом и был эвакуирован в город Самару. Пролежал в госпитале шесть месяцев, был на грани смерти – перенёс сыпной и возвратный тиф.

После возвращения в Дмитровск я без кандидатского стажа в апреле месяце 1920 года был принят в члены РСДРП(б) и на съезде Советов уезда выбран уездным земельным комиссаром. В 1920-22 годах мы организовывали колхозы, подымали сельское хозяйство и в то же время боролись с различными белогвардейскими бандами.

В 1923 году губернский комитет партии перебросил меня в город Орёл, где я работал председателем губернского земельного суда.

В 1926 году ввиду напряжённости с кадрами сельского хозяйства в Сибири ЦК партии послал меня в Западно-Сибирский край. Работал я в Рубцовском и Барабинском округах, в Татарском районе, пока Барабинский окружком партии не направил меня по моей просьбе в город Омск на учёбу.

В 1932 году я окончил Омский Высший институт колхозного строительства и был направлен для работы на Алтай в Ойротскую автономную область. Здесь в 1936 году попал под репрессию, был исключён из партии, арестован, осуждён на пять лет и отправлен в колонию.

На этом месте можно было снова падать с подоконника. Ни разу в жизни я не слышала, чтобы мой отец сидел. Конечно, при Сталине таким не хвастались, но потом... И всё же ни от трезвого, ни от пьяного – ни разу.

Впрочем, и о самих репрессиях я узнала только из газет времён разоблачения культа. Никаких «врагов народа» среди знакомых мне людей никогда не встречалось. А если кого и сажали, то за понятное, неполитическое и вполне справедливо.

Замполит Краскин, например, сел на три года не как вредитель, а просто за взятки, о чём всем окружающим было доподлинно известно. Жили Краскины во втором этаже, над нами, но стоило открыть дверь, как в неё с лестницы сладковато и дразняще начинал идти печёный бараний дух.

– Во как начальники живут! А ты, начальник... – заводилась мать. – Одну картошку едим.

– Ничего. Я поем картошки и сплю спокойно. А он после баранины: где машина загудела, у него и штаны трясутся, – говорил отец и усмехался.

Так запомнилось. И суд был в Андреевске. И ездило туда из МТС много народу.

Моего сводного брата посадили за вооружённый грабеж на дорогах, а больше никого из осуждённых в те годы не довелось знать.

Правда, что-то похожее на политическое дело затевалось в Колокольнинской семилетке, где я училась. Наш завуч, длиннющий и худой, как жердь, неулыбчивый, но дружно любимый школьниками, Сергей Фёдорович Силаев выступил не то на родительском, не то на партийном собрании. Обсуждали вопрос о деньгах на какую-то наглядную агитацию. Шёл 52-й год, но на разорённой нашей Смоленщине, особенно в деревнях, было очень голодно. В многодетных, а значит, самых бедных семьях, ребяташки по морозной поре сидели дома – в школу ходить было не в чем. И Сергей Фёдорыч сказал на собрании, что «самой наглядной агитацией будет отдать деньги на одежду детям, а пока у нас так о них заботятся, грош цена любой агитации!»

Кто уж там произнёс знаменитое: «Советская власть не нравится», не знаю. Но дело заварилось круто. Сергей Фёдорыча исключили из партии, уволили с работы, и он днями бесцельно сидел на лавочке перед палисадником учительского дома, пугая всех враз ввалившимися до чёрных ям щеками и поседевшей щетиной усов, страшный, непохожий на себя. Говорили, что он каждую ночь ждёт ареста.

– Нашли контрреволюцию, идиоты! Недотыки чертовы, – ругался отец.

Он мотался в город, но, видимо, без толку – приезжал злой и несколько ночей подряд писал, перечёркивал, исправлял обширнейшее письмо в обком, в котором ручался за Силаева и требовал разобраться.

Письмо помогло. Из области приехала комиссия, разобралась, Силаева восстановили в партии, вернули в школу, и уже в марте Сергей Фёдорыч вместе с нами плакал под чёрной тарелкой репродуктора, слушая трансляцию похорон Сталина.

Так что и тут никаких репрессий.

Рассказы о них в газетах я воспринимала как ужасную, но всё-таки сказку или примерно так. А об отце и подумать не могла. Да ведь ни по чему нельзя было определить, что отец сидел. Вёл он себя иначе. И в истории Силаева, и вообще. Умудрённая на стройке первым жизненным опытом, я уже на глаз могла отличить человека, прошедшего тюрьму. Пришибленность не пришибленность, а что-то родственное этому даже при всей наглости было в них. Что-то жалкое, ущербное, пусть и глубоко спрятанное, оно ощущалось бессознательно, произвольно. Ничего подобного не было в отце.

Я растерянно глядела на исписанные отцовской рукой листки. Не верилось. Снова он задавал мне загадку. И зачем скрывал? Вот что было неясно, что опять раздражало и мучило.

Не откладывая, тут же написала ему. Он быстро ответил:

Я не рассказывал о репрессиях не потому, что хотел скрыть от тебя, а просто вспоминать это и тяжело и неприятно. Дядя Вася, несмотря на то, что был беспартийный, тоже перенёс репрессию, только он в Курске, а я в Сибири.

Ты спрашиваешь, как это было? По-моему, я в своей автобиографии написал. Работал я в то время зав. аймзо в Ойротской автономной области. Там меня арестовали, исключили из партии, обвинили в том, что я умышленно развалил работу аймзо и якобы скрыл от партии, что был белым офицером и помещиком. Судить меня хотела тройка трибунала, но я ни одного протокола допроса не подписал, и моё дело передали в нарсуд. А если бы тройка, то расстрел.

Нарсуду я документами доказал, что был красногвардейцем, что никогда не был помещиком, а наоборот, сам батрачил у помещика. Свидетели (специалисты аймзо) также доказали, что я не развалил, а укрепил аймзо. Но суд всё же дал мне 5 лет тюрьмы. Такая, видно, им была установка. Сидел я при аресте в деревенской бане, потом перевезли в областной город, в подвал ГПУ. После суда сидел в тюрьме Кзыл-изек (в Ойротии), потом в пересыльных тюрьмах города Бийска, Новосибирска и потом в колонии под Новосибирском.

Тяжело вспоминать. Вспомнишь и вновь переживаешь это безобразии...

Отцовский ответ, однако, ничего не разъяснил. Что значит «тяжело вспоминать»? А как его расстреливали – не тяжело? А это – когда, бестелесно болтаясь в носилках, всё сознавая и слыша даже, как препираются санитары, он в изнурительной послетифозной слабости не мог пошевелить рукой, сказать хоть что-нибудь во спасение или просто открыть глаза и знал, что в нетопленной, щелястой покойницкой по февральским ещё холодам ему не протянуть и пары часов, – это как – не тяжело вспоминать?

Отец был весёлый, лёгкий человек, мне иногда казалось – поверхностный. Не злобясь и не впадая в сусальный восторг, он принимал жизнь такой, какая уж есть. Рассказывал о прошлом с постоянной усмешечкой над собой тогдашним, словно отболевшим и отпавшим от него нынешнего. Мне не хватало в нём серьёзности, что ли. И вдруг – «тяжело вспоминать». Откуда оно взялось? Не могло ж оно быть и никогда не прорываться наружу?! Но никогда ли? Ой, нет, нет. Что-то было. Только помнилось смутно, как сквозь сон.

Год пятидесятый, может, сорок девятый – точно не скажу. Но точно – Волочѣк, Днепроовская МТС. Вечером принесли отцу телеграмму из Москвы: «УМЕР САША ПОХОРОНЫ СРЕДУ КЛАВА». Отец бросил телеграмму на стол, отошёл к форточке, закурил. «А кто это, Петь?» – спросила мама. «Брат», – буркнул отец, не поворачиваясь от окна. «Какой брат? – удивилась мама. – У тебя ж Иван и Вася». «Те – двоюродные, а этот – родной, младшенький». Отец потушил папиросу и выкинул в форточку. Затем, так же, не оборачиваясь, приказал мне идти спать, «поздно уже». А было и нисколько не поздно, только дождик хмуро стучал по стѣклам, осенний и надоедливый, и от него было темно. В любой другой раз я бы обязательно заупрямилась (отец сильно баловал меня), но тут не посмела. Умостившись под одеялом, долго слушала, о чём говорят на кухне. Говорили много, но больше непонятного. Осталось в памяти:

– Я ему говорю: «Одну ночь всего переночевать», и справку показал, что не беглый. А он: «Прости, Петюша, у меня семья», и закрыл дверь, подлец, перед носом, на порог не пустил.

И потом:

– Ну, на похороны-то надо ехать, брат ведь, – это мама.

– Нет. Я его тогда похоронил. Деньги пошлю, и хватит с него.

Ночью я отчего-то всё просыпалась. Мама спала, разметав на подушках косы и заслоняя рукой от света с кухни. А на кухне всю ночь ходил отец, скрипел половицами, останавливался, курил, и снова тяжело начинали стонать половицы – из угла в угол, из угла в угол до самого рассвета.

На похороны он так и не поехал.

Значит, всё-таки было. Но почему именно это «тяжело вспоминать»? Несправедливость? Унижение? Нет, снова не складывалось. Несправедливость никак не являлась для отца причиной переживаний. С ней надлежало бороться, а не переживать. Так он делал и так учил меня. Конечно, в борьбе можно было проиграть, на то и борьба, но отец даже не проиграл. Унижение? «Да кто может унижить человека, если он сам не унижится?!» – слова отца. Как хорошо я их помню. А он не унижился. Не просто ж было ничего не подписать в подвалах ГПУ, там не гладили по головке, все, говорят, подписывали, но не подписал. Обида? Ну, этого отец и вовсе не умел.

Господи, какой же я была глупой в свои девятнадцать лет! Ответ лежал совсем рядом, надо было всего лишь оглянуться на себя.

Больше или меньше, мы все похожи на родителей. Чаще в плохом, реже в хорошем, и одинаково не хотим ни того, ни другого – особенно в юности. Мы тогда только-только становимся, и потому невыносимо думать, что кого-то повторяем. А я кое в чём повторяла отца один к одному. Что было для меня самым тяжёлым в жизни? Не проголодь, к ней привыкалось. Не страх, его тоже можно было преодолеть. Не одиночество... И ещё много разных «не». Самым большим оставалось всегда разочарование, будь оно в человеке, в идее, книге, месте – всё равно.

Отец же, в 16-м году «встав на большевистские ноги» и безоглядно поверив, что именно так возможно добиться единственного, ради чего и стоит жизнь положить, – всеобщей и конечной справедливости, – не мог через двадцать лет не увидеть порочность, причём порочность не людей, творящих зло (это бы его сильно не ушибло, он жил с открытыми глазами и людскую породу знал), а порочность системы в целом. Конечно, системы, а не идеи, но всё одно – это было уже крушение, и его предстояло пережить, перенести, как он говорил. И перенёс. Правда, прежде не бравший в рот спиртного, сразу и крепко стал зашибать, как и бывает обычно с русским разуверившимся человеком.

Ах, как я любила его пьяненьким!

Выпив, отец неожиданно молодец, разворачивал плечи, а они у него при среднем, по теперешним меркам даже малом, росте были и не развёрнутые обширны. Становился остроумнее, лучше, был открытым и бесконечно добрым ко всем на свете.

«Что у трезвого на уме, то у пьяного на языке». По-моему, не совсем точно. Что у трезвого загнано внутрь, сковано обстоятельствами, приличиями, чёрт знает чем, вся его внутренняя сущность – у пьяного вылезает наружу. Водка освобождает человека от собственного контроля, позволяет быть самим собой, но уж – каков есть. И отец – каков есть. Водка снимает с плеч прожитое, перенесённое, все потери, предательства и измены.

Августовский вечер. Теплынь. Солнце медленно заходит, можно сказать, западает за деревню. Ещё нет росы, и вдоль улицы движется отдающее парным молоком и травой лёгкое облако пыли – гонят скотину. А посреди стада колесит на новеньком дамском велосипеде мой отец. «У, рогатая, задавлю!» – делая зверское лицо, кричит он, виляет велосипедом, чуть не падает, и пегая корова ошалело шарахается в сторону. Блеют овцы, бегут ребятишки посмотреть на это невиданное чудо – дамский велосипед. Велосипед блестит спицами, рулём, звонком, матово чернеет рамой, переливается шёлковой узорной сеточкой на заднем колесе, так и тянет потрогать.

Но я не бегу навстречу отцу. Я вообще не могу бегать. У меня после скарлатины порок сердца. Я смиренно сижу на брёвках возле дома, на разогретых солнцем березовых кряжах, молчу, и только сами собой текут по скулам слёзы, капают на подол, и он, словно от дождя, темнеет в горошек всё сильнее и сильнее. Зачем мне велосипед? Ну, зачем, если мне нельзя на нём ездить?!

Напротив крыльца отец косо выворачивает из стада и, наконец, падает. Из авоськи, болтавшейся на руле, сыплются яблоки, разноцветные фантики конфет, пластинки печенья. Отец поднимается, хохочет, командует ребятам:

– Налетай!

Он стоит передо мной в расхристанной от потерянных пуговиц клетчатой рубашке, с бисером пота на крутом лбу, ужасно довольный и всё понимающий:

– Ты что, Огонёк?! Бери! Ещё как будешь кататься! Большевики и не то одолевают!

И если сейчас, тридцать с лишним лет спустя, я пишу эти строчки и вообще живу на белом свете, то, наверное, во многом благодаря тому августовскому тёплому вечеру, отцу и велосипеду, на котором, кусая губы от боли, всё-таки ездил, сперва потихоньку, потом быстрее, а там уже со звонком, с ветерком – летала.

Но совсем не всегда возвращение отца в подпитии оставалось в памяти такой мирной картиной. Обычно бывало как раз наоборот.

Отец и трезвый-то мог отдать последнее, а стоило выпить – любой встречный сразу становился «друг, товарищ и брат». Однако пресловутый друг или брат оказывался, как водится, просто любителем выпить на дармовщинку, а то и вовсе обобрать ближнего своего. Были и такие, что умудрялись в магазине занимать бутылку-другую под отцовскую зарплату: «Пётр Иваныч получит, отдаст». Так что зачастую после полочки отец возвращался «гол как сокол».

И какой же скандалище закатывала ему мать! Я удирала из дома, чтобы этого не слышать. Я разрывалась между ними – между отцом и матерью. Но, в основном, конечно, была на стороне

отца, как и бывают дети на стороне обиженных и угнетённых, таким он мне в те минуты казался. А ещё мать разрушала праздник, который, я же чувствовала, жил в отце, но подспудно, а тут вырывался как сидр, как джинн из бутылки, щедро, искристо, весело. И мне до слёз было жалко загубленный праздник. Отец погасал, махал рукой и шёл спать.

Но детство уходило, и вместе с ним уходило, вернее, менялось моё отношение к отцу. А юность, как известно, время бросать камни, все мы в юности судьи. И прочитав там, на стройке, автобиографию отца, я не придумала ничего лучше, чем осудить его, и осудила за всё разом: за репрессии и культ личности в целом, за установку, по которой невинному человеку давали пять лет тюрьмы, за молчание, за слова «тяжело вспоминать». Последнее для меня звучало как желание всё забыть, то есть не бороться. Оно-то и возмущало больше всего. Тоже мне красный командир! Меня учил, а сам... Пьянствовал, когда следовало драться за правду. Бесхребетный какой-то тип, и ничего больше.

Надо же, какой умной и правильной я была!

Наверное, чтоб понимать, о чём пишется в книгах, нужно пережить подобное. Со школы наизусть помня выражение «мучительно стыдно», я только теперь осознаю, что оно значит, потому что именно так стыдно мне за те мысли. И лишь теперь я начинаю догадываться, кем был мой отец. Может, ведь и не случайно вышло, что не видела я вокруг никаких репрессий. Может, это он не позволял им быть? Что тут невероятного?!

А может, не случайно и то, что его собственная история репрессий завершилась по тем временам более чем благополучно?

Из колонии мне удалось переслать подробное заявление в ЦК партии. ЦК направил моё заявление верховному прокурору товарищу Вышинскому. Тот запросил моё дело, по получении опротестовал решение суда и передал дело со своим протестом в Верховный суд. Верховный суд решение сибирского суда отменил и дело прекратил, дав указание меня освободить.

Вот так.

После освобождения я приехал в Москву и подал заявление в ЦКК о восстановлении меня в рядах партии. Дело с восстановлением затянулось до 38-го года. Но в 1938 году меня вызвали в Новосибирск на заседание выездной коллегии ЦКК, и я был восстановлен.

До восстановления работал на разных работах: плановиком при МТС, научным сотрудником при опытной станции и даже калькулятором при железнодорожных буфетах. Но работать везде было трудно, ко мне, как исключённому, относились подозрительно.

Когда меня восстановили, я пошёл работать по своей специальности, и в 1939-1941-м, 1942-м, 1943-м и до 1947 года я работал агрономом в Московской области.

Здесь я опять спотыкаюсь. Что за невнятица – «1939-41-м, 42-м, 43-м и до 1947 года... работал агрономом»? А куда, собственно, делась Великая Отечественная? Отец же воевал. Есть наградной лист. Есть медаль «За оборону Москвы». Были друзья по ополчению, рассказы. А в биографии – ни слова. Почему? Не могу понять...

В январе 41-го отцу исполнилось пятьдесят – непризывной возраст. Его и не призвали, он пошёл без призыва, когда фашисты подступили к Москве. А мог бы и не пойти, мог эвакуироваться, переждать, пересидеть в тепле войну, бомбёжки, страх смерти – весь тот ужас, которого он и до того хватил с лихвой. Мог бы? Нет, не мог.

Время человек не выбирает. Ему не дано решать, когда жить. Зато, как жить, каждый может выбрать сам. И выбор прост, от века одинаков: или «Почему я?!», или «Если не я, то кто же?!» У отца – второй вариант.

С берёз неслышен, невесом,
Слетает жёлтый лист.
Старинный вальс «Осенний сон»
Играет гармонист...

В доме чисто, солнечно, пахнет пирогами. Родители празднуют не то 1 мая, не то День Победы. Гости только что разошлись. Мать с отцом сидят за неубранным столом и под отцовскую гармонь поют. Поют истово и самозабвенно, даже я сейчас не существую для них. «В лесу

прифронтовом» сменяет «Землянка», потом «Огонёк». Лица у родителей становятся строгими, одухотворёнными, не такими, как всегда.

И пока за туманами
Видеть мог паренёк, –

мамин серебряный фальцет спускается до отцовского густого тенора, и голоса сливаются в одно, так что начинается щемить сердце:

На окошке на девичьем
Всё горел огонёк.

Наверное, всё-таки День Победы. Иначе почему эти песни?! В доме у нас обычно поют «Мой костёр», «Златые горы», «Ямщика», «Кирпичики», «Поедем, красotka, кататься». И потому День Победы, что помнится в тот день спор отца с одноногим дядей Ваней Калистратовым, ещё молодым и красивым смуглой, цыганской красотой мужиком, которого отец сильно уважает.

– Ты не обижайся, Иван. Я не в обиду. Ну, как там ни крути, были вы, мальчишки, героическими дураками на войне. Ей богу! Как вспомню, сколько вас там полегло, как вспомню... И всё даром!

– Не-е-е... Мы за Родину! За Сталина! – Дядя Ваня совсем уже тёпленький, косоватый, чёрный чуб упал на глаза.

– Да я не о том, Иван, – отец выпивший, но невесёлый, подбородком на сведённые меха любимой своей трёхрядки. – Не о том я... Вот помню: дождь, грязища непролазная, и один, – губы посинели, шея гусяная, – завяз, и сил нет сапоги вытащить. Дёргает их из грязи и плачет, поверишь, прямо слезами. Винтовка, родная наша, образца 1891 года, выше его. Тяжёлая, он её-то едва волокёт, а тут сапоги... А потом, после уже, угодили мы под танки. Он: «Ура!» И в рост на танк с той самой винтовкой. С одной винтовкой, Иван... Ну, его и берёзку, рядом там стояла... Только месиво за гусеницами. Вот зачем это всё? Эх!..

Дядя Ваня пьяно качает указательным пальцем:

– Во! В самую точку – «зачем?». Он себя героем оказал – и всё тут!

Мне не хочется их слушать, но я не могу себя заставить оторваться, как на уроке географии, когда наш контуженный учитель по прозвищу Сей Иваныч, закатив глаза и брызжа слюной, начинает бормотать про окопы после бомбёжки, где он подобрал три руки, оторванных по локоть.

– Да-а-а... – тянет отец. – Только я бы таких героев и близко к переднему краю не подпускал. – Он ненадолго замолкает, и зрачки у него расширяются, словно от боли. – А кто не погиб?.. В семнадцать-то лет научившись убивать... Это ж ещё хуже. Помнишь, Иван, какой у нас после войны бандитизм открылся? Думаешь, просто так? Те же пацаны, каким война душу поломала...

Мне почему-то делается холодно в жаркой избе. Я знаю, о чём говорит отец. Иногда мне даже кажется, что я помню чёрное, ночное окно на улицу, два хмурых лица за ним, одно – моего сводного брата. Но это лишь кажется, я ничего не могу помнить, мне было тогда полтора года. И окно, и разговор через форточку – из рассказов матери.

– Папа, пусти нас.

– Иди к воротам, но только один и без вещей.

– Нет, пап, так не пойду.

– Иди, Володька. Опомнись. И узлы брось. С награбленным не пушу, ты меня знаешь. Ну, что тебе это барахло и этот бандит?! Не позорься и меня не позорь!

– Не пускаешь, значит? Ладно, папа, я уйду. Не пожалей, смотри.

– Если уйдёшь, запомни: отца у тебя больше нет!

Я всю жизнь возвращаюсь к этой истории. Прав был отец или нет? Жесток или не жесток? И не могу решить. Но всю жизнь я боюсь сделать что-нибудь недостойное и услышать: «Запомни, отца у тебя больше нет». Отца давным-давно нет в живых, никто не может сказать мне тех беспощадных слов, а я всё равно боюсь, может быть, того, что однажды скажу их сама себе.

Отец не умел прощать. Вернее, были вещи, которые отец, по натуре незлопамятный и добрый, прощать не мог. Никому. И случись ему самому оступиться, предать или сделать подлость, он бы, не дрогнув, рассчитался с собой. Но не случилось. Потому, наверное, и не случилось.

Теперь уже вряд ли кто ответит, откуда взялась в простом крестьянском паренёчке этакая твердость, кодекс чести, если хотите. Да и понять теперь трудно. Мы – другие, время – другое. А так ли? Не слишком ли много мы себе прощаем? Легко оправдываемся: «бытие определяет сознание», нам, дескать, не дали, не научили, заставили. И отец бы нас не понял. Он был абсолютным атеистом, «не бог, не царь и не герой» определяли его способ жизни, он определял его сам, исходя единственно из внутреннего своего кодекса. Не думаю, чтобы оттого ему легче жилось.

Володьку отец больше не видел, я тоже. Моего сводного брата вместе с дружкой и узлами, которые при этом именовались вещественными доказательствами, взяли на квартире его матери, судили, и он бесследно сгинул где-то в лагерях. Отец никогда не упоминал о нём.

Отец о многом не упоминал. Я, например, совсем не знала о первой его жене, с которой в 20-е годы они разошлись по политическим убеждениям: он был большевик, она – кадетка. Не знаю, как отец, но она любила его всю оставшуюся жизнь, как умеют любить только русские женщины – отчаянно, безнадежно и до конца. И никакие политические взгляды, никакие партии ничего здесь не могут изменить. Что все они в сравнении с такой любовью, с её светом?

Не знала я и того, что, словно в плохом романе, вторая жена отца, мать Володьки, сбежала с майором-интендантом, оставив лишь короткую записку: «Петюша, устраивай свою жизнь как знаешь, я свою жизнь устроила». И отец вернулся с фронта в холодную и гулкую от пустоты квартиру, где на кухне одиноко плакала старуха, отцовская теща.

Да мало ли чего я не знала о нём! Говоря словами анекдота: «Знания, которыми не обладали древние, были весьма обширны». А я-то жила и думала, что знаю всё. И вдруг оказывалось... Вот это «оказывалось» каждый раз удивляло, выводило из себя, восхищало или злило, но, главное, лишало уверенности, что мир таков, каким я его представляю.

В пору щенячьей нашей самонадеянной юности, бунтующей без разбора против всего и вся, бытовало у нас такое выражение: «эти законопослушные старики». Пренебрежительный такой взгляд на учителей, родителей, сверху вниз. И мой, в частности, на отца. И вдруг оказывалось, что он, трижды женившись, умудрился ни разу не развестись. Как он это проделал, ума не приложу. Но факт оставался фактом: три женщины одновременно считались в глазах закона жёнами отца, носили его фамилию и имели штамп в паспорте. В нашей-то стране! Фантастика! Или другое: у отца никогда не было водительских прав, что его ни капли не смущало – он гонял по району на колхозном мотоцикле, частенько мимо поста ГАИ у Минского шоссе, водил машину, трактор, а при случае мог бы, наверное, и паровоз.

Ума у меня, что ли, не хватало, чтобы понять отца? Или интереса к другой, хоть и близкой мне, жизни? Но зачем-то же я просила написать его свою биографию? Значит, хотела понять?! Тогда почему не спросила обо всём неясном? Время ещё было – почти два года. Но вот не спросила, и сейчас остается только гадать – почему ничего о войне и так скупое о том, что уже на моей памяти.

В 1947 году я уехал в Смоленскую область, где сначала работал в подсобном хозяйстве воинской части в Смоленске. Но там проворовалось начальство, и меня за чужие грехи чуть было не отдали под суд. Но всё выяснилось, и меня послали главным агрономом в Днепровскую МТС, где я проработал три года.

В 1951 году я уехал работать колхозным агрономом колхоза имени Кирова Гжатского района. За шесть лет добился некоторых успехов: сельское хозяйство стало принимать окультуренный вид и ежегодно повышать урожайность. Но здоровье и возраст, да частичные трения с руководством заставили меня в 1957 году уйти на пенсию.

Со Смоленска я начинаю помнить. Всего одну картину, но зато отчётливо и очень ярко. Крутая горка, плотно мощёная серым булыжником, уходящая далеко вниз, солнце, ветер в лицо и счастье – ощущение полёта. Дальше ничего. Не осталось в памяти, что ехала с горки на велосипеде, что разбилась в кровь. Это уже рассказывали, да ещё метки с тех пор на лбу. Видно, память не любит хранить плохое. Но вот удивительно: ни отца, ни матери того времени тоже не помню.

Их вижу, начиная с Днепровской МТС. Их и Волочёк, где располагалась та самая МТС. Красивое очень место, бывшее имение знаменитого адмирала. Днепр в верховьях, прозрачный почти до дна. Серебристые тополя. Акации. Красный остов нахимовского дома.

Помню, как уезжали в Москву. Москву помню. А отец о Москве и вовсе не пишет. Видимо, показалось ему это событие незначительным. А для меня была целая эпопея.

Отец никогда не менял место работы по своей воле. Работа, она повсюду одна и та же, везде нужна, везде интересна. Чего искать?! Но его то бросали как солдата партии, на трудный участок, то снимали за пьянство и отправляли с глаз долой. А тут взбулгачилась мать. Каждый день поедом ела: «Ребёнок в глуши растёт, ничего не видит, а скоро в школу...» В общем: «В Москву! В Москву!»

Отца не отпускали. Человек он был неудобный, однако работник, каких поискать, за что и ценили, за что прощали все его пьянки и неумение ладить с начальством. В обкоме предложили перевести поближе к Москве, лишь бы оставить в Смоленской области. Отец отказался, – сильно давили дома, – уволился, и мы поехали.

Шёл сентябрь, и поезд был пропитан не только сладковатым и чуть угарным, уютным запахом прогорающего угля, этим вечным запахом железной дороги, но, смешиваясь с ним, проникал в щели и наплывал из тамбура тревожный аромат осени, дождя, мокрого сена. По темнеющим вечерним стёклам текли косые капли, дёргались и срывались на стыках. На станциях паровоз недовольно чухал, словно жалуясь на усталость и погоду. Первая в моей жизни дорога.

– Фрось, глянь-ка, – на одной из станций сказал отец. – Гжатск. Сюда меня хотели послать. Мать отмахнулась, а я прилипла к окну.

Под жестяным колпаком моталась от ветра лампочка на деревянном столбе, единственная на перроне. Порыв света выхватывал из дождевой тьмы летящие листья, лужи, вокзал, чем-то схожий с сараем, лохматую собаку у входа и опять лужи, переходящие одна в другую.

Поезд лязгнул и принялся набирать ход. Отъезжал, оставался позади мокрый город, случайно мелькнувший одним-единственным освещённым кадром. И ни отец, и никто иной не мог знать, что это судьба подмигнула нам в окно вагона озябшим на дожде фонарём. Что ничего не выйдет с Москвой, то есть всё выйдет – отец устроится на работу, мы будем ждать квартиру, – но когда он поедет сниматься с партийного учёта, ему скажут: «Или будешь работать, куда переводят, или партбилет на стол». Что будет веденьё и изба хозяйки Степаниды, всего в семи километрах от этого станционного фонаря. И будет колхоз с 20-ю копейками на трудовень, теми ещё, дореформенными деньгами, с избами под соломой и помойками возле шатких крылечек, колхоз, который отец за шесть лет выведет в миллионеры. И вытурят его на пенсию во времена пылкой любви к кукурузе «дорогого товарища Никиты Сергеевича Хрущёва» за то, что сей любви отец не разделит, а, упираясь, будет сеять льны, знаменитые, голубоглазые наши, смоленские льны, лучшие в мире. И здесь, на вокзале, опустит отец в почтовый ящик толстое письмо для меня со своей биографией, кончающейся такими горькими словами:

Вот, Любушка, и вся моя вкратце описанная жизнь. Подробнее получилась бы целая книга, а так много написать я уже физически не могу, быстро сводит пальцы. Видимо, отписался.

Как быстро проскакивают годы! Мне кажется, это было вчера: осенний поезд, мой прижатый к стеклу и расплющенный в нём нос, и тут же – снежные сосны за окном общежития на Карельском перешейке, письмо отца, сумятица в душе – всё вчера и одновременно. А уже давно ничего нет – ни отца, ни меня такой. Осталась только память, только в ней всё в цвете, оттенках, словах, запахах. И зависть ещё.

Странно как: я завидую отцу. И даже не молодому, сильному, которого я не знала, а тому старику с палкой у почтового ящика в Гжатске.

Он возвращается из бани, побритый, постриженный, довольный тем, что набрался сил съездить в город. Он полчаса трясётся в расхлябанном автобусе, за дорогу протаивает дырку в оконной наледи, смотрит на поля под снегом, по которым столько исхожено и изъезжено.

Он – счастливый человек, отец. Я это утверждаю, и нет никакой иронии в моих словах.

Да, ему семьдесят три, у него неизлечимая болезнь и нищенская пенсия – всё так, всё верно. И купленная у хозяйки Степаниды изба осела от старости, провисла коричневыми матицами, а ссуда, что взята на её ремонт, давно пропита с дружками. Ко всему и последняя работа пошла прахом. Свели-таки льны под корень очередные районные прихлебатели, и покотился колхоз-миллионер прямым ходом в должники.

И всё же, я повторяю, отец – счастливый человек, он умеет жить.

Я не люблю это выражение. Оно почти всегда означает умение устраиваться в жизни. Оно затёрлось в таком значении, потеряло первоначальный смысл. Но другое не подходит. Отец именно умеет жить, умеет радоваться малому и даже больше – умеет сделать из него праздник.

Вот он сидит, вернувшись из Гжатска, у распахнутой печной дверки, слегка захмелев от тепла, чая, всполохов огня на поленьях, рассказывает матери что-нибудь из смешных городских новостей. Например, что в аптеке повесили плакат: «Не чихайте друг на друга во избежание гриппа». И заливиисто хохочет, закидывая впалое лицо, уже сильно усушенное болезнью. Он искренне и полно убажён сейчас жизнью, её комическими сторонами, уютно, и плевать ему на рак. «Мы ещё посмотрим, кто кого». И так оно и есть: после операции врачи обещали отцу от силы полгода, а уже четвёртая зима с тех пор. Отец живёт вопреки прогнозам, врачам, болезни, по-моему, на одной только неутолённой и яростной любви к этой «обольстительной стерве», что зовётся «жизнь».

Живёт, делает, что нужно по дому, возится в саду, стоит в очереди за хлебом, читает вечерами вслух, ходит на партсобрания, председательствует в товарищеском суде.

Ох, уж этот товарищеский суд! Пить отцу категорически нельзя, но в деревне судебное разбирательство никак не может обойтись без бутылки. И несут, и отец распивает вместе с приносителем. Мать ругается, обвиняет отца, что берёт взятки. А он только посмеивается:

– Эх и раскипятилась! Как бы не убежала...

Конечно же, никакие это не взятки. Что за такие страшные кары пугают подсудимых? Общественное порицание? Десятка штрафа? Да полно. Тогда что? Выгоды от приношений тоже нет. Все знают, что судит отец по справедливости, невзирая ни на какие четвертинки или поллитровки. И, получается, причина всего одна – просто подходящий предлог, чтобы отвести душу. Но кто же признаётся в подобном?! Пусть обвинят, в чём угодно, только не в слабости душевной, не в том, что нудит тебя, застит свет желание выплакаться хоть кому, кто бы выслушал. А отец удивительно умеет слушать. В его внимании ни капли притворства. Чем-то по-настоящему интересны ему бессвязные эти исповеди. Он, наверное, просто любит их всех, нескладных этих мужиков, отвоевавших, изработанных, а то и отсидевших за что-то.

Ответно любят и отца. Правда, в деревне такого глагола нет, поэтому называется «уважают».

Помню похороны. Опухшая от слёз мать. Наша изба, тесно забитая людьми. Люди на крыльце, у палисадника, на брёвнях. Сопят мужики, режут бабы, только я не могу заплакать. Потом Гжатск. Грузовик в ёлках хлопает откинутым задним бортом, душный запах хвои, венки, пыльный духовой оркестр. То печально и светло улетаая ввысь, то надрывно плачут трубы. Эхом отзывается город, и сам он весь, словно похоронный оркестр, словно оплакивает уходящего человека. И вдоль Московской, ведущей к кладбищу, люди... люди... Наши деревенские, колхозные, городские. Никогда я не думала, что их будет столько.

А дома – телеграммы, переводы, письма. Впрочем, письма отцу приходили ещё много лет. От тех, с кем воевал на Мировой, Гражданской или Отечественной, от тех, с кем работал, с кем сидел, с кем играл в самодеятельном театре, – было и такое, – вдруг от второй жены или известной льноводки Зинаиды Бородич. Его не было, а он всё был нужен им, разным людям с их бедами и радостями, которые почему-то необходимо было разделить с ним.

Шли письма, и вместе с ними приходило ко мне постепенно чувство сиротства, и уже нельзя было избавиться от него. Оно, как привкус горечи, было во всём: в невозможности договорить и доспорить с отцом, отчего он навсегда оставался прав, в уважительном «Петровна», как звали меня теперь деревенские старики, в отцовских штопаных рубахах, которые даже после стирки неуловимо сохраняли его запах – солнца, пота, земли.

Со смертью отца кончилась для меня юность и началась взрослая жизнь, а взрослая жизнь – всегда сиротство. Не было больше за моей спиной доброй и весёлой силы, с которой так надёжно и просто жилось. И не было её во мне. И – увы! – не стало. «Отчего так?» – думаю я сейчас. И опять не знаю ответа. Оглядываюсь вокруг – на друзей, сверстников – и не нахожу её в них, будто канула она тогда незаметно вместе с отцом. И как же безнадежно не хватает её в смутное и обвальное время наше! И некому ответить: почему недостало её нам, почему не дано нам этого дара – принимать жизнь и радоваться ей?! Почему с утратой иллюзий так скудеет душа? Остаётся одна злость. На кого? На что? И только оттуда льётся свет – из детства. Из тех низеньких окошек, где молча курит отец и мимо которых несутся, не задевая их, седые космы вечной ведьмы-вьюги.

Нижегородские берега

Александр Фигарев

Родился в 1949 году в деревне Гордеевка Ковернинского района Горьковской области. Служил в армии. В 1976 году окончил Литературный институт им. Горького. Работал заведующим читальным залом в Пскове, редактором Волго-Вятского издательства и Горьковского радио, корреспондентом газет. Член Союза писателей России. Автор семи поэтических сборников, книги сказов и трёх книг документальной прозы. Лауреат многих всероссийских премий.

З.Т. Новосёлову

В родимый дом из золотистых сосен,
Что предок мой срубил, опять войду.
Не конь копытом – яблоками осень
Который день стучит в моём саду.

Я печку затоплю (дымком запахнет),
Я заварю смородиновый чай.
В отцовской синей старенькой рубашке
Задумаюсь о чём-то невзначай.

Закрутит завтра новая дорога,
И вспомню я на том конце страны,
Как кольца годовые смотрят строго
С оструганной бревенчатой стены.

***

Потускнели, словно от позора,
Окна с грустным взглядом синевы.
На резных наличниках узоры –
Берегини, сирины и львы.

Между изб следок заледеневший,
А наступит вечер голубой –
В брошенной конюшне свищет леший,
Плачет филин за печной трубой.

И с тоскою домонгольской, древней
Подпеваает старый домовый.
Занесло дороги до деревни,
Что покуда кажется, живой.

ЧЕРНОБЫЛЬ

В окошко дождь барабанит,
По крыше бьёт, разъярясь.
Солдаты смывают в бане
Радиоактивную грязь.

Смеются, потом запели,
Трут спину – чтоб добела,
И светятся в белой пене
Мальчишеские тела.

Как струи тугие льются,
Сияют над головой.
Смеются. Не все вернутся
Солдатики те домой...

НАЙДЁНЫШ

Ветры в меня и в тебя
Целят и хлещут по стёклам.
Я подобрал воробья
Мокрого у водостока.

Я на него подышал –
Он шевельнулся и замер,
Затрепетала душа
Перед моими глазами.

Долго ко мне привыкал,
В небо смотрел одиноко.
Так мы и жили, пока
Март не запел возле окон.

Только вдруг песня своя
В горле у птицы забилась.
Вырастил я соловья.
Надо же, как получилось!

ПОЭТЫ

Юрию Адрианову

Поэты всегда провидцы –
Из вещей, поющих птиц.
В поэзии нет провинций,
В поэзии нет столиц.

Слова поострее бритвы,
Как меч для тупых голов.
Без песни не будет ритма,
Народ разобщён без слов.

Вот крылья к земле прибиты,
Взлететь уже не сумеет.
Поэты убиты бытом,
Но это ещё не смерть.

Под солнечными лучами,
Под лунною тишиной
Слышней и страшней молчанье,
Что стелется над страной.

Я вижу конец печальный,
Стихи не уберegli,
И занят станок печатный –
На нём создают рубли.

Пусть пламя в душе играет
И стих, пока не утих.
Поэты не умирают,
Покуда читают их.

Поэты всегда провидцы –
Из певчих и вещей птиц.
Не надо стихам границы,
Когда они без границ.

***

Когда больна Россия-мать,
Зачем злословить или драться?
России надо помогать,
Над ослабевшей не смеяться.

Ещё Россия не встаёт
С полей заросших, как с постели.
Богатство пасынки её
Между собою шумно делят.

Когда-то дружная семья
По одному стремится выжить.
Молчат родные сыновья,
Застыв от наглости бесстыжей.

***

Зачем-то ухожу лесной дорогой,
Вот оглянусь – деревни больше нет.
А мать опять у тёмного порога
Через дожди глядит мне долго вслед.

Там позади полнеба стало мрачным,
А надо мной сияет синева.

Я отражусь в реке такой прозрачной,
Где золотая плавает листва.
А вот осина с кроной раскалённой,
Рябина в алом, словно держит флаг.
Костром пылают в тёмной чаще клёны,
И тает первым снегом березняк.

Приеду в город, залитый огнями,
Там над домами звёзды не видны,
И буду думать о далёкой маме –
Она одна живёт среди тишины.

ПРОЩАНИЕ

Над моею буйной головою,
Вытканное светом из льна,
Закачалось над рекой Псковой
Волчье солнце – белая луна.

Об асфальт зацокали подковы,
В гул машин с тревогою вплетясь.
Неужели ратоборцев Пскова
Из далёких лет выводит князь?

Разомкни свои лебяжьи руки
И в свои объятья не зови,
Нам не о любви, а о разлуке
Плакали и пели соловьи.

С высоты я Русь окину взором.
В гуле реактивных голосов
Светят величавые озёра,
Как щиты среди воинства лесов.

Парашюта крылья за спиною,
Будет встреча – сеча среди ночи.
Связь времён звенит во мне струною,
Песня, как оружие, звучит.

ЗЕМЛЯКИ

*Мы долго ждали Минина из Нижнего...
Ю. Поляков*

Вовек и присно, в прошлом или ныне
Нельзя забыть во сне и наяву,
Как наши земляки Пожарский, Минин
Спасли страну и матушку Москву.

На Красной площади, вдали от наших улиц
Защитники стояли, но опять
Зачем-то в Нижний к нам они вернулись –
Быть может, ополчение собирать?..

Нижегородские берега

Александр Ломтев

Родился в 1956 году в селе Суворово (бывшее Пуза) Дивеевского района Горьковской области. Вырос и окончил школу в Сарове. Потом работал инструктором собаководства, киномехаником, электромонтёром, мастером по сложной бытовой технике. В 1981-1991 гг. работал в дивеевской районной газете «Ударник» корреспондентом и заведомом писем. В 1991 – выпускающий редактор газеты «Панорама», первой газеты города Сарова. После её закрытия – редактор и владелец газеты «Саров».. Автор книг: «Путешествие с ангелом» (2006) и «Ундервуд» (2008). Член Союза писателей России.

ПУТЕШЕСТВИЕ С АНГЕЛОМ

Неоконченная повесть

Кому суждено быть повешенным - не утонет. Я тонул раз восемь. Первый раз - когда мне было лет шесть. На тёмной воде речки Сатис лежал первый звонкий прозрачный лёд, и ребятня с соседних улиц, перепрыгивая через узкие извилистые промоины вдоль берегов, скользила по этому ненадёжному льду, испытывая восторг вперемешку со страхом. Это называлось «зыбить». За старшими ребятами перебрался на лёд и я. Скользя по зыбкому ледяному стеклу, я чувствовал, как оно прогибается и потрескивает, но страха не испытывал. В промоинах, словно в древних зеркалах, отражалась старая колокольня.

На всю жизнь врезалась в память эта картина: белые берега, чёрные точёные ветви деревьев, голубой лёд с прозрачно-чёрными промоинами заберегов и разноцветные фигурки катающихся по ненадёжному зеркалу. Эту картину я увидел значительно позднее, но сразу узнал её – «Охотники на снегу» Брейгеля. Зима глазами ребёнка – свет, контраст, прозрачность пространства и безмятежность...

А потом я заметил красивую льдинку у самого обреза льда, потянулся за ней и оказался в чёрной ледяной воде...

На берег меня выволок подросток из соседнего дома, а выволочку мне устроил отец. Но, засыпая, растёртый самогонкой и напоённый чаем с малиной, вдруг радостно вспомнил, что пока не подошла помощь, я сам держался на воде, барахтая руками и ногами.

Потом, летом, я, точно так же барахтая конечностями, сам научился плавать. А ведь мне положено было бы бояться воды...

ПОЧЕМУ?

Полустёртое подростковое воспоминание. Мы с другом Юркой Рыжовым едем на мопедах по горячему летнему асфальту, вокруг цветастые луга, деревня весело дымит субботними баньками.

Натужно ревя двигателем, нас обгоняет старенький бензовоз. В кабине трое – двое мужчин и молодая женщина. Женщина в цветастом платье смотрит на нас с иронической улыбкой и мы, как по команде, поддаём газу, стараясь не отстать от машины. Какое-то время мы идём вровень, переглядываясь с весёлой женщиной. Дорога идёт круто в гору, и бензовоз еле ползёт, так что мы даже чуть вырываемся вперёд. У самой вершины холма мой мопед вдруг зачихал, и мы тут же отстали. Бензовоз пропал за горой.

И вдруг прямо перед нами звучит оглушительный взрыв! Над горой поднимается клуб чёрного дыма. Наддав газу, мы выезжаем наверх и видим перевернувшийся горящий бензовоз и мёртвых людей рядом. Медленно, словно во сне, мы подошли поближе. На обгоревшей траве лежала женщина. Платье сгорело, сгорели волосы и на голом коричневом черепе отсвечивало бликом солнце.

Юрка вдруг бросился к ближайшим кустам – его буквально вывернуло наизнанку. А я стоял над трупами в чёрной траве, словно оглушенный, и одна мысль не давала мне покоя: как это

– только что молодая весёлая женщина улыбалась мне в окно, радовалась жизни, и вдруг раз! – и всё для неё остановилось, всё теперь под знаком «было», и она теперь только «была» и никогда не «будет». И что было бы, если бы мы не отстали от бензовоза, если бы не забарахлил мой мопед?..

- Вот как это так, – говорил вечером на сеновале, где мы заночевали, Юрка. – Вот живёт человек, живет - и что? Ну, хоть что-нибудь остаётся?

Теперь он точно знает ответ. Он погиб в автокатастрофе где-то под Москвой. Но мне не расскажет, весточки не подаст. А может быть, и подаёт какие-то знаки, да я не вижу, не понимаю?

Утро. Свежая после ночного дождика тополиная листва. Двухэтажные домики с наличниками рядом с хрущёвскими пятиэтажками - Арзамас. Хорошо, когда тебе чуть за двадцать, когда лето, когда ворох надежд и ни одной потери за плечами. Даже бредущий к ближайшей пивной алкоголик в майке и спортивном трико с пузырями на коленях не раздражает глаза.

Ты бежишь, запыхавшись, к автобусной остановке и чувствуешь, что успеваешь на автобус, на который надо успеть, чтобы не опоздать на первую «пару» в родной «пед» имени Гайдара. Тётка, ведущая старославянский, почему-то жутко тебя невзлюбила и опоздать никак нельзя.

И вот, когда на всех парах ты подлетаешь к автобусной двери и готов привычно ввинтиться в пассажирскую кашу, что-то холодно касается сердца и заставляет резко остановиться. Гражданка, бежавшая следом, толкнув плечом, ворвалась в салон, дверь со скрипом захлопнулась и автобус, газанув, медленно тронулся.

А ты поплёлся в институт пешком.

...На перекрёстке, в квартале от института, автобус лежал на боку. Уткнувшись в него мёртвым быком, стоял «КамАЗ». В брюхе автобуса что-то покрякивало и взбулькивало, пахло горячим маслом, бензином и палёной резиной. Уже выла где-то приближающаяся «скорая», уже разворачивалась поперёк улицы гаишная машина. Сидел, прислонившись к жёлтой крыше автобуса, оглушённый водитель, прохожие помогали окровавленным пассажирам выбираться в разбитые окна наружу. Тётку, обогнавшую тебя на остановке, вытащили без сознания - рука неестественно вывернута, лицо в крови. Плач, стон, крики, тёмные пятна на асфальте...

В институте ты ничего не видел и ничего не слышал. Всё думал: почему я не сел в автобус? Почему?

Потом, десять лет спустя, когда на порогах грузинской речки Алазани что-то заставит тебя направить свой плот к берегу, ты, стоя у трёхметрового кипящего водопада, задашь тот же вопрос: почему?

И ещё позже, двадцать лет спустя, тот же вопрос будешь задавать себе, рассматривая обломки упавшего вертолёта. Вертолёта, на который ты опоздал. Почему?

Но, возможно, что главный вопрос ты задашь себе за секунду до смертного часа, когда уже абсолютно точно будешь знать, что твой земной путь закончен, что душа твоя вот-вот покинет то место, в котором обитала всю твою жизнь. Когда поймёшь вдруг, что ничто не важно и важно абсолютно всё, что всё, что ты делал и ценил, оценивать теперь не тебе, что всё, что у тебя было – было дано тебе на время, займы, и теперь сроки займа истекли... И какой вопрос белой молнией свёркнет тогда в твоём гаснущем сознании? Может быть, «почему?!»

Наташка. Что осталось в памяти? Кудрявые волосы, белые зубы на фоне тёмного от загара лица. Крепкие, стройные ноги, от взгляда на которые сладко ныло в груди и тяжелело в животе. И всё?

Крыша огромного сарая (такие сараи ещё были тогда в городе, и на чердаках некоторых из них даже доживали ещё свой век голубятни с турманами, «павлинами» и обычными сизарями), лето, запах тополиной смолы и твёрдое ощущение бесконечности жизни. Из слухового окна тянуло сырым тленом. Сарай предназначался к сносу, и уже сорваны с ветхих дверей замки, вывезены заплесневелые банки с вареньем, накрытые промасленной бумагой, замотанной суровыми нитками (подумать только: был мир, в котором ещё не существовали полиэтиленовые крышки!), кадки с прокисшей капустой опростаны в трёхлитровые «баллоны», перепрятано по иным кладовым всё ценное, с точки зрения скупого и скучного взрослого мира. Но осталось ещё очень много гораздо более ценного в глазах двенадцатилетних мальчишки и девочки.

Наташка ловко пробиралась среди балок чердака, переступала через коробки, забытые тюки, пружины издохшего матраса и, время от времени оборачиваясь, блестела в сумрак белыми зубами.

Косые лучи света, падающие на бесценную рухлядь из прорех в крыше, делали чердак похожим на трюм забытого парусника или подвал старинного замка.

- Смотри! (Стеклянный шар, в котором, словно в неведомом мире, в чужом измерении плавал уменьшенный и перевёрнутый наш. И два подростка глядели в этот мир и видели себя маленьких и перевёрнутых).

- Смотри! (Коробка, набитая фантиками. Целая коллекция шуришащих одёжек «Мишек на севере», «Красных маков» и «Раковых шеек»).

А это наши закуток. Вот знакомые велосипедные эмблемы, приколоченные отцом к стене, вот забытый гранитный валун - гнеток к капустной кадке, вот...

Вот в старой тяжёлой раме под мутным стеклом фотография бабушки с дедушкой. Дедушка совсем чужой, незнакомый усатый мужчина. То ли он сгинул где-то на фронтах Первой мировой, о которой в голове смутные образы, перепутавшиеся сразу и с Наполеоном, и с Александром Невским, и с Чапаем. То ли замёрз, возвращаясь в родную деревню с заработков и не дойдя до крыльца ста метров.

Бабушка... Бабушка лежит в моей комнате уже несколько лет. В доме пахнет лекарствами и ещё чем-то особенным, для чего нет слов и о чём не рассказать.

Иногда она достаёт из-под подушки конфетку, подзывает меня и тайком даёт, жарко шепча на ухо: ты мой любимый. Я любимый! И нет такой просьбы, в которой можно было бы отказать. Сбежать в аптеку, поправить подушку, рассказать, о чём полушёпотом говорили давеча мама с папой на кухне... А потом - приоткрытая дверь, младший брат у бабушкиной постели, конфетка из-под подушки и тот же шёпот: ты мой любимый! Словно отобрали что-то очень важное и дорогое! Вот и пусть валяется эта фотография с бабушкой тут, пусть до конца света смотрит усатый дедушка на кованный рассохшийся сундук с нафталиновым тряпьем и мышинными гнёздами.

Бабушка лежит на своей кровати и упорно смотрит в сумеречный угол комнаты, за шкафом. Она видит там то, что не видят все остальные.

- Мама, что ты?

- Вон она стоит, за мной пришла.

- Кто?

- Смерть.

Страшное нечто - Смерть - приходит к бабушке всё чаще. А убежать, скрыться бабушка не может - ноги её не ходят уже много лет. Как это: ноги - не ходят!?

Наташкины ноги стройны, загорелы, и только светлые чёрточки заживших царапин виднеются на крепких икрах. Глаза Наташки сверкнули падучей звездой. Она кинулась к валявшемуся в куче хлама голубому глобусу и полетела вниз. Я бросился за ней, почувствовал, что пол чердака уходит из-под ног, успел царапнуть рыжий бок Африки, больно ударился о какой-то угол и пришёл в себя уже в погребке. Ниже лететь было некуда.

Наташка передёрнула голыми плечами:

- Как в могиле! - загорелая кожа её подёрнулась гусяными пупырышками.

Мы смотрели вверх, в четырёхугольный лаз, и надеялись, что деревянная лестница из погреба ещё не совсем сгнила. Но лестница, почувствовав, что сарай брошен и она уже больше никому не нужна, тихо истлела. Пришлось мне подсаживать Наташку (тише ты, сандалей по уху!), а потом она вытягивала меня с помощью остатка хоккейной клюшки. Ссадин на коленях прибавилось, но жить было весело...

Ах, как тепло на белом свете! Это же так ясно любому выбравшемуся из сырого погреба. Как мягко светит солнце, склонившееся над самой крышей (а вот только что было утро!), как знакомы запахи дома.

А у дома люди, среди которых почему-то много совсем чужих. И мама в чёрном платке.

- Мам, а что?

- Бабушка умерла...

ГОЛОС

Старая монастырская стена. Тёмно-красный кирпич с аккуратными, вылизанными временем серыми прослойками цемента (в который, согласно преданиям, добавляли яичный желток для особой крепости; это сколько ж нужно было яиц!), железные скобы, источенные

дождями, ветрами и солнцем, труха под коленками и затхлый воздух - так, должно быть, пахнет само время. Запах времени, запах веков, запах сухого мха на месте старых дождевых протёков, запах чистой пыли.

Мне десять лет. Я ползу по какому-то каменному проходу в толще монастырской стены, светя себе маленьким квадратным фонариком, и размышляю: когда же здесь последний раз ступала нога человека? Точнее, живот. Когда этих камней последний раз касался живот ползущего человека? Мне и в голову не приходило, что взрослый человек в эту каменную трубу просто не пролезет. Я верил, что ход ведёт меня или к кладу, или к забытым манускриптам, или, на худой конец, к прикованному к стене скелету в монашеском истлевшем одеянии.

За мной, сопя и тихо переругиваясь, ползут мои приятели, мои дворовые братья. Пацаны, с которыми я облазил всё, что можно облазить, мастерил «поджиги» - самодельные пистолеты, которые на десятый выстрел взрываются в руке, разворачивая ствол цветочными лепестками, ловил туманными утрами окушков в заводах Сатиса и через понедельник начинал новую жизнь с обязательной зарядкой, обливанием холодной водой и с секцией то бокса, то борьбы, то авиамоделизма...

В поисках тайного штаба для нашей тайной организации мы не могли не добраться до монастырских построек и мы до них добрались.

С «лицевой» стороны монастырь выглядел вполне по-светски: театр (там, где раньше стояла рака с мощами святого Серафима Саровского), хозяйственный магазин (храм Всех святых), телевышка (колокольня) и тому подобные госучреждения. Но «с изнанки» монастырь ещё хранил свою отрешённость от меняющейся жизни, берёг свою пыльную рухлядь - тайны, легенды и загадки. Какие-то заколоченные окна, тёмные железные, намертво запертые двери, чёрные провалы и пробоины в толстенных стенах, забранные массивными решётками отверстия. Вот одну такую решётку, прочную на вид, но хлипкую на деле, нам и удалось выдрать. И открыть путь в брюхо монастыря - к забытым манускриптам, к скелету, прикованному к стене, к сокровищам саровских монахов...

Застрял я на пятом повороте. Ползи я помедленнее, наверное, заметил бы, что ход постепенно сужается, и не сунулся бы за этот, пятый, угол. Но меня гнало вперёд предчувствие чего-то необычного, волшебного, что вот-вот, не за этим поворотом, так за следующим, должно встретиться, высветиться в неярком кружке света.

Я вдруг почувствовал, что монастырь сжал меня в своих объятиях. Не то чтобы враждебно, но и не ласково. Словно кошка, играющая с живой ещё мышкой. Выступающий из стены кирпич упёрся мне в ребро. Я ясно понял, что мне не только не добраться до сокровищ, но и не выбраться из этой каменной западни вообще!

От ужаса я вдруг как бы выпал из действительности, перестав воспринимать время, голоса друзей, понукавших меня к движению, свет фонарика, мне даже показалось, что я перестал дышать. Я уже предчувствовал, каким диким голосом сейчас заору, как буду биться и дёргаться, пытаюсь вырваться из душащей меня каменной трубы, сдирая кожу на локтях и коленках, мотая головой с выпученными глазами и распяленным в крике ртом. Случись это - я точно не выбрался бы живым из каменной ловушки.

Но за секунду до этого, на мгновенье раньше подкатывающей волны смертельной паники я вдруг ясно и чётко услышал голос. Был ли это голос ангела, или голос второго Я моего подсознания - не знаю, да тогда я об этом и не думал, конечно. Я уже не помню, что сказал мне этот голос, но был он спокоен, добр и чувствовалась в нём какая-то сильнейшая убеждённость. Я снова начал видеть и слышать, и совершенно спокойным голосом сказал вдруг затихшим сзади друзьям:

- Я застрял.

- И чё делать?

- Не знаю... Полежу немного. Попробуйте потянуть меня за ноги.

Ничего не получалось. Я извивался как червь под лопатой, я выкручивался как уж, я пытался согнуть коленки в обратную сторону, перевернуться на спину, хотя бы на бок. Напрасно! Я сидел как пробка в старинной, заплесневелой бутылке. Ничего не получалось!

Но ужаса не было, волна паники ушла и не возвращалась. Какое-то время я просто лежал, спокойно дышал поднявшейся от возни пылью и разглядывал песок, тонким слоем покрывавший камни хода. Я увидел, что свет фонарика начал тускнеть - садилась батарейки. И вдруг со всей ясностью представил себе, как лежу тут один и я - это уже не я, а белый, обглоданный крысами и

временем скелет, и между гладким черепом и кирпичами стены поблёскивает паутина. Я неожиданно сильно вспотел. Это, может быть, и спасло меня. Тихо-тихо, сантиметр за сантиметром, изгибаясь так, как изогнуться в принципе вроде бы и невозможно, я протискивал своё тело назад. Я вдруг почувствовал такую радость, что у меня застучало в висках, и я хотел рвануться вон из этой дыры во всю силу. И тут снова услышал где-то внутри черепа голос: «Спокойно!»

Когда я выбрался на божий свет, чумазые, все в красной кирпичной пыли дружки, конечно же, спросили:

- Ну, как?

И я, конечно же, ответил:

- А, ерунда! - Но руки старался спрятать. Они дрожали.

А про голос я сразу же забыл, словно ничего и не слышал, ведь это были времена, когда Бога не было, а значит, не могло быть и ангелов...

Все мы в этом мире паломники - во времени и в пространстве. Одному судьба дарит длинное-длинное путешествие во времени, другому времени отпущено немного, зато перемещений в пространстве - на троих. А кто-то и времён перевидал достаточно, и по пространству поперемещался вволю. Мой дед, например, прожил без малого девяносто лет, а в пространстве пропутешествовал из российской глубинки до Западной Европы. Где в гимнастёрке с винтовкой, где в пёстрой колонне военнопленных...

Сначала ты не замечаешь течения времени. Но вдруг останавливаешься и с удивлением осознаешь: тебе уже есть что вспомнить! Путешествие во времени перенесло тебя из века в век, через три политических строя, через правление пяти генеральных секретарей и трёх президентов, по пути следования ты застал первый полёт человека в космос и первый телевизор, комету Галлея и землетрясение в Крыму, антиельцинский путч и появление в быту шариковых ручек и полиэтиленовых пакетов... А скитания в пространстве позволили увидеть тебе Аландские острова в Северных морях и «остров Свободы» в южных, приливы и отливы Белого моря и бескрайние плоскости Средней Азии, исток былинной Волги и разноцветные скалы не менее былинного Урала...

Все эти перемещения во времени и пространстве, как и положено в любом мало-мальски серьёзном путешествии, были сопряжены с приключениями, встречами и опасностью для жизни. Жить, как известно, вообще вредно - умереть можно. И ты вдруг остро осознаешь, что и твоё путешествие могло - очень даже могло! - прерваться. И не раз. Но что-то не дало переступить тебе крайней черты. Ты не утонул и никого не убил, не погиб в автокатастрофе и не ограбил банк, не свалился со скалы и никого не предал.

Ну, бывало, врал, но не в главном, попадал в передраги, но отделывался лёгкой кровью, терял друзей и близких, но что-то давало тебе силы для житейского оптимизма и даже юмористического отношения к судьбе...

И к сорока годам ты вдруг почувствовал тоненькую ниточку, протянувшуюся от души куда-то в Непознаваемое. И вдруг с тайным волнением понял, куда ведёт эта ниточка, когда старенькая бабушка сказала после очередной передраги из которой ты вышел с двумя царапинами (одной на теле, другой на душе): «Ангел тебя хранит!..»

И не сказать, что ты с тех пор всегда помнил об этой ниточке. Но время от времени лёгкое поддёргивание её ощущал и останавливался. Останавливался как раз в тот момент, когда собирался без надобности соврать или выйти из подъезда как раз под падающую сосульку...

Путешествовать с ангелом за плечами не легче - хоть во времени, хоть в пространстве. Потому что не можешь иногда что-то сделать, а иногда не можешь что-то не сделать. Потому что ангел хранит тебя, но и ты должен хранить своего ангела...

ПАЛОМНИЦА

Автобус притормозил на повороте; она, покряхтывая от стреляющей боли в ногах, сошла на ледяную обочину и осмотрелась. Увидела указатель с надписью «Источник» и побрела туда, куда указывала стрелка.

Дорога оказалась ровной, укатанной, идти было довольно легко, и если бы не боль в отёкших ногах, ходьба эта доставила бы ей удовольствие. Остался позади посёлок, по бокам

потянулся лесок, а мысли в голове приняли привычное направление. Ей немного за сорок, но любой встретивший её на этой дороге сказал бы о ней «старуха». И что самое невыносимое, старухой она чувствовала себя и в душе. Глупым рефреном звучала в мозгу строчка: «Я чужая на этом празднике жизни»... И когда мимо, взвывая снежную пыль, пронеслась, поблёскивая тёмными стеклами, машина, душа её наполнилась привычной злобой: вот они, короли жизни, - удачливые, жирненькие, наглые человечки! Сволочи! Никогда не остановятся, не подвезут, не помогут. Умирать будешь на дороге - не заметят...

Она почувствовала, как забилося сердце, кровь прилила к голове. Пришлось остановиться и перевести дух. Эти приступы тёмной злобы на людей, на жизнь, на постоянную несправедливость всё чаще накатывали на неё, и она понимала, что это плохо, но сил бороться не было. Да и была в этом какая-то непонятная сладость, утешение, оправдание... Даже когда, поддавшись уговорам подруги, отправилась она к Серафиму, впервые за десять лет оставив Москву, злоба иногда подкатывала к сердцу. Куда ты попёрлась! Ладно бы истинно верующая была, ладно бы самой захотелось. С больными ногами по поездам да автостанциям. На сухомытке... Да ладно уж, заставишь тебя, если сама не захочешь... А стукнуло сердечко-то, когда к Серафимовым мощам приложилась. Стукнуло...

Дорога обогнула ещё один посёлок, от которого через редколесье тянуло печным дымком и навозцем, вывела из перелеска, и впереди показалось открытое пространство, а дальше берег реки и тёмная полоса леса над ним. Идти осталось всего ничего.

Она остановилась и долго смотрела на открытое пространство. Десять лет назад она захотела бы, вздумай кто-нибудь в её родном проклятом НИИ предсказать ей, что она вот так, согбенной паломницей, пойдёт к мощам какого-то святого, а потом ещё и к источнику - купаться зимой! Ах, жизнь! Что ты делаешь...

У берега реки дорога заканчивалась большой расчищенной автостоянкой. От нее змеилась тропинка. К деревянной сказочной избушке, к большой, в деревянном окладе, иконе Серафима, к игрушечной часовенке, к роднику в бревенчатом колодце и купальням. Чёрная вода масляно поблёскивала в белых снежных берегах, и жутковато было думать, что сейчас придётся в неё окунуться...

У тропинки стояло двое коренастых, круглолицых парней. В тёплых полушубках, в солдатских высоких ботинках, румяные, с реденькими русыми бородками и хитроватыми глазками. Они улыбались, притоптывали на морозце и, как только она подошла, затаили:

- Под-а-ай Христа ради...

Чёрная волна нахлынула на сердце, и она заскрипела зубами, проходя мимо и сдерживаясь, чтобы злоба не выплеснулась в ругательства. Лбы здоровые! Да на вас пахать можно, а вы у больной старухи милостыню выпрашиваете, сволочи! Вон рожи-то сытые как на морозе разрумянились блинами, шакалы!

Она, зажмурив глаза, миновала нищих, но что-то заставило её обернуться, и она едва не задохнулась от возмущения: парни достали из сумки большие румяные пироги с мясом и начали их аппетитно уплетать. Запах мяса и лука - вот что заставило её оглянуться. Парни, поймав её горящий взгляд, смутились, спрятали пироги за спину и отвернулись...

Оставшись в одной ночной рубашке и поджимая пальцы на враз озябших ногах, она вспоминала, что нужно сделать и как, и всё никак не решалась коснуться этой чёрной страшной воды.

В ту секунду, как вода сомкнулась над её головой, белая молния ударила где-то между веками и глазным яблоком. Дыхание остановилось и остановилось сердце, и она поняла, что значит «обожгло холодом». И ничего не осталось в этой изношенной, тяжёлой оболочке под названием тело. Да и в голове ничего не осталось, кроме возгласа «ох!» И второй раз, и третий, и мокрые, уже горячие ступеньки из купальни, и ледяная вода из ковшика через онемевшие зубы. И горячая дрожь сквозь махровое полотенце, и вдруг - зыбкое тепло волнами. И постепенно приходящее на своё место сознание, словно после обморока...

...Не торопясь, шла она по тропинке к дороге, ничего не понимая и ничего не чувствуя. Давешние нищие, увидев её, сдержано посторонились, переставая жевать и пряча свои пироги.

И вдруг она поймала себя на мысли, что картинка эта не вызвала у неё, как давеча, того удушающего раздражения, какое вызвала бы где-нибудь в мешанине московского столпотворения. И даже подумалось как-то так, как раньше ей, городской учёной даме, и не думалось. То ли «вот охальники!», то ли «ах вы, барбось»...

Парни, словно почувствовав её настроение, уже не таясь, откровенно уплетали свои пироги, роняя на жидкие бородёнки белые крошки, посмеиваясь, толкаясь и притоптывая расхристанными башмаками. А она обернулась, перекрестилась ещё раз на часовенку, на крутой берег и тёмную воду, на икону Серафима и легко зашагала по гладкой похрустывающей дороге. Солнце клонилось за острые верхушки елей, тренькала где-то последняя синица, из недалёкой деревеньки доносился крик петуха и потягиванье собаки. Она на ходу закрывала глаза, и казалось, что тела нет и нет боли, и нет груза прожитых лет, а есть одна только душа, лёгкая и омытая, которая светлым облачком плывёт себе над этим русским снегом, среди этой зимней красоты в звенящем морозном воздухе – и ничегошеньки ей не надо.

Моё путешествие началось в глухой российской глубинке, в селе с названием Пуза. Была зима, народ в селе готовился к Новому году, потом предстояло перегулять Рождество, потом осилить Старый Новый год и Крещение. Времена стояли холодные и очень снежные. Поэтому на свет я появился на большой русской печке, которую по этому случаю хорошенько протопили, отмыли и застелили чем-то крахмально чистым. Когда раздался мой первый крик и путешествие во времени для меня началось, дед сказал:

- На печке родился, всю жизнь печалиться будет.

На что бабушка возразила:

- Горячим будет!

В какой-то степени правы оказались оба...

Когда народ отгулял всё положенное, когда прочистили дороги и отошёл мороз, меня повезли в моё первое путешествие в пространстве - в соседнее село, в ЗАГС – для регистрации факта рождения. И тут выяснилось, что время рождения все запомнили по-разному. Дед утверждал, что я родился до Нового года, бабка - что после, тётка клялась, что двадцать пятого декабря. В итоге поступили просто - вычислили среднее арифметическое и получилось двадцать девятое декабря.

А через три месяца моё путешествие во времени чуть было не прервалось. Я заболел полиомиелитом, меня парализовало и единственным моим утешением в дальнейшем было лишь то, что этой болезнью переболел и президент США Рузвельт, которому это не помешало стать великим человеком, а, стало быть, не должно помешать в жизни и мне.

Почему именно я выжил тогда, когда каждый второй умирал? Может быть, ангел помог мне потому, что надеялся, что я сделаю в будущем несколько добрых поступков и они перевесят те несправедливые дела, которые я, как каждый грешник на этой земле, позволю себе. А может, вовсе и не меня сберёг ангел, а кого-то из моих потомков, которые понадобятся миру неизвестно где и непонятно когда...

Лечить меня повезли в соседний город - Саров. И мне кажется (хотя этого не может быть), что я помню это путешествие. Ранняя весна, в берёзовых перелесках заливаются неведомые птицы, пахнет свежей смолой и половодьем. Под скрипучими колёсами телеги проплывает жёлтая песчаная колея, а из-за спины возникшего виднеется тугой, в лёгкой испарине, рыжий круп и длинный нечёсанный хвост коняги.

Мы ехали в город Саров, которого не было. Был город Арзамас-75. Секретный город за колючей проволокой, в котором «страна ковала свой ядерный щит». Или меч? Одним словом, переместившись на десяток верст с севера на юг, я из допотопного «коровьего колхоза» попал в ядерный центр, в гнездилище российской науки, где лучшие мозги страны из ничего ткали нечто... О том, что саровский монастырь знаменит был жизнью святого Серафима Саровского, в те времена не вспоминалось. И лишь дед однажды, почти украдкой, показал мне литографию со стариком, кормящим в глухом лесу огромного медведя, и сказал:

- В Сарове батюшка Серафим чудеса творил...

Но в те годы я был правоверным пионером и ничего не понял, пахнуло только в душу чем-то допотопным и древним...

БАБУШКИ ГУСЕВЫ

Странно быть человеком полудеревенским-полугородским. Родился в деревне, жил в городе, все школьные каникулы - тоже деревня, но всё же для деревенских ты - городской. А в городской жизни так теплы деревенские воспоминания...

Ах, как сладко просыпаться от прикосновения тёплого солнечного луча, косо пробивающегося из-за голубой занавески сквозь разросшуюся на подоконнике герань. Пахнет дымом дедушкиной махорки, бабушка позвякивает чем-то у шестка, в ногах на одеяле потягивается и зеваёт во всю красную пасть серый полосатый котёнок, взмывает стадо на слободе. Сон уже ушёл, но так хорошо понежиться ещё на пахучем соломенном тюфяке, расстеленном прямо на полу. Братья и сестры ещё спят, уткнувшись в фуфайки, положенные «в голову» вместо подушек (где же бабушке набрать столько подушек на ораву внучат!), тикают ходики, и жужжит где-то первая утренняя муха. Но вот поднимается возня, раздаётся хихиканье и первый голос:

- Баушк, молочка парного нету?

- Как же нету? Есть! Вставайте...

И вот она - поллитровая кружища тёплого, только что от коровки, густого молока. А там - крыльцо, уже нагретое солнцем, а там улица с тёплой мягкой пылью под босыми ногами (и цыпки на ступнях), и лес, и пруд, и чужие сады с недозрелыми яблоками (почему-то в чужих садах яблоки слаще и поспевают быстрее). А захотелось есть, бежишь в избу, отрезаешь ломоть от чёрного, бабушкиной выпечки, каравая, потом на огород, за желтоватым огурцом (мыть не надо, достаточно обтереть о штаны), и сидишь, похрустывая огурцом и наблюдая полёт ласточек, слушая чивканье воробьев-пудиков за наличниками, или болтаешь с двоюродными братьями про фонарик, который есть «у одного знакомого» и который «берёт до Москвы»...

Бабушки Гусевы жили на выселках, у пруда. Зимой старшие сестры брали меня с собой «к бабушкам Гусевым на сказки». «Сказки» были про Иисуса, про Боженьку (долгое время я думал, что Боженька - она), про Рай и Ад. Горела керосиновая лампа, мерцали в углу иконные лики, потрескивали поленья в печи-голландке, десяток ребятишек лакомились нехитрым гостинцем - калёными орешками и семечками, сушёными яблоками, каким-нибудь печивом, - а бабушки сплетали и сплетали в замысловатое кружево старинные непонятные слова. Я слушал, жевал вкусняющие орехи, ничего не понимал, но слушал и слушал...

Бабушки Гусевы не ходили на выборы. Ранним утром в этот день они собирали узелки с провизией и уходили в лес, поскольку очень боялись участкового милиционера, который как-то напугал их тем, что силой погонит на избирательный участок.

В лесу они шли на святое место (одни говорили, что там расстреляли монашек Дивеевского монастыря, другие, что дезертиров) и весь день усердно молились.

Старшая бабушка была знахаркой. К зиме все сени и чердак их избы увешаны были травяными вениками и связками корней. Тёмными вечерами на печке старшие братья пугали младших, рассказывая, что бабки колдуют. Младшая бабушка была на подхвате.

Однажды старшая бабушка уехала по делам в райцентр, а в это время к ним пришёл за помощью тракторист: болит живот, нету мочи, а таблетки фельдшерицы не помогают! Младшая бабушка, нисколько не задумавшись, решила ему поставить банки. Уложила на лавку и, не найдя медицинских баночек, решила, что сойдут и обычные - литровые. Сначала мужик ещё терпел, но когда фиолетовые пузыри на его животе вздулись с кулак, он заорал благим матом и заметался по горнице, сшибая банки об углы. А потом бежал по слободе, мелькая пестрым, как у леопарда, животом.

Скандал замяла старшая бабушка. Она смазала трактористу пострадавшие места каким-то снадобьем, а от болей в животе дала настойку. Через день тракторист уже сам смеялся над своим злостью. Младшая бабушка уж больше не бралась за лечение...

Про бабушек Гусевых рассказывали замечательную легенду.

Посчитав, что жить ей осталось недолго, старшая бабушка заказала себе гроб. Деревенский плотник выполнил заказ и привёз изделие в избу. Гроб по оценке бабушек и приглашённых по этому случаю подружек был хорош - «как огурчик».

Плотник, удовлетворённый деньгами и стаканом самогонки на травах ушёл домой, а гроб старушечьим собранием было решено опробовать. Старшую бабушку обрядили, как полагается в таких скорбных случаях, и она забралась в домовину...

А надо сказать, что раз в полгода в село из Сарова приезжал фотограф-калымщик. Фотографировал желающих, а потом привозил фотографии. Одна из старушек и предложила: а вот бы позвать фотографа, да и сфотографировать будущую покойницу - вот она сама и увидит, как хорошо она будет выглядеть на похоронах! Все согласились, и пока старшую бабушку прихорашивали в гробу, младшая сбегала за фотографом.

Как только фотограф вошёл, старшая бабушка замерла. Фотограф привычно пощёлкал аппаратом, спросил, сколько нужно снимков, и объявил:

- Привезу через неделю. Давайте червонец!

И тут старшая бабушка открыла глаза и строго спросила:

- Эт что ж так дорого? В прошлом годе пять платили!

Фотограф упал в обморок, и только полведра колодезной воды привели его в чувство. Он молча схватил фотоаппарат, выбежал из дома и, говорят, в Пузе больше не показывался...

Было ли это на самом деле или нет - не знаю. Но одна история с участием старшей бабушки произошла со мной лично, и, стало быть, была точно.

Я объелся малины и одновременно перегрелся на солнце (целый день читал книгу в малиннике у дяди). Поднялась температура, открылась рвота, страшно заболела голова. Фельдшерница, как назло, уехала. Дед кинулся было искать машину, чтобы везти меня в райцентр, но бабка предложила сначала сводить меня к бабушке Гусевой. Я уж был сознательным подростком, правоверным пионером и в здоровом виде ни за что бы не пошёл. А тут сил сопротивляться не было, я был приведён к знахарке и усажен на стул.

Горела лампада, поплёскивали окладами иконы, бабушка Гусева плескала мне в лицо водой из желтоватого стакана и что-то шептала, шептала, шептала...

Я вымученно, но всё же стараясь быть ироничным, снисходительно ухмылялся и размышлял о том, как у нас в деревне всё-таки ещё тёмен народ!

- Ну, ладно, идите! - вдруг сказала бабушка Гусева и чуть не вытолкала нас с бабушкой на крыльцо. В суматохе она сунула мне в ладони горсть орехов и сказала:

- Что ж ты к нам совсем перестал ходить?

Пока я мялся, придумывая вежливую ложь, улыбнулась:

- Большой стал, стесняешься...

Мы сошли с крыльца, и я остолбенел: боли не было! Абсолютно! Только лёгкая усталость. Дома померили температуру - нормально!

Ночью я лежал без сна и пытался вспомнить, что же она там шептала, бабушка Гусева, какие там разволшебные слова?..

Уже значительно позже, когда я работал в сельской районной газете, совсем старенькая бабушка Гусева сказала мне:

- Ты мальчик добрый, скажу тебе тот заговор, помнишь?..

Слова заговора «от болей в голове, в зубах и животе» я натвердо помню и сейчас...

Дом был одноэтажный, невысокий, но какой-то объёмный, кубастый. Перед домом развесил ветви старый, корявый грецкий орех. Под орехом уютно примостился круглый стол с красивой мраморной столешницей, в центре которой в мраморном углублении цвели незабудки. Вокруг стола – столетние скамейки. Было Первое мая. Мы маршировали в потешной демонстрации перед трибуной – большим крыльцом-верандой, выкрикивали дурацкие лозунги и радовались жизни.

- Да здравствует Первое мая – самое первое мая в мире! – кричал с «трибуны» командир.

- Ура-а-а! – подхватывали мы нестройно, но громко.

- Ура-а-а, - вежливо, вполголоса, тянули из-под ореха хозяева дома - грузины.

- Гав-гав-гав! – неодобрительно тьякала из-под крыльца собака.

- Да здравствует дружба русского и грузинского народов! – хитро поглядывая на хозяев, выкрикнул командир. – Ура!

- Ура-а-а! – дружно подхватили из-под ореха седые, но крепкие и широкоплечие виноградары.

- Ура-а-а! – до хрипа в горле орали мы.

- Гав-гав-гав! – включалась под крыльцом собака.

Где-то вверху гроыхнуло, с гор полыхнуло ледяным ветром. Мгновенно потемнело, и на дом, на орех, на красивый стол под орехом полоснуло ливнем. Рыча и гикая, мы ринулись в дом, и хозяева-грузины, смеясь как дети, затопали по крыльцу вслед за нами. В доме нас уже ждал накрытый невидимыми женщинами праздничный стол. И какой стол! Какая-то неведомая скатерть-самобранка развернула на потемневших от времени досках все свои яства: мясо, дразнящее аппетитной поджаристой корочкой, овощи, зелень, пахнущая утренней росой, лугом и

какими-то неведомыми джунглями, сочные фрукты (откуда в мае?!). В изящных жёлто-коричневых кувшинах взбулькивало при малейшем прикосновении знаменитое кахетинское вино...

Дождевые струи звенели оконными стёклами, гремел гром, шумела где-то рядом непоседливая Алазани, и уже не верилось, что всего полдня назад мы неслись по этой реке сквозь пороги и коряги, и командир орал, срывая голос: «Табань!» Порог исхлестал нас водой, унёс весло и продырявил днище, залил одежду и палатки. Но ночевать на берегу этой ночью нам не придётся: к берегу подошли молчаливые люди с прибрежного виноградника и, молча взяв наши вещи, привели нас к этому дому.

Вино разогрело кровь, развеселило.

- Хочу лобио! – сказала Ирина.

Хозяйка недоумённо переглянулись. Она хочет лобио?! Огромный Гиви, смущённо моргая редкими ресницами, принёс из кладовой фасоль в полиэтиленовом мешочке.

- Приготовить?

Ирина залиvisto рассмеялась:

- А я думала, что лобио – это такие длинные булки!

- Не-е-ет! Это лаваши. Хлеб! – восторженно завопил Гиви. Он смеялся и не мог остановиться. – Ошибка! Лаваши – хлеб! Лобио – фасоль!..

- А тосты? Как же тосты? – крикнул Игорь. Игорь знаток и любитель обстоятельных застолий.

- Нужен... это... главный за столом, - поднявшись сказал высокий, худой и очень жилистый старик по имени Гогия.

- Тамада! – Догадался Игорь. Игорь – знаток застольных обычаев всех народов во все времена.

- Правильно, тамада! – рявкнул Гиви.

- Гав-гав-гав! – отозвалась из-под крыльца собака.

- Гра-ах! – трахнуло молнией за окном.

- Дзин-н-нь! – отозвались на столе кувшины.

Пахло сухой овечьей шерстью, пахло столетним деревом, тянуло из дверей снеговым ветром с горной гряды и фиалками с ближних склонов. И всё это обволакивал запах терпкого красного вина и грустная, «на заказ», песня про мёртвую девочку Сулико.

А потом самый старый грузин за столом – Северьян – высоко поднял руку со стаканом, и все поняли: сейчас будет тост.

- ...И вот президент американской страны, - торжественным глухим голосом говорил Северьян, - и вот президент запретил своим ребятам-спортсменам ехать к нам в Москву на Олимпиаду. Эх, Картер, подумал я, это не поступок мужчины! Любой правитель, любой человек, стоящий у власти, должен быть мудрым! Куда девалась мудрость у правителя американской страны?

Северьян нахмурился и немного помолчал, сосредоточенно глядя в окно. Потом встрепенулся:

- Так вот, хочу выпить за то, чтобы в далёкой американской стране люди посмотрели на своего президента и поняли – не нужен им такой правитель!

Вот как говорил Северьян, а может, еще лучше.

Он сделал бокалом замысловатое движение и поставил его на стол. Мы все поставили стаканы на стол. Игорь судорожно сглотнул слюну. Встал Гогия – второй по возрасту старик – и поднял стакан. Он тоже ругал Картера, отчаянно размахивал руками и хмурил брови. В заключение он ещё более замысловато крутанул стаканом и поставил его на стол. Мы все поставили стаканы на стол. Игорь тоскливо вздохнул. Вино издевательски подмигивало ему розовыми бликами.

Потом говорил огромный Гиви. Он плохо говорил по-русски, и Гогия переводил нам то, что мы плохо поняли.

- Это называется «алаверды» - склонившись ко мне, прошептала мне многозначительно Ирина. – Обычай такой...

Даже Игорь, забыв о вине, произнёс длинную, запутанную речь, которая начиналась так: «Ещё вчера мы ничего друг о друге не знали...» и заканчивалась словами: «за урожай!»

Речь Игоря хозяев потрясла, они подняли стаканы и... произнесли длиннейшие ответные тосты...

Мы ели мясо, пили вино и слушали грустные грузинские песни. Словно живой орган, словно рокот далёкой лавины, словно гул алазанских порогов. А потом Гиви танцевал лезгинку, а Игорёк кричал ему:

- Нет, нет, не так, Гиви! Лезгинку танцуют не так! – кричал Игорь, знаток национальных танцев.

А в углу весело трещала красными углями печка-буржуйка, весело звенела гитара, и все были веселы и счастливы...

Накрапывал уставший дождик, пахло цветами. Мы лежали на душистых соломенных матрасах, укрывшись жёсткими чёрными бурками. За окном, сквозь темень ночи, посверкивали дальние зарницы, высвечивая на мгновение гребни гор. Не спалось, я встал и вышел на крыльцо. Гиви, завернувшись в бурку, сидел на ступеньках. Он печально глядел в темноту, вздыхал и беззвучно шевелил по-детски толстыми губами.

- Завтра вы уходите, - сказал он вдруг и укрыл меня полой своей бурки.

«Может быть, мы не чужие? – помимо воли всплыло в моей голове. – Может быть, в душах этих виноградарей навсегда останется память о нас, останутся кусочки наших душ. Но тогда и кусочки виноградарских душ должны пустить корни в наших сердцах, должны прорасти в нас ростками человеческой любви и братства».

- Это вино! – объяснил я себе внезапное философствование.

Гиви обнимал меня как брата и тихо пел мне грузинские песни, прихлопывая по коленке широкой ладонью. И узловатость пальцев его тёмной руки напоминала мне узловатость виноградной лозы. Гиви тихонько напевал мне по-грузински, а я вторил ему, как мог, по-русски, и в темноту Кахетии улетала странная песня с хитросплетеньем русских и грузинских слов...

Свежим, прохладным утром мы собирали рюкзаки, а старики-виноградари стояли у стола под орехом и молча смотрели. Гогия неторопливо расставлял на круглом столе тарелки. Нужно позавтракать на дорогу.

Я паковал рюкзак, поглядывал на стариков и знал уже, что никогда больше не попаду сюда, не услышу голосов Гиви, Северьяна и Гогии, но и не забуду ни их, ни этого дома с угрюмой собакой под крыльцом, ни печки с красным пламенем внутри, ни запаха фиалок вперемешку с кахетинским красным вином...

Мы молча взялись за весла, скрипнула последний раз галька под сапогом, царапнуло днище о камень. Алазани подхватила плот и, шлёная его по бокам, понесла...

- Смотрите! – крикнула вдруг Ирина.

Из-за поворота выплыл зелёный бок горы, и на фоне ровных строчек виноградника мы увидели знакомые фигуры. Медленно и неуверенно Ирина махнула им рукой. И старики-виноградари замахали нам в ответ. И мы махали им на прощание и кричали:

- Проща-а-айте!

Между нами и берегом тянулась и всё увеличивалась сверкающая солнечная дорожка, и там, где она упиралась в берег, на зелёном склоне стояли старики и всё махали и махали нам вслед. И мы махали до тех пор, пока река не сделала поворот. И только тогда в сердце мягкой щемящей нотой пропела струна расставания...

МИККИ, МИККИ!

Мы жили в маленькой светлой комнатке. Печка, стол, две кровати да табурет. Улочка, на которой стоял хозяйский дом, в одну сторону извилисто скатывалась к узенькой маленькой – собаке по колено – речке Темерник. В другую – вылезала на холм, с которого был виден весь Ростов, а за крышами деревьями скверов и церквями проглядывала полоска полноводного Дона.

Мы жили вдвоём. Волей командировок и секретарей отделов кадров, направивших нас к одной «квартиросдатчице», мы на несколько месяцев оказались соседями, а пожалуй, и друзьями.

Друг приехал с Севера и, глядя на ростовскую зиму, то вздыхал, то ругался. Он всё ждал, что подуют северные ветры, и вместо нудного дождичка, вместо постоянной слякоти повалит, наконец, снег, и ударят морозы. Но зима не приходила.

- Как они здесь живут? – негодовал якут, впервые оказавшийся значительно южнее своего Якутска. – Ни на лыжах побегать, ни на охоту сходить! Слякоть да слякоть... Бр-р-р...

Вечерами мы сидели в комнатке и разговаривали. Об охоте, о преимуществах и недостатках лодки-долблётки, о ружьях, о громадных щуках якутских озёр и загадочном звере

росомахе. Гудела кусками горящего угля печка, слякотно посвистывал ветер за окном, скрипели о стекло голые ветки алычи, и разговор, словно пряжа, вился и вился за самую полночь...

Весна наступила стремительно и неожиданно. Она трогала душу моего приятеля, словно струну гитары, всеми своими проявлениями. Первыми листочками, проклюнувшимися из толстых почек, тонкими стрелками изумрудных травинок, пробившихся сквозь жухлую прошлогоднюю траву, голубым небом и веснушчатými от первого солнечного пригрева девчонками. Он не спал ночами, слушая, как в саду орут до одури соловьи и ошалевшие коты. Вечерами он вытаскивал меня на улицу дышать апрельским ветром. Его неудержимо тянуло домой.

- Гусиная охота, - говорил он, зажмурив глаза, - это... это...

Мы шагали по извилистым улочкам пригородного Ростова. Мы шли мимо больших, старых домов, мимо маленьких домишек, теряющихся за заборами и садами. Друг тащил меня то к оживившемуся Темернику, то к разлившемуся Дону, то в старый заброшенный сквер. Этими бесцельными походами он душил тоску по весне своего края, по весне севера.

Он не горазд был на разговоры – мой друг из Якутии. Но всё было написано на его лице, всё было сказано движениями его рук. Весна – это...

Он трогал первые клейкие тополиные листики, не мигая глядел на садящееся в ломаную линию крыш солнце, оглядывался вслед длинноногим веснушчатым девчонкам в лёгоньких платьицах.

- Микки! Микки!

На краю сквера красивая, стройная девушка в джинсах и пушистом свитере тревожно глядела в крону тополя и звала:

- Микки, Микки! Вернись, глупыш!

- Удрал? – остановившись у тополя, спросил прохожий.

- Удрал! – в голосе девушки послышалась обида.

Прохожий покачал головой и пошёл дальше.

- Девушка, - сказал мой друг, задрав голову и задумчиво глядя на птицу, - девушка, а может, не стоит? Может, лучше пусть летит он к себе в Африку. Весна ведь. Весной всем куда-нибудь хочется.

- Его вороны заклюют, - жалобно ответила девушка. – Он всю жизнь в клетке сидел, на воле пропадёт. Микки, Микки, иди сюда!

Микки сидел на веточке и глядел на нас то левой, то правой бусиной глаза. Он не знал, что такое ворона и почему надо опасаться кошки. Все инстинкты его угасли в клетке, как угасает у городского человека чувство природы. Он чувствовал себя первооткрывателем, Вольной Птицей.

- Нужно согнать его с дерева, - сказала девушка, - тогда он сядет на землю. Летаёт он плохо.

Друг неуклюже полез на дерево. Там, где он живет, деревьев почти нет. Попугай с интересом следил за собственным спасением. Но оказалось, что Микки не так уж и плохо летает. Отчаянно трепеща крылышками, он взлетел на крышу большого пятиэтажного дома и пропал из виду.

- Ну, всё, - тихо вздохнула девушка, - там же кошки... Пропал Микки...

- Спокойно, - бодро сказал друг, - надо туда залезть. А Вы тут побудьте, - обернулся он к девушке.

Со двора мы обнаружили пожарную лестницу. Весь дом был во флигельках, пристроечках, кругом карнизы и карнизки, лестницы и лесенки, балконы и множество разнокалиберных окон.

И мы начали восхождение.

На втором этаже нас с балкона облаяла лохматая собачонка.

Из флигелька на третьем оглушил басами трубач.

На четвёртом на нас накинута с руганью древняя, как смерть, старуха. Кто-то увлёл её в тёмную глубину комнаты, а она, отбиваясь, дребезжала:

- А шо они по нашей лестнице лазють! По крыше, небось, шастать будут, потекёт!

- Наверх? – спросил нас из окна на пятом седенький, толстенный старичок.

- Наверх!

- Ну-ну...

После пятого была дверца на чердак. Чердак был огромен и гулок. Под ногами что-то хрустело, на лицо липла невидимая паутина, а по углам шуршали крыльями голуби. Было время птенцов, и сквозь шуршанье слышался писк. Вдалеке призывно светлело слуховое окно – выход

на крышу. Спотыкаясь о какие-то балки, стучаясь головами о стропила, мы брели на свет. По крыше что-то постукивало и шуршало, доносились сладковатые запахи тлена и гнили. «Пахнет кладбищем и кладом» - образовалось почему-то в голове.

- Ой! – приглушённо вскрикнул друг. – Смотри!

На тёмной просмоленной балке лежал череп. Белый, с тёмными провалами глазниц и саркастически-зубастой ухмылкой, он глядел куда-то в темноту чердака и усмехался чему-то ему одному известному.

- Вот это да! – прошептал друг. – Откуда? Настоящий?

Я потрогал череп.

- Может, мальчишки затащили, утащили в школе из кабинета анатомии и приволокли сюда.

- Зачем? – поднял брови друг.

Там, где он рос, мальчишки не играют в «штабы» и «сокровища». Зачем? А может, и не мальчишки, дом-то старый. Чёрт его знает, какая тут история. Друг смотрел на череп, а я вдруг вспомнил историю его приезда в Ростов. В Москве его встретили знакомые из Якутска, и, сагая на ростовский поезд, объяснили: ехать от вокзала к месту назначения нужно на седьмом трамвае. Он вышел с вокзала, подошёл к трамвайным путям и голосовал перед каждым седьмым проезжающим трамваем. Так он голосовал, останавливая «Уралы» и вездеходы, когда добирался из своего посёлка в Якутск. Но трамваи не останавливались...

- Микки, Микки! – услышали мы приглушённый крик и, вспомнив про попугая, двинулись дальше. С лесенки слухового окна с шумом взлетел незамеченный нами голубь, и мы вздрогнули. Друг покосился назад, туда, где белело пятнышко ухмыляющегося черепа.

Мы выбрались на свет. Крыша была словно всхолмлённое плоскогорье. Кругом взгорбки слуховых окон, скаты, антенны, какие-то штыри, провода, трубы. Вдали гряды других крыш, ещё дальше серебряная полоса Дона.

- Микки, Микки! – позвали мы, вглядываясь в необъятную ширь кирпично-красного плоскогорья.

Мы бродили среди антенн и труб, слуховых окон и всё звали и звали беглого попугая. Друг присел на плоский горбик слухового окна и, подперев щеку, уставился на горизонт. Крыши горбились чёрным силуэтом, тёмно-синее, уже почти фиолетовое, небо книзу розовело, наливалось красной бахромой, редкие облачка играли невообразимыми красками.

- Так не бывает! – вырвалось у меня. Друг помолчал и тихо спросил:

- А ты северное сияние видел?

Когда солнце окончательно скрылось за крышами и буйство красок сошло на нет, мы отправились вниз. На чердаке стало совсем темно, и мы едва отыскивали нужную дверцу.

- Вниз? – спросил нас старичок с пятого этажа.

- Вниз!

- Ну-ну...

На четвёртом и третьем окна светились голубым. Там сидели у телевизоров. Собачка со второго, как старым знакомым, повиляла нам хвостом.

Красивой девушки в джинсах и свитере нигде не было.

- Ушла, - вздохнул друг.

- Может, Микки вернулся.

- А может, и нет...

...Я уезжал первым. Друг разглядывал меня сквозь мутное вагонное стекло, словно рыбку в аквариуме. Мы договорились, что я приеду к нему в посёлок на весеннюю гусиную охоту, но сердце подсказывало, что мы больше не увидимся. И сердце не обмануло. Зимой мне сообщили, что он провалился в полынью, сумел выбраться на берег, но не дошёл до посёлка, замёрз в тундре...

Вагон дёрнулся. Потянулись донские плавни. Вечер... Неясный вагонный свет, приглушённые вагонные разговоры, табачный дым в тамбуре. Я уснул и приснился мне зелёно-голубой попугай Микки. Он сидел на плече у моего друга и весело подмигивал мне чёрной бусинкой глаза...

Пристанционный посёлок носил романтическое название Оазис. Но ничего от настоящего оазиса в нём не было. Пыль, чахлые деревья над арыками, низенькие дома с плоскими крышами. На крышах валуны – чтобы не снесли кровлю осенние ветры.

Перрон и часть убогого вокзальчика освещена неоновыми фонарями, всё остальное тонет в синем мраке. Я присел на скамейку на берегу арыка и отгородился от мира стеной воспоминаний. Три недели в пустыне, а память, бессовестно обманывая, утверждает – полжизни. Пески, корявый саксаул, невероятное озеро Сарыкамыш, окружённое Каракумами. Синее среди жёлтого...

...Машина скрылась с глаз, а пыль ещё долго висела в горячем воздухе. И, словно по следу, я пошёл за этой пылью вслед пропавшей машине. Я шёл налегке – всю поклажу забрали с собой друзья, удалявшиеся сейчас от меня со скоростью восемьдесят километров в час на почтовом фургоне, водитель которого наотрез отказался брать лишнего пассажира. Я шёл по горячей бетонке, щурился от неистового солнца, всем телом ощущая великую сушь Каракумов, и время от времени оглядывался: не идёт ли попутка.

Что я сделал глупость, оставшись в пустыне один, я понял только через два часа, когда вспомнил, что сегодня воскресенье и рассчитывать на случайную машину практически невозможно. Не сказать, что я испугался, но тревога поселилась где-то под сердцем и не уходила. Я был один в центре огромного светло-жёлтого круга. Я шагал, и уходили назад белёные придорожные столбики и обглоданные кости саксауловых кустов уплывали назад, но всё равно я оставался всё там же – в центре заколдованного раскалённого круга. Час, другой, третий – всё тот же жёлтый круг и всё та же жара. Ни глотка воды, ни полтени вокруг, кроме собственной, под самыми ногами. И мысли путаются от жары, и язык превратился в наждак, и нечем плюнуть на дорогу: какого чёрта так влип!

Как глупо... Упадёшь, закроешь глаза, и только дня через два на тебя, распухшего и расклеванного пустынными стервятниками, наткнётся почтовый фургон или «Урал» геологов...

Как просто человеку умереть. Сутки без воды в сорокапятиградусную жару – и конец. Или, например, мороз... Мороженое... Эскимо на палочке... Сливочный пломбир... Белое и сладкое смазывает пересохшее горло, холодит пергаментные лёгкие. Музыка, фонтан в сиреневом городском сквере, три мокрые бронзовые фигуры с земным шаром, поднятым в голубое небо на вытянутых руках. Нарядные люди... Присесть вот тут у столбика, отдохнуть, помечтать...

В самую последнюю секунду я увидел, что прямо там, куда я собирался сесть, поднял жало огромный (как мне показалось тогда) скорпион. Это встряхнуло меня ещё минут на двадцать. А потом, когда я готов был окончательно и бесповоротно упасть, мне повезло. Прямо под насыпью сохранился кусочек арыка, опушённый густой осочной зеленью. Я пал в мутноватую, с прозеленью, воду и пил, не отрываясь, пока вода не полилась из горла обратно в арык. Я лежал на песке, брызгал на себя водой, набранной в футболку, и, остывая, смотрел в воду. Вся она кишела мелкой живностью, но меня совершенно не трогало, что часть этой живности кишела теперь в моём животе...

И снова я шёл по дороге, и снова било беспощадное солнце и уже через пятнадцать минут я был сух, словно и не было никакого арыка...

И перебежал дорогу тушканчик. И ползла вдоль дороги гюрза. И было большое искушение убить черепаху и, разломав панцирь, выпить её кровь. А солнце прикипело к зениту и не хотело уходить на закат...

Когда я увидел дом и зелень вокруг дома и услышал лай невидимой собаки, я решил, что это мираж. Но дом был. И были люди, которые, подкладывая мне кусочки дыни и подливая огненного чая, качали головой и цокали языками:

- Пешком от самого поворота!? Среди дня!? Да как же шофёр тебя не предупредил – это ж верная гибель...

А потом, в синее сумерках, я лежал на мягком топчане, поставленном прямо под открытым небом у дома, и смотрел на горизонт. Там, в немыслимой дали, вдруг налился оранжевым светом непонятный шар, внутри которого червячком извивался ослепительно белый проблеск. Хозяева дома сидели рядом, у костерка, но ни один не указал в ту сторону, не воскликнул: «Смотрите-ка!» И я решил, что у меня бред. Шар поднимался всё выше и выше и я не запомнил того мгновения, когда он поднялся в мой сон...

Утром оказалось, что я видел пуск очередного космического корабля. Здесь к этому уже привыкли и не обращают внимания...

Кожа на моих щеках сгорела до костей, зато питьё из арыка сошло мне с рук, никакой дизентерии. Днём я уже обнимался с друзьями и купался в ослепительно синем Сарыкамыше. А ещё через день местные рыбаки взяли нас с собой на острова... Мы плыли на моторке по

бескрайней синеве. Два часа в огромном синем круге. Пеликаны словно мини-гидросамолёты взлетали при нашем приближении, была водой крупная неведомая рыба, показывались и пропадали жёлто-зелёные островки... И давешняя дорога уже уходила в нереальное. Только мазь на обгоревших щеках ещё доказывала реальность случившегося...

...Сквозь редкие ветви прямо в лицо сияли неправдоподобные звёзды. Только в пустыне можно увидеть такие. От арыка приятно тянуло сыростью, кто-то попискивал в кустах, пахло чем-то пряным и сладким. На станции Оазис тоскливо вскрикивал маневровый паровозик.

- Пойдём угрей ловить.

Я обернулся. В отблесках вокзального света он выглядел странно. Рваная тельняшка, безразмерные брюки, подтянутые потрескавшимся лакированным ремнём. Коротко стриженные волосы – торчком.

- Пойдём, поезд только под утро. И наловить успеем, и пожарить.

В руках палка с примотанной на конец вилкой и матерчатая сумка, подозрительно оттопырившая бок и подрагивавшая. Бич. Бывший интеллигентный человек. Он всё время живёт так, как я могу позволить себе жить только во время отпуска. Сколько ему лет? Время оставило на нём массу отметин – морщины, шрамы, синие письма татуировок... У таких людей физический возраст никогда не совпадает с истинным, с тем, который несмываемым отпечатком ложится на душу...

Он вдруг повернулся, замер и резко наклонился над арыком. Мелькнул блик по чёрной воде, плеснуло, завоzilось, и что-то мокрое и длинное шмякнулось с конца палки в сумку... Он улыбнулся и я разглядел корявые останки зубов...

Я не пошёл за ним вдоль арыка, только проводил взглядом его полосатую спину. И потом долго об этом жалел. Мы хотим приключений, тянемся к необычному, но когда оно приходит, пасуем...

ДЕНЬ СБИТЫХ СОБАК

Пастухов нервно барабанил пальцами по баранке руля и вполголоса ругался. Связных мыслей при этом в голове не было. Так, крутилась какая-то мешанина из мутных обрывков, фраз и отдельных слов. Пастухова «кинули». Событие, надо сказать, довольно рядовое. Раньше не кидали, что ли? Да и сам ли он не «химичил»?.. Вообще-то, то, что сумма, пропавшая для его кармана, была не фатальна, не давало повода для излишней нервозности и горечи. Но то ли груз накопившегося давил, то ли хроническая усталость, присущая людям коллекционирующим банкноты, всё сильнее давила на душу, но волна злости и раздражения вдруг накатывала так, что он принимался тихо, но энергично и злобно материться. Ещё оставалась небольшая возможность повернуть дело в свою пользу, и этим матом Пастухов настраивал себя на жёсткий разговор.

На обочине забелело и, снизив скорость, Пастухов увидел валяющуюся в жухлой траве большую светло-серую собаку. Не было видно ни крови, ни явных повреждений, но сразу было ясно - собака сбита машиной и мертва. «Мертвее мёртвой», - всплыло в голове. Почему-то эта собака застряла в мыслях. Вот жила, жила, бегала по своим собачьим делам, радовалась выдранному в схватке обглоданному мослу, хозяин, может быть, был у неё... Вполне мог быть – шерсть-то гладкая, ошейник, кажется, на шее...

Шоссе, тускло поблёскивая мокрым асфальтом, уходило то влево, то вправо, то поднималось на холмы, то ныряло в ложбины. И мысль так же плавно, хоть и бессвязно, плыла сама по себе, однако, словно привязанная, всё крутилась вокруг сбитой собаки.

Показался город, и внимание Пастухова само собой переключилось на предстоящий разговор.

«Я ему скажу...» - внушал себе Пастухов и представлял, что и как скажет. Он накручивал себя, накручивал, злил, словно жокей вожжами лошадь перед стартом, и боялся признаться, что в глубине души копошится маленький червячок, дырявящий фундамент его злости, желания и энергии. – «Надоело. Штукой больше, штукой меньше... Баксы, баксы, а жизнь уходит...»

А как хорошо, как уютно было в солнечном советском детстве. Утром будила его сирень, роняя в распахнутое мамой окно отцветшие лепестки сиреневых гроздей, и тонкий, но пронзающий всё пространство крик толстой тётки в белом халате: «Молоко-о-о-э!» Звенел крышкой бидон, соседка Лариска летела наперегонки к перекрёстку, где к тележке молочницы уже выстроилась недлинная очередь женщин в халатах и мужчин в майках и трико.

А впереди только хорошее. Пришкольный лагерь и поход в «Октябрь» на «Неуловимых», а перед «Неуловимыми» смешной «Фитиль», а ещё перед - обязательное эскимо.

И вдруг... Как в книжке с приключениями. И вдруг! Белая соседская болонка – Кучум – на асфальте, а по улице чёрная «волга» со свистом и шелестом шин. Удар - и болонка, визжа, полетела в траву газона. А очередь на несколько длинных секунд (пока билось в судорогах белое тельце) замерла. А потом отмерла и кто-то сказал:

- Добегалась.

А кто-то промолвил:

- Должно быть, Сахарова повезли.

- А кто-то торопился...

- Три литра, без сдачи...

И ночью ему снились неуловимые, мчавшиеся за чёрной «волгой», размахивая саблями и маузерами. К осени соседи завели себе ризеншнауцера, а когда у них спрашивали про Кучума, они небрежно отвечали:

- Под машину Сахарова попала...

Собака выскочила из-за кустов так неожиданно, что только автоматизм, выработанный долгими годами постоянной езды на машине, позволил в последнюю долю секунды ударить по педали тормоза, и машина, визжа резиной, клюнула носом прямо у бока застывшей от ужаса собаки. Секунду большая пегая псина стояла перед капотом, а потом прыгнула в сторону и бросилась через дорогу.

- Уф-ф-ф! - выдохнул Пастухов и слабо улыбнулся: надо же, чудом не задавил, просто чудом. Волна непонятной радости поднялась в груди. Почему-то подумалось, что теперь всё получится, что тяготина убогого дня порвана и...

Из-за поворота резко и почти бесшумно вывернул джип, и Пастухов вдруг увидел, как собака, нелепо подпрыгнув, застыла на радиаторе машины. Только после этого услышал звук глухого удара и уже краем глаза увидел, как собака отлепилась от хромированной решётки, упала под колёса, и оттуда брызнуло кровью и ещё чем-то...

Минут пять Пастухов сидел неподвижно, не обращая внимания на сигналы объезжающих его машин, повернув голову и тупо глядя на пегое с красным пятно на асфальте. Потом тяжело со стоном вздохнул, показал поворот, развернулся и, аккуратно объехав собачий трупик, поехал назад...

Странная штука – возраст. Человек всё тот же – от рождения до смерти. Один и тот же человек, но в пять лет и в двадцать пять, и в сорок пять – это совершенно разные люди. Никогда в сорок пять не испытаешь того счастья, даже от покупки самой «навороченной» машины, которое испытал в пять лет, когда тебе подарили простого беспородного щенка. Бросаешь взгляд через плечо на себя, умирающего от горя после ссоры с первой своей любовью, и удивляешься – неужели это я!?

Кто-то стареет, а кто-то мудреет, кто-то до старости щенок. И кто скажет - что лучше?

Старый человек не тот, что живёт долго, а тот, которому жить осталось мало. Вот только как узнать – сколько осталось? Ты знаешь, что умрёшь. Точно знаешь, но где-то на самом доньшке души куколкой ночного мотылька трепыхается надежда. Ты будешь жить долго. Ты будешь жить после смерти. А что там, после?

В каком-то смысле мы все уже умерли. Ведь умер – это когда чего-то больше не будет для тебя ни-ко-гда. Никогда не будет для меня кометы Галлея. Она скрылась с глаз, махнув на прощанье лохматым газовым хвостом, и появится теперь только через сотни лет, что значит для меня – никогда. Не встречу я новый 2999 год, и это значит, что я уже умер для этого года. Друг Юрка никогда не придёт в гости и не позвонит, поскольку давно уже лежит под могильной плитой где-то в Подмосквье. Мне не полететь туристом в космос – никогда...

Текущее время жизни, течёт и меняет ландшафты нашего сознания... Вроде бы ещё недавно ты обращал внимание то на блеск, то на трещины и шероховатости жизни, покупаясь на этот блеск, как на блесну, и сдирая об эти шероховатости младенческую кожу наивности. А уже как-то незаметно для себя понял, что блеск этот - мишура новогодней ёлки: блестит, но не золото, не серебро... И вдруг ловишь себя на мысли, что жизнь ухитряется быть одновременно и чрезвычайно простой, и невероятно сложной штукой. Вдруг начинаешь удивляться малым совпадениям и искать в них глубокий смысл. Которого там нет?

- Привези мне из Греции божью коровку,- попросила знакомая, узнав, что я собираюсь в Грецию. Знакомая собирала игрушки и сувениры в виде божьих коровок. Ни в одном магазине или магазинчике я так и не нашёл ничего похожего. Но в первый же день, когда я нежился в волнах ласкового Эгейского моря, прямо передо мной в прозрачную воду упала божья коровка! Классический вариант – кирпично-красная с крапинками по блестящим крылышкам. Подгребая одной рукой, я «довёз» её до ближайшего буйка, посадил сохнуть на бок красного шара и поплыл к берегу. И несколько дней мне этот пустяк не давал покоя. Глупое совпадение, мелочь, пустяк. Или знак?..

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Он возвращался...

Виктор Иванович любил возвращаться. Даже больше, чем уезжать. Багажник «десятки», задние сиденья завалены подарками в ярких, пёстрых упаковках, колёса наматывают последние километры серой, с тенями сосен поперёк, трассы. Голова легка и свободна от всяких дел, а душу греет ожидание встречи. Ожидание давно заведённого ритуала. Сначала - дом. Потом - работа. Потом - друзья... Тебя могут не замечать полгода, с тобой могут посориться по пустяку и перед отъездом даже не проводить, но когда ты возвращаешься издалека после долгого отъезда, тебе всегда рады... Хоть ненадолго...

Под ровное урчание мотора на полупустой трассе так хорошо думается, припоминаются приятные моменты прошлых встреч.

Виктор Иванович уже увидел знакомый изгиб дороги, из-за которого вот-вот покажется дальняя заводская труба и сахарные кубики многоэтажек, уже сладко заныло под ложечкой, и тёплая радость подкатила к горлу...

Встречная «Волга» вдруг как-то странно осела на левое колесо и медленно, медленно, медленно - как будто не секунды, а долгие минуты отделяли её от «десятки» - высекая по асфальту фонтаны белых искр, поползла на встречную полосу. Виктор Иванович видел, что успеет вывернуть руль, и его выбросит на гладкую обочину, но он словно превратился в каменное изваяние. И мысли застыли белым холодным гипсом, и не было никакого движения ни в теле, ни в голове, только холод, холод, и вдруг резкое ускорение времени, белая вспышка, какой-то моментальный грохот... и покой...

Словно кто-то вне Виктора Ивановича слышал: «Быстрее, быстрее... Сюда... Готовьтесь... Подключаем...» Словно кто-то вне Виктора Ивановича видел белые силуэты, блеск склянок, трубок, разноцветные какие-то огоньки.

Он ощущал, что лежит на столе, что в воздухе пахнет зубокабинетом, что вокруг него что-то происходит. Он не ощущал своего тела, но ощущал всё вокруг.

Это продолжалось и продолжалось, пока кто-то не сконцентрировал его внимание. Виктор Иванович увидел кого-то, стоящего рядом с ним, но почему-то не мешающего суестьям вокруг людям.

- Вы спокойны, - услышал внутри себя Виктор Иванович. - И Вы меня слушаете...

И он действительно был спокоен и слушал незнакомца.

- Вы уже догадались, кто я.

Виктор Иванович не знал, как назвать незнакомца. Пришелец? Ангел?..

- Посланец, - подумал Виктор Иванович.

- Посланец, - согласился незнакомец. - Вы не должны были попасть в эту аварию. Вы ведь знаете, что всё должно случаться вовремя...

Виктор Иванович вдруг понял, что он действительно всё это время знал и помнил, но не думал об этом, и что он действительно не готов был попасть в эту аварию...

- Так вот, случилось то, что случилось, дальнейшее будет зависеть от вас.

- Моя воля вместо воли случая? - спросил кто-то внутри Виктора Ивановича.

- Нет, воля, но уже не Ваша и не наша, - ответил посланец. - Если у Вас здесь есть ещё что-то важное... Вы поймёте...

Словно туманом затянуло Посланца, сверкающую никелем и стеклом операционную, утонули в вязкой вате голоса... И выплыла вроде бы внутри сознания комната в знакомой квартире, неслышные знакомые звуки, запахи, вещи. Он почувствовал дуновение духов, герани, крепкого кофе и не по-земному удивился: как можно ощущать запахи, не ощущая их? Как можно

вообще что-то понимать и видеть? И почему он чувствует, не чувствуя? Кто он теперь и что он такое? Всё это нагнало на него такую волну противоречивых ощущений, что он чуть не захлебнулся в этой волне. Но не захлебнулся.

- Дурашка, он приедет сегодня к вечеру, ненадолго, в пятницу опять в командировку, так что у нас с тобой ещё неделя...

Весёлый голос жены разом погасил бурю захлестнувших, было, ощущений... Виктор Иванович непонятным для себя образом понял, что голос доносится из спальни, и опять же непонятным образом оказался там. То, что он там увидел и почувствовал, в другое время заставило бы застучать неимоверно сердце, он, очевидно, страшно разгневался бы или, наоборот, пал духом, или... Одним словом, измена жены не оставила бы его равнодушным. А тут - ни единого облачка злобы, печали или сожаления... Будто давным-давно ему всё известно, известно и безразлично... Стало понятно быстрое охлаждение жены после его возвращений, её раздражительность, частые отлучки...

Работа... Вот что давало ему жизнь в последние годы. Работа занимала его целиком, в ней находил он утешение, радость и ту боль, которая говорила ему: ты жив, ты нужен, без тебя не могут....

...В офисе пили чай и судачили о нём. И вновь - никаких чувств, никакого волнения. Хотя то, что о нём говорилось людьми, которых он считал близкими и преданными, должно было бы повергнуть его в шок, поднять волну противоречивых чувств. Его обманывали? Ну, так что ж, бывает... Его предавали?.. Случается...

Он вдруг понял, что всё его рвение, весь надрыв в работе, в ЕГО деле - лишь ширма, за которой он прятался от чего-то другого... И если бы семейная жизнь сложилась иначе, он, может быть, иначе относился бы и к работе...

Посланец был неправ, у него ничего не было...

Эта мысль не вызвала внутри Виктора Ивановича ни боли, ни досады, ни сожалений...

Сын... Он даже не надеялся, что нужен собственному сыну. В грязноватой двухкомнатной квартирке, как всегда, полумрак, накурено, сын лениво переругивается с женой... Виктор Иванович вдруг понял, что через полгода они разведутся, женщина бросится под машину, а его некогда любимый Николенька запьёт... Внучка от всего этого сильно заболит. Внучка, тихая и испуганная частыми скандалами шестилетняя девочка, чистенькая, ладненькая, всегда в обновках - и всё же какая-то лишняя - играла в своей комнатке. И, играя, прислушивалась к застенным раздражённым голосам. Виктор Иванович ощутил июльское тепло, вдохнул запах земляники, почувствовал босыми ногами тёплую землю укатанного просёлка, услышал голосок внучки... Прошлым летом они вдвоём ездили в родную деревеньку Виктора Ивановича, вернее, на то место, где некогда стояла деревенька. Они бродили знакомыми тропками, заходили в полуразрушенные временем и «укрупнением» дома, и Виктор Иванович рассказывал внучке всё, что ещё помнил сам. Про деда, про деревню, про ночное... В одном из домов из чёрной щели между половыми досками, у их ног выползла гадюка. Внучка закричала так, что испугался и сам Виктор Иванович. Одной рукой он подхватил маленькое, со страшно бьющимся сердцем, тельце, а другой - полусгнивший хват и бил, бил, бил по извивающейся змее до тех пор, пока не превратил её в месиво...

...Уплыл летний зной, пропали запахи и звуки, и сквозь голубой холодный туман удалялись печальные глаза внучки. И тут где-то глубоко-глубоко в груди слабым огоньком замерцала боль. Она едва трепетала, словно свеча на ветру, каждую секунду готовая погаснуть, но не гасла, а постепенно разрасталась и разрасталась. Исчез голубой туман, исчезли в тумане печальные глаза, появились и пропали холодные голоса, принадлежащие белым людям, склонившимся над ним, тонко улыбнулся незнакомец-Посланец. Только боль всё плотнее заполняла то ли то, что называется душой, то ли избитое, покорёженное тело, то ли всю его жизнь...

Боль наплывала, пульсировала, билась в жилах и делала всё остальное несущественным. Боль заполняла сознание и белыми молниями пронизывала тело...

Он возвращался...

Память словно океан. Так же глубока и непостижима... Что хранит она в изумрудно-тёмных глубинах? Тебе кажется, что ты давно составил инвентарный список своих воспоминаний и можешь небольшим усилием воскресить в воображении всё, что было. Но вдруг очередная волна запаха, дуновение ветра, солнечный луч сквозь зелёную крону, шелест сухих

листьев выплёскивает на берег сознания то, чего не было и в помине в твоём инвентарном списке. Словно давно вымершую кистепёрую рыбу латимерию. Вот она, лежит перед тобой, ещё подрагивая, поблёскивая вековым панцирем, и ты, открыв рот, смотришь, как капают с неё голубоватые холодные капли...

Однажды в сутолоке городской суеты пахнёт вдруг смолистым горячим воздухом, зашелестит песчаной стружкой и запахом пригоревшего молока, и ты сидишь на ступеньках какого-то тёмного барака ярким солнечным днём где-то на окраине города.

Тебе три года. Ты, скорее, ощущаешь себя, чем осознаёшь (не зря говорят, что в этом возрасте ребёнок ещё знает язык птиц и зверей, понимает мурлыканье кошки и знает значение ветра). Ты очень заинтересован петухом, который деловито ходит по большому песчаному двору перед бараком в сетчатой тени сосен. Пахнет плавящейся на солнце сосновой смолой, из дверей доносится запах слегка подгоревшего на плите молока, которое кипятит для тебя «няня Зина» - старуха-пенсионерка из соседней комнаты...

Петух яркий, рыжий, с хвостом, отливающим синим и зелёным – и этим он жутко нравится тебе. Хочется взять его в руки, хочется прижать его и погладить. Но у него острый, крепкий клюв и длинные острые шпоры на жёлтых крепких ногах, и тебе страшиновато. Ты ещё не знаешь, что так будет всю жизнь...

Сосны, какие-то кусты у забора-штaketника, песок, мелкой пылью разлетающийся из-под сильных лап петуха, сосновый дух и солнце... Ты и представить себе не мог, что помнишь это. И когда прошелестят заключительные листы жизни, когда придёт пора расстаться со всем, что нажил, не об этом ли захочется тебе рассказать в первую очередь Тому, кто возьмёт тебя за руку, чтобы повести дальше. Ты захочешь рассказать Ему всё от начала до конца. Но вдруг поймёшь, что этого не требуется, что это лишнее, что твоя память – это Его память, что. Он знает всю твою жизнь лучше, чем ты сам...

Поэзия

Александр Мишенков

Родился в 1949 году в Сызрани Куйбышевской области. После окончания средней школы работал токарем на заводе, проходил службу в оркестре СВВАУЛ. Поэт, композитор, автор более 60 песен и произведений для оркестра, двух поэтических сборников. Лауреат областных, всероссийских и международных конкурсов и фестивалей. Лауреат премии «Признание» в сфере культуры и искусства города Сызрани. Печатался в газетах и журналах, коллективных сборниках. Кандидат в члены Союза писателей России.

ВЕХИ

Всё мелькают ступеньками вехи,
Но когда-то им кончится срок.
Было разное в жизни: успехи,
Неудачи – всё выдержать смог.

Научился ценить я не зависть –
Доброту человеческих рук.
Боль осадком на сердце осталась,
А к врачу всё сходить недосуг.

Подзаняться бы бегом лечебным
(Говорят, это модно сейчас),
Выйти в поле и воздухом хлебным
Подышать, насладиться хоть раз.

Побродить по просторам России,
В разнотравье полей опьянеть
И земле с богатырской силой
Свои лучшие песни пропеть.

А в ответ возвратившимся эхом
Скрипки ветра услышать вдали.
И понять, что судьбы твоей вехи
Нераздельны с судьбою земли.

ОПТИМИСТ

Мне сердце болью истомила
Слепая ночь.
Всё, что плохого в жизни было,
Гоню я прочь.

В душе ещё остались шрамы -
Я их лечу.
Упасть в беспмятную яму
Я не хочу.

Иду на зов свободы слова
Я напролом.
Моё перо всегда готово
К борьбе со злом.

Я оптимист и твёрдо верю:

Придёт весна
И в новый мир откроет двери
Моя страна.

А чтобы жизнь счастливой стала
В России всей,
Хочу, чтоб песнь всегда звучала
В сердцах людей!

ИНТЕРНЕТ

Интернет – реальность века,
Трудно это не признать.
Он стремится человека
В виртуальный мир загнать.

Если раньше книги были
Знаний, мудрости залог,
То сегодня позабыли,
Сколь велик от них был прок.

С болью я смотрю на внуков
И не нахожу ответ:
Почему они науку
Учат через Интернет?

Спору нет, удобно стало:
Кликнул мышкой – и вперёд!
А в библиотечных залах
Ждут студентов круглый год.

В этом нет большой интриги,
Но и смысла тоже нет,
Только ясно: место книги
Не заменит Интернет.

УЛЫБКА

Рассвет. Просыпаюсь с улыбкой.
Давно не встречал так свой день!
Знать, прошлое стало ошибкой –
Вставать по утрам было лень.

Луч солнца ворвался в окошко
И высветил скромный мой быт.
За стенкой мяукает кошка,
Хозяйка, наверное, спит.

Шаги во дворе прозвучали –
Спешит на работу народ,
Соседка – кассир на вокзале –
Устало со смены идёт.

И чувствуешь в эти минуты,
Что жизнь продолжает свой бег,
Что нужен в России кому-то
Рабочих кровей человек.

А годы летят, и не знаешь,
Куда повернёт их полёт.
Но если улыбкой встречаешь
Свой день, он удачно пройдёт.

ЗВЕЗДЫ

Когда зажигаются звёзды
И солнца лучи не видны,
Люблю летним вечером поздним
Послушать плеск волжской волны.

Люблю я в любую погоду
Спуститься по тропке к реке –
Послушать гудки пароходов
И песнь соловья вдалеке.

Люблю в тишине звездопада
О дальних мирах помечтать,
С луной перекинуться взглядом,
Желанье своё загадать.

И пусть с ночью звёздной недолгим
Свидание будет моё –
Я счастлив, что вырос на Волге
И жить не могу без неё!

ПЕСНИ РОССИИ

Я хочу на природу,
В босоное детство.
Я не падок на моду,
На бутик по соседству.

Я хочу окунуться
В шелест листьев берёзы,
Васильком обернуться,
Стать ростком дикой розы.

Полевым первоцветом

День встречать на рассвете,
Воспарить над планетой,
Где рождается ветер.

А ещё слушать вольный
Птичий хор в небе синем,
Наслаждаясь раздольем
Твоих песен, Россия!

РУКИ МАТЕРИ

Отложу до завтра
Все дела и встречи
И уеду к маме
В старенький наш дом.
Как в далёком детстве,
В тихий зимний вечер
Мы за чашкой чая
Посидим вдвоём.

Вспомним, как мы жили
Ладно и счастливо,
Как вот так же в печке
Тлели угольки,
Как ходили вместе
К Воложке, где ивы
На ветру морозном
Плачут у реки.

Обниму я маму,
Милую, родную,
И на сердце станет
Радостно, светло.
Ей в порыве нежном
Руки поцелую,
Что всегда дарили
Ласку и тепло.

ВЛЮБЛЕННОСТЬ

Любовь познать не каждому дано.
И часто, ничего о ней не зная,
Влюблённость за любовь мы принимаем,
Как суррогат за доброе вино.

Потом осознаём ошибки суть,
Но годы незаметно пролетели,
И как бы мы того ни захотели,
А прошлое нельзя уже вернуть.

Так и живём, кусая губы в кровь,
Друг друга равнодушьем убивая.
А где-то, может, о любви мечтая,
Живёт вот так же и твоя любовь.

Проза

Вениамин Бычковский

Вениамин Николаевич Бычковский родился в России, в Уфе. Занимался спортом, работал в сфере туризма, много путешествовал. С 1995 г. проживает в Беларуси. Творческие пристрастия – литература и краеведение. Член Интернационального Союза писателей и Международного Союза писателей «Новый Современник», Лауреат конкурса «Золотое Перо Руси», Лауреат Общества любителей Русской Словесности имени Л. Толстого, Лауреат альманаха «Российский Колокол», Дипломант Международного конкурса имени А. Платонова; изданные книги – сборник рассказов «Печальник» (1995), сборник стихов «Звонарь» (1997); публиковался в журнале «Лауреат», в сборнике «Светлые души» Всероссийского конкурса имени В. Шукшина, в альманахе «Российский колокол». Краевед, изучает прошлое Полесья: создал два музея, разработал ряд экскурсий, строит Часовню-памятник, награждён медалью «За личный вклад в сохранение памятников военной истории».

БАБЬЕ ЛЕТО

Рассказ

После бессонной ночи всё как будто не хватало воздуха. Только к полудню старушка Маня вышла на крыльцо, чтобы подышать свежим воздухом «бабского» лета. Ещё девчонкой, подражая старшим, прозвала она бабье лето «бабским», да так и осталось. Позади её «бабские» золотые годочки, теперь ей уже за восемьдесят и остаётся любоваться осенним золотом только из окна или с крылечка.

Старушку звали Мария Васильевна, но в деревне её называли просто Маня или баба Маня. Ей нравилась эта простота в своём имени, и так называл муж – единственный её возлюбленный Николай, которого давно уже нет. Построил дом и вскоре умер, и года не прожил в нём.

Маня стояла на крыльце, опираясь на палочку. В валенках, в полинявшем пальтишке и в тёплой шали она выглядела так, точно собралась в зиму. Конечно, солнце её радовало, но уже не грело, и любое время года она провожала с одной мыслью: «Вот ещё одно лето пережила, может последнее... Бог даст, и золотая осень украсит старость!»

Во дворе старушка увидела сына за работой, Анатолий так разогрелся, что разделся по пояс. Он навешивал новую калитку из железных прутьев. Калитка казалась прозрачной и с кружочком по центру, от которого тянулись прутья, как лучи от солнца.

«И у калитки своё солнце будет, молодец, сынок...» - отметила Маня, и ей захотелось поговорить с сыном. Но, подумав, решила не отвлекать его от работы.

Она посмотрела на тропку у крыльца и сошла вниз. По тропочке подошла к скамейке под навесом дома и села на её краешек.

Перед ней раскинулся двор, залитый солнцем. Клумбы цветов, ровные кустики вдоль забора, аккуратные дорожки, ведущие к колодцу, к резной беседке...

«Красиво! Как в кино! И всё как будто новое... – задумалась она. Потом поёжилась, будто замёрзла, - А я ведь боюсь нового. Оно кажется мне холодным и жёстким, похожим...» - её мысль прервалась резкой болью в сердце. Она сложила руки на груди - будто обняла себя, а мысль всё металась в ней и скоро нашла выход – ещё раз кольнула в сердце.

– Вот-вот, в старом – моё сердце! - выдохнула старушка.

Её взгляд остановился на беседке, которая красовалась резными перилами, замысловатой, как у терема, крышей – и эта работа сына ей очень нравилась. Только сидеть в беседке ей было неуютно. Если приходилось сидеть там с внучкой, то Маня всегда вспоминала старуху из «Сказки о рыбаке и рыбке», когда сварливая старуха становилась дворянкой, но при этом ни ступить, ни молвить не могла, как полагалось. И Мане не хотелось смешить ни рыбака из сказки, ни себя.

Ей нравилось сидеть вот здесь, под навесом, на этой старой скамейке, которая тоже стеснялась нового и прижалась к бревенчатой стене дома, как дитя к матери.

Только солнцу было всё равно - старое или новое, оно одинаково золотило старый бревенчатый дом и современную беседку, старую скамейку и совсем новую калитку, но больше всего солнце хвасталось позолотой на деревьях!

И этот «укол» счастья был в самом сердце Мани! Сердце рвалось от бессознательной радости и полноты жизни! Всё тут, всё – от самого детства. Она улыбалась и чувствовала к кому-то детскую благодарность за всё, что переживала сейчас. И золото осени, и тепло от солнца, казалось, были только затем, чтобы она ещё больше любила и ценила этот день. Старушка закрыла глаза от солнца и скоро задремала.

Ей снился старый дом, ещё дедом построенный. Печка. Она заглянула в очаг, где жар краснел... но на её глазах угли превратились в остывшую золу... Она подошла к колыбели, где сопел и барахтался сын... но, протянув к нему руки, осознала, что колыбель оказалось пустой, и одеяльце с подушкой остыли...

Многое из того, что она знала и забыла, снова выплывало наверх из бездонных и тёмных глубин памяти. Ей не нужно было «вспоминать», ибо она в одно мгновение стала «видеть», как, вероятно, «видят» слепцы.

Маня увидела тропинку – и прозрачную тень на ней. Да это же она - в далёком детстве - босой идёт в соседнюю деревню. Идёт одна... Наверное, в церковь, когда мать болела. А вот и старец-слепец на паперти церкви. Сидит в ожидании милости и незрячими глазами тянется к солнцу, ловя тепло его. Кажется, что милости он ждёт не от людей, а от солнца...

От скрипа калитки Маня очнулась и открыла глаза.

«И сегодня такое же солнце, - подумала она и, закрыв глаза от слепящего солнца, вновь погрузилась в сон и воспоминания. – Господи! Слепец с поводырём стояли под окнами и пели о смертном часе. Услышав их, мать бросила все дела и вышла за ними. Божьи певуны вошли в избу, в пояс поклонились, перекрестились, и мать усадила их за стол. В ветхих зипунах, с нищенскими котомками за плечами, ходили они по деревням и пели духовные песни. Опустит, бывало, мать голову и слушает, а слёзы-то по лицу так и катятся!»

Маня проснулась, но продолжала сидеть с закрытыми глазами, а по лицу катились слёзы.

«Господи! Как хорошо-то!» - она чувствовала, как в её душе собралась вся жизнь и, кажется, уже сливается с золотым днём бабьего лета.

Оценили этот день и мухи. Чёрным роем облепили деревянную стену у неё за спиной и, не шелохнувшись, грелись на солнце. Старушка тоже тихо сидела и утирала слёзы радости: «Смотри, сколько света и золота! Смотри, Маня, любуйся, что лежит перед тобой!.. И ничего, что позади уже мухи слетелись на прошлое...»

Она ещё немного посидела и стала замерзать. Да и в доме внучка одна, не случилось бы чего!

Сегодня сын дома, так младшую не повели в садик, и молодые подольше понежились в постели. «Небось, хозяйка и на птицефабрику опоздала, - вспомнила старушка и задумалась о невестке, - хотя это не впервой, как-никак начальница... И в доме она начальница, во всём любит порядок. И посмотреть на неё любо-дорого – красавица! Только характер тяжёлый. Однажды, ей даже старухи об этом сказали:

- Злая у тебя невестка, от неё и сын портится, Маня...

- Кому она злая, а мне - лучше её нет! – одёрнула она старух.

И при ней больше не вели разговоров об этом.

А ведь правы были люди: сильно сын добром поубавился. Всё больше молчит. Зато невестку не сдержат! А в чём я виновата? Что сына-богатыря вырастила? За дом, что старый? Но с новой пристройкой и не подумаешь, что он старый. Николай последнее здоровье отдал, пока построил. Ладно, старшие сыновья помогли... Никого из них уже нет в живых, а дом стоит. И внучки родились в нём. Да я ещё на ногах. Только уже не в радость, мешаю молодым. Иной раз и до баньки некому проводить. А могла бы ещё и у печки постоять, да не доверяет невестка, брезгует. Уж давно посуды не касаюсь, иначе перемывать кинется. Бог с нею! А что косо посмотрит иногда, так это ничего... По деревне сказывают, будто есть случаи, когда стариков из дома выгоняли. Но что-то не верится. Люди умеют приплести своё, особенно там, где кипят страсти. Может, и я зря обижаюсь на невестку?»

- Прости меня, Господи! - перекрестилась Маня и, опираясь на палочку, встала со скамейки. Она медленно побрела в дом, а мухи на стене даже не шелохнулись – точно Мани уже и на свете не было.

Перешагнув порог дома, старушка сняла в прихожей валенки, дабы не наследить, повесила пальтишко, шаль и по ковру зашагала в шерстяных чулках, которые на худых её ножках кое-где морщинились. В этих морщинках на чулках было что-то из её бедного детства, когда чулочки доставались от старших сестёр, а если покупались, то всегда на вырост. И если не знать её возраст, то можно было подумать, что это девчушка идёт по ковру.

Маня остановилась у двери в детскую, прислушалась. «Никак с куклой играет. Растёт красавица! Пять годков, а в своей группе детсада на голову выше всех...» - подумала она, и решила не отвлекать внучку.

Шагая по комнате, залитой лучами солнца, она опять почувствовала укол в сердце, только в этот раз укол был глубже и вызвал испуг – не упасть бы. Лучи из окон ложились на дорогую мебель, на роскошный ковёр на полу, и вдруг – это полное единство с красотой в доме, что окружало сейчас Маню, стало отворачиваться от неё, становиться чужим.

Она зашла в свой закуток, куда солнце давно не заглядывает. Спрятанный от глаза печкой и прочной занавеской и оттого, наверно, не менявшийся от времени, он, казалось, принадлежал чему-то древнему, что уже и в мире-то не сохранилось.

Кошка, которая обычно грелась в ногах, сидела сейчас у окна и что-то высматривала в саду, где яркие разноцветные листья, устав от жизни и холодного ветра, торопливо падали с деревьев на землю, с надеждой хоть там немного отогреться. Старушка могла их понять: она сама спешила на кровать, чтоб, не раздеваясь, укрыться тёплым одеялом.

Перед тем, как лечь, она остановилась напротив иконы, перекрестилась. Затем долго укладывалась, пока не нашла такое положение, чтобы лучше дышалось. Она закрыла глаза и тут же их открыла - кружилась голова. Она взглянула на сундук, стоявший у кровати, где хранились все её пожитки и небольшой пакетик на случай смерти. И, как бы спасаясь от мрачных мыслей, она перевела свой взгляд в уголок, где висела старая икона с медной лампадкой.

«К иконе подошла впервые ещё совсем маленькой, - вспоминала Маня, - и матушка, простая и ласковая, строго учила, как надо креститься, учила словам, которые сама-то Маня не решается говорить своим внучкам. Невестка запретила. Да и иконка-то висела раньше в другом, светлом месте. Перевесили вскоре после свадьбы молодых, когда хозяйкой в доме стала невестка...»

Старушка опять почувствовала неглубокую, но тревожную боль в груди. Боль быстро прошла, однако сменилась сонным томлением и тревогой. Её всё больше клонило ко сну, и глаза уже слипались, как вдруг она услышала голос внучки:

- Бабуля, а, бабуля! Не спи!..

- Нет, я не сплю, я ничего, - ответила старушка и, открывая глаза, повернулась к внучке.

Девочка не сдержалась и всхлипнула.

- А чего плачешь? - с жалостью спросила Маня и погладила её по голове.

- Мне страшно, - сквозь слёзы ответила внучка.

- А чего? - заволновалась Маня.

- Я испугалась, что ты умерла... - изредка всхлипывая, вздрагивающим голосом ответила внучка.

- Ну что ты... Что ты, милая... - поглаживая её по голове, успокаивала Маня.

Перестав плакать, внучка сказала:

- А мама ругается, что ты долго живёшь...

Маня ничего не ответила, а только подняла свой взгляд куда-то вверх, забрала руку с головы внучки и положила себе на грудь.

Внучке опять стало страшно, и она приподнялась на цыпочки, чтобы лучше видеть бабку и знать, что она не спит. Заглянув в лицо бабки, девочка спросила:

- А почему ты плачешь? Ведь я уже перестала...

Старушка вновь провела рукой по её голове и тихо ответила:

- Нет... Я не плачу... Просто глазки болят.

Девочка залезла на кровать около изголовья старушки.

- Я знаю, ты по мне скучаешь, - сказала внучка. - А мамка не пускает к тебе, говорит, что ты больная и скоро умрёшь... А разве от глазок умирают?

- Нет, не умирают, - ещё тише ответила старушка.

Девочка кулачком утёрла слёзы на лице старушки. Затем глубоко вздохнула, чтобы вытеснить из своего сердечка страх и сомнения. Внучка была уже готова поиграть с бабулей, когда Маня, почти шёпотом, сказала:

- Внученька! Кликни мне папку... Только на крылечке не упади! Погоди чуток...

Старушка взяла маленькую тёплую ручку и на мгновение положила себе на губы.

Внучка сползла с высокой кровати и, пока шла до отца, про себя рассуждала: «Когда мама целует ручку, то тепло, а губы бабули почему-то холодные. - И тут же сама себя успокоила, - Знаю! Она же старенькая, вот губки и замёрзли».

Старушка лежала на столе уже второй день, но тело её не пахло смертью, настолько оно было маленьким, худым и очень опрятным. А сидевший у изголовья сын рядом с нею казался ещё крупнее. И разница была столь велика, что невольно приходило в голову: как это маленькое скупое тело матери могло дать сыну такое здоровье, оставив себе только то, что сейчас покоилось в гробу.

Сын молча плакал редкими слезами, искажая своё лицо, чтобы без звука стерпеть печаль и боль в сердце. «Как же я мог опоздать?! Когда подошёл, она была уже мертва. И во дворе не подошёл, когда она сидела на скамейке...» - корил себя сын. И чтобы скрыть от всех своё отчаяние, он все заботы с похоронами взвалил на свои плечи, так было легче ему.

Не забыл он и давний наказ матери, поехал в район договориться с бабушкой об отпевании.

Дом был открыт, и многие из деревни ходили смотреть на Маню. Но ни плача, ни причитаний, лишь редкие всхлипывания одиноких старушек, которые больше напоминали уставшие вздохи, чем плач.

Сноха Алла Петровна занималась поминками. Она знала толк в любых застольях и умела накрыть стол. Заготавливая блюда, она вновь и вновь думала о поминках: «И чего бы ни говорили в деревне о ней, об отношении к свекрови, завтра она всем покажет, как надо поминать! Сытно накормит, вдоволь напоит, и всей деревней будут говорить, что, мол, Петровна всем нос утёрла! Попробуй, скажи, что обижала старуху, если такие поминки закатила!»

На кухне появилась её старшая дочь Маринка и холодно обратилась к матери:

- Пока у гроба никого, я посижу с бабулей.

- Ну, иди. Только не засиживайся, здесь поможешь...

Маринка вскинула глаза на мать и молча вышла из кухни. «Ишь, как взглянула, как обожгла! – задумалась Алла Петровна. - Тоже с характером. Не думала, что её Маринка так сильно привяжется к старухе. А с другой стороны, иначе и быть не могло; пока она работала и училась в институте, старуха нянчилась с дочкой. До сих пор Маринку тянет в закуток старухи. Уже не раз ловила на себе её пристальный взгляд, в котором читалось: «Что мамочка, дождалась смерти бабушки...»

Помимо этого взгляда, что-то ещё настораживало, и Алла Петровна решила не оставлять их наедине. И к мёртвой она ревновала Маринку, и вслед за ней появилась у гроба. Она терпеливо сидела рядом с дочкой и задумчиво смотрела поверх покойной: «Больше всего она боялась, что старая сляжет и за ней нужен будет уход. Обошлось. Одного она не может объяснить себе: почему свекровь раздражала её? Ведь и опрятная была, и слова лишнего не говорила... Но если свекровь была рядом, то ей на сердце как будто камень ложился и мешал не только говорить, но и дышать. Сколько она ни пыталась побороть в себе это чувство, ничего не выходило. Порой срывалась, и уже не помнила себя. Правда, пугала этим не свекровь, а мужа, который при этом молчал, или непонятно кивал головой: то ли отворачивался, то ли соглашался с ней... Ещё до замужества она поняла: из него хоть верёвки вей. Но это между ними. А так, пожалуй, самый видный мужик в совхозе, и руки золотые. И будь он посмелей, далеко бы пошёл. А, в общем, грех обижаться. Почитай, одни из самых богатых в деревне».

Недолго просидела у гроба Алла Петровна, приготовилась уже встать, когда в комнату вошёл Анатолий. Не глядя на жену и дочь, он тихо сказал им:

- Идите. Я посижу один.

- Ты лучше иди поспи! – воскликнула жена, резко поднявшись с места. Анатолий промолчал. Он притворил за ними дверь, медленно приблизился к матери и сел на стул. Одной рукой он опёрся на край гроба, а другой стал гладить по принаряженному телу матери.

Он закрыл глаза. Он не думал, что уже вторые сутки не спит. Он находился в положении человека, впервые узнавшего, что у него есть душа. Он ощущал её и чувствовал, где она, потому

что она у него болела. В ней творилось что-то невообразимое... Что это – проснулась совесть? Но Анатолий не верил в совесть. Если бы её можно было ощутить, то она, наверное, всё время зудела, и он сошёл бы с ума. И в смерти матери он не винил себя, но ощущал какой-то стыд. И вдруг он вздрогнул, когда сквозь тёмную толщу своего забытья он заметил, что его левая рука лежит на глазах матери, как будто прикрывает и без того закрытые глаза. Он поспешно отдернул руку и встал. Потом нагнулся и поцеловал холодный лоб матери, продлив этот поцелуй, насколько хватило воздуха в груди. В течение всего этого прикосновения ему казалось, что под тонкими, почти ажурными веками спрятана сейчас улыбка матери. Он развернулся, и пошёл за печку, в уголок матери, где зажёл лампадку. Свет от неё тут же высветил икону и небольшую деревянную рамку, под стеклом которой были фотографии отца, старших братьев, и его самого - ещё тех времён, когда учился в школе.

Задёрнув занавеску, он присел на кровать, под которой в детстве прятался в играх, и заплакал, уже не сдерживая слёз и всего того, что скопилось за последние годы в его душе. И чем больше он плакал, тем больше прояснились воспоминания. Казалось, вместе со слезами рассеивается туман в его голове, и он видит, понимает сейчас всё, что происходило с ним в эти годы.

Чаще всего мать сидела в своём уголке и тихо ждала, когда он придёт с работы, и они семьёй сядут ужинать. А он приходил всегда усталый и не находил времени для неё. Жена и вовсе всегда чем-то была недовольна. Только дочери тянулись к ней. И жила его мать как бы с краешку. Да и за ужином сидела на краешке стола. Смущалась, если звякала ложкой о тарелку – старалась не шуметь. С ней молчали. И она не засиживалась за столом, чтобы у них оставалось время почаёвничать за разговорами. И за всё он теперь винился перед матерью, точно она стояла рядом, но молчала...

А он сам разве много говорил с ней? Разве он не молчал, когда откровенно обижали мать? Сколько раз под хмельком распускалась его баба и могла сказать всё... А она, бедная, как праздник - шла к соседке. Там ей было спокойнее...

Вспомнил он и последний разговор с матерью. Совсем недавно. После ужина, мать поднялась и стала собирать со скатерти крошки.

- Что ж мы, нищие? - сказал он тогда с упрёком.

- Нет, слишком богатые, - ответила она.

Мать всё знала и страдала за него. Она по-своему расплачивалась за его покой, за его машину, мебель - за всё расплачивалась своей душой, любовью к нему, к его дочерям...

Он вдруг почувствовал себя таким ничтожным и слабым. Он беззащитен даже в собственном доме, где родился, где вырос, где создал семью... Он уже чувствует на себе чужой, незнакомый взгляд, в котором угадывается усмешка, торжество победы ещё над одним домом добра и любви. Он уже видит, как во все щели дома неслышно вползает что-то чёрное, занимает всё пространство комнат, спешит за печку, а он не в силах остановить... Ему кажется, что и лампадка начинает гаснуть во тьме...

Страх поднял его с кровати. В вечернем сумраке он вернулся к гробу, наклонился, и поцеловал руки, губы матери, и сказал: «Прости меня...»

Осторожно сел рядом и закрыл глаза, чтобы сердце его забыло думать и чувствовать. А на мёртвом лице старушки остались блеснуть несколько его слезинок, отчего казалось, что мать только на время закрыла глаза от слёз, которыми оплакивала своего последнего сына.

Поэзия

Светлана Сырнева

Родилась в 1957 году в деревне Русско-Тимкино Уржумского района Кировской области. После окончания Кировского государственного педагогического института работала учителем русского языка и литературы, корреспондентом, а затем редактором уржумской районной газеты, корреспондентом кировских областных газет, находилась на государственной и муниципальной службе. Член Союза писателей России, автор семи поэтических сборников, лауреат многих всероссийских литературных премий. Стихи публиковались в коллективных сборниках и других периодических изданиях. Живёт в Кирове

НАСЛЕДСТВО

Где бы знатное выбрать родство –
То не нашего рода забота.
Нет наследства. И нет ничего,
Кроме старого жёлтого фото.

Только глянешь – на сердце падёт
Безутешная тяжесть сиротства,
В наших лицах никто не найдёт
Даже самого малого сходства!

Эта древнего стойбища стать,
Кочевая бесстрастность во взоре!..
В ваших лицах нельзя прочитать
Ни волнения, ни счастья, ни горя.

О, чужой, неразгаданный взгляд,
Всё с собою своё уносящий!
Так таёжные звери глядят,
На мгновение выйдя из чащи.

И колхозы, и голод, и план –
Всё в себя утянули, впитали
Эти чёрствые руки крестьян,
Одинакие чёрные шали.

Что с того, что сама я не раз
В эти лица когда-то глядела,
За подолы цеплялась у вас,
На коленях беспечно сидела!

И как быстро вы в землю ушли,
Не прося ни любви, ни награды!
Так с годами до сердца земли
Утопают ненужные клады.

Что не жить, что не здравствовать мне
И чужие подхватывать трели!
Как младенец, умерший во сне,
Ничего вы сказать не успели.

И отрезала вас немота
Бессловесного, дальнего детства.
И живу я с пустого листа,
И своё сочиняю наследство.

***

По тропинке крутой я спускаюсь с горы,
Где рябины безмолвно горят,
Где багряной листвы столбенеют костры,
Как и многие годы назад.

Эти кроткие стражи родной стороны,
Эти клёны, берёзы, ручьи
Вместе с жизнью тебе невозбранно даны
Как немые собратья твои.

Чтоб в любую беду и до смерти своей
Ты нигде не остался один,
Реют гордые кроны густых тополей,
В руки тянутся гроздь рябин.

И когда тебе сил ни на что не собрать,
И когда тебя жизнь подвела,
Обозначится их нерушимая рать,
Прошумев от села до села.

Трепет лиственных уз, сила древних стволов
И корней, уходящих во тьму...
Ты так долго живёшь, что и сам ты таков
И у них научился всему.

***

В.П. Смирнову

По дороге плетётся машина,
Перелесок раздет и разут,
А в машине замёрзшая глина –
И куда эти комья везут?

А на комьях сидит мужичонка –
Видно, грузчик при этом добре.
Никудышная сбилась шапчонка...
Эй, простынешь, зима на дворе!

Он глаза бестолковые щурит,
Папироску упрятав в кулак,
Для сугреву, наверное, курит,
Но согреться не может никак.

Он доволен минутой покоя
И к тычкам притерпелся давно.
Как же с ним сотворилось такое,
Что куда ни вези – всё равно?

На безлюдной, глухой переправе
Не удержит осклизлый помост,
И сомнёт мужичка, и раздавит
Опрокинутый под гору воз.

И душа его в рай вознесётся
На златом херувимском крыле.
Может быть, ей хоть там поживётся,
Как пожить не пришлось на земле!

От тепла разомлевшая в мякоть,
Всё, что хочет, получит она:
Ей позволитесь досыта плакать
И позволитесь пить допьяна.

Что ж, душа, ты так мало вкусила?
Что ещё ты желала б вкусить?
Ты б чего-то ещё попросила,
Да не знаешь, чего попросить.

ДЕКАБРЬ

Как ослепшего – за рукав,
И как тонущего – на плот,
Пусть затянет меня в декабрь,
Пусть хоть это меня спасёт.

Заметёт с четырёх сторон,
Занавесит со всех высот.
Это зыбка, а в зыбке – сон,
Пусть хоть это меня спасёт.

Не страшна небесная твердь:
Ватой выложен небосвод.
Что поэту русскому смерть! –
Пусть хоть это меня спасёт.

В свой тулуп меня заверни,
О, декабрь, и неси, храня!
Так носили в детские дни
Полусонную в сани меня.

И уже во сне досмотреть
Нескончаемый санный путь...
Что для русского – умереть,
О, не более, чем заснуть!

Ибо жизнь ему то тесна,
То неслыханно широка,
И ему потребны века
Для его короткого сна.

ИСТОРИК

В тиши глухого кабинета
Историк чуткий воскресит
Начало тьмы и гибель света,
Прочтя письмо надгробных плит.

Сидит он за стаканом чая
И смотрит, словно с высоты,
Тысячелетья прозревая
Сквозь пожелтевшие листья.

С глубинной тайною связаться,
Покуда город весь уснул,
И роковых цивилизаций
Крушенье чувствовать и гул!

Следить, как полчища народов
Бредут с востока на закат,
Костров и виселиц природу
Определяя наугад.

Стыдом, слезами ли облиться?
Но то ошибки не твои.
Ты крупным планом видишь лица
Детей и гибнущей семьи.

Придёт к тебе покой, историк,
Когда погашен лампы свет.
Твой сон не тягостен, не горек –
Он полон радостью побед.

Но если и другое око
Следит за нами с высоты,
Оно не мило, не жестоко –
Лишь объективно, как и ты.

ШИПОВНИК

Вдоль дороги пристанища нет,
По канавам наметился лёд,
И краснеет осенний рассвет
За рекой, где шиповник растёт.

Он растёт, существует вдали,
Неподвижен и сумрачно ал.
Берега им кругом поросли,
Только ягод никто не собрал.

Здесь никто не ходил, не бродил,
Не видать ни чужих, ни своих –
Ведь плоды не срывают с могил,
Не берут их со стен крепостных.

Ржавый лист прошуршит у воды,
Безнадёжно упавший к ногам,
Но краснеют на ветках плоды
По великим твоим берегам.

Мы, Россия, ещё поживём,
Не сломали нас ветер и дождь,
В запустении грозном твоём
Есть ничейная, тайная мощь.

То и славно, что здесь ни следа,
То и ладно, что здесь ни тропы.
Мы ещё не ступали туда,
Где стена, и плоды, и шипы...

ПОЭТ ФОМЕНКО

Свершилась поколений пересменка,
Круги дождя распались на воде.
Мне вспоминается поэт Фоменко,
Который долго жил в Караганде.

Потом он в Шахматове пил жестоко,
Сторожки тёмной обживал углы.
Он выходил во двор – и образ Блока
Ему являлся из вечерней мглы.

И Блок смотрел с безмолвной укоризной
Секунды три из пелены дождя,
И растворялся в небе над Отчизной,
В её туман легко переходя.

Леса роняли жёлтое убранство,
Клонились долу жёлтые цветы,

И было ливнем занято пространство,
В которое рискнул вернуться ты.

Срывай, поэт, листы бездомных лилий,
Глуши вино в попутных поездах!
Нам негде жить – мы слишком долго жили
В Караганде и прочих городах.

Оглянешься на тёмное, пустое,
За что тебе полвека зачтено, –
И думаешь, что дальше жить не стоит.
Быть или не быть! – теперь уж всё равно.

Не тяжело в бесчувствии глубоком
Доматывать уже недолгий срок.
Твоя судьба могла бы стать уроком,
Но никому не нужен твой урок...

***

Где небо над полем нависло
И дождь размочил колею,
Там я без особого смысла
Живу в допотопном краю.

Привычная к зною и к стуже,
Вдали от глобальных идей,
Живу я не лучше, не хуже
Других неприметных людей.

Работали люди и пили,
Убогую ношу несли,
И акций они не скупили,
И в новую жизнь не вросли.

Уткнувшись в свои огороды,
В нехитрый удел свой земной,
Наивные дети природы
Неслышно пройдут стороной.

И там, где сольётся дорога
В тумане, в морозном дыму,
Всё мнится присутствие Бога,
Но нет доказательств тому.

Проза

Дмитрий Ермаков

Ермаков Дмитрий Анатольевич, родился в 1969 году, член Союза писателей России. Рассказы, повести, романы, очерки, статьи Ермакова публиковались в «Литературной газете», журналах «Наши современник», «Москва», «Сибирские огни», «Российская Федерация сегодня», «Алтай», «Север» и др. Лауреат премии журнала «Наши современник», лауреат Всероссийского конкурса им. В.М. Шукшина «Светлые души», лауреат международной литературной премии «Югра» за 2012 год. Живёт в Вологде.

ЛЯМКИ И ХЛЮСТИКИ

(правдивая история для взрослых и детей)

1.

Любезный читатель, а ты веришь в существование лямок и хлюстиков?.. Это звери такие... Вот и мой восьмилетний сын Алексей не поверил сначала. Впрочем, обо всём по порядку...

Всякий взрослый человек иногда вспоминает своё детство – и нет воспоминания светлее...

Однажды вечером я полез в ящик комода за какими-то бумагами (Алёша смотрел мультфильмы про крокодила Гену и Чебурашку, наша мама, то есть моя жена, готовила ужин, в общем, все были заняты делом)... Так вот, полез я в ящик комода и натолкнулся на семейный альбом – обычный, как во всех семьях, с твёрдой обложкой и краткой семейной хроникой внутри. Я и раскрыл его зачем-то. Захотелось вдруг. А там, на первой же странице, фотография, где я – мальчик, стою рядом со своей бабушкой Ариной Тимофеевной. На голове у неё белая косынка «шалашиком», а лицо всё в добрых морщинках. А мальчик, ну то есть я (даже не верится, что был когда-то таким) – коротко стриженный, чёлка слева вздёрнута хохолком, который, помню, долго не давал мне покоя (и смоченной водой ладошкой я его приглаживал, и даже, бывало, плевал на ладонь-то)... И только к нынешним тридцати девяти моим годам вопрос с хохолком решился окончательно, ввиду частичного облысения.

...Так вот, стоим мы с бабушкой на лужайке перед её домом (на фото видна бревенчатая стена и часть окна), за домом угадывается огород, за которым луг, а дальше и лес. А лес, как узнал я в то лето, вскоре становится мокрым, болотистым, а там, дальше, куда я никогда не заходил, уже и настоящие болота начинаются с топкими трясинами, лишь островки леса всплывают посреди этих болот, а ещё дальше, рассказывала бабушка, таинственное Светлое озеро, а в нём – остров...

В тот год я успешно, с одной четвёркой по чтению, закончил второй и был переведён в третий класс, и на все летние каникулы был отвезён мамой в деревню к бабушке. Она одна там жила. Дедушка, муж её, к тому времени уже умер. А был он когда-то охотником. В доме висели приколотенные к стене, разлапистые и пыльные лосиные рога, а над кроватью роскошный, распластанный по стене, отливающий на солнце фиолетовым птичий хвост.

- Это тетеревиный, бабушка?

- Нет, это зверя лямки.

Я не понял, что она сказала. Опять спросил:

- Тетерева, да?

- Говорю же – зверя лямки. Дед из леса принёс.

И уж тогда, видя моё недоумение, бабушка рассказала, что водятся в здешних краях, в глухих болотистых лесах такие звери – лямки.

- Хвосты у них, что у тетеревей, тулово барсучье, а морда пушистая, как у нашего вон кота Васьки. И лапки коротенькие, когтистые... Я сама-то не видела, дедко твой баял. Ишшо, говорил, есть звери хлюстики – те на перепончатых лапах, как у гусей или уток, телом длинные, и по всему телу иголки ровно ежовые, а голова круглая, да ишшо хвост длинный, пушистый, ну, вроде как лисий... Есть, есть такие звери – сам рассказывал, а он никогда не врал. А самое их место заповедное на острове, что посреди Светлого озера...

- А это он добыл, что ли? – кивнул я на хвост.

- Нет, не добыл. На таких зверей – грех охотиться. А хвосты они сами откидывают, ну, как лоси рога. Вот дедушко-то твой и подобрал, домой принёс...

Всё лето я надеялся повстречать в лесу лямок и хлюстиков.

Далеко в лес я, конечно, не заходил, но, думалось, почему бы и сюда, в ближний к деревне лесок не зайти какому-нибудь лямке или хлюстику... Лежу, бывало, под сосной – высокая, с коричневым шершавым стволом, с витыми длинными ветвями, росла она на опушке лесной поляны – лежу, жду... Однажды ёжик ко мне подбежал, ткнулся носом в руку, а когда я захотел потрогать его, свернулся, превратился в колючий пульсирующий клубок, видно было, как вздрагивает он весь от каждого удара своего ежиного сердечка... И я поднялся, чтобы отойти от ёжика, не пугать его. И увидел на другом конце поляны, над травой, веером раздвинутый, на солнце радужно отливающий – хвост! И хвост этот над травой вдоль дальней от меня лесной кромки двигался, обладатель хвоста (лямка или тетерев?) невидимый шёл там. Я сначала присел от неожиданности, а потом поднялся, сделал шаг в ту сторону. Думал – если птица, то взлетит... Никто не взлетел, но хвост быстро поплыл в траве и скрылся за кустом, а там уж и лес... Я подошёл к тому месту – трава была примята, но больше никаких следов не было...

А потом... Потом я вырос. Однажды даже ходил с деревенским ребятами на Светлое озеро, плавали мы и на тот остров, ловили там рыбу, ели ягоды, но никаких лямок и хлюстиков, конечно, не видели. А потом я перестал ездить летом в деревню. Не стало и бабушки. Я надолго забыл про таинственный остров и его обитателей...

И всё это вспомнилось в какую-то минуту, пока глядел я на старую фотографию в альбоме. Лёша всё смотрел мультики, мама готовила ужин, а я ещё долго листал фотоальбом...

Алексею чего-то в тот вечер не спалось.

- Что, брат, не спится?

- Ага...

- А вот знаешь, есть такие звери – лямки и хлюстики...

И я рассказал всё, что знал про них.

- Что-то мне, папа, не верится. Ты, наверное, этих зверей выдумал.

Я обиделся:

- Значит, в Чебурашку и говорящего крокодила ты веришь, а что в глухих лесах могут жить звери, не изученные наукой, нет? А, между прочим, они и науке известны – ещё в девятнадцатом веке описаны знаменитым в своё время натуралистом Иваном Ивановичем Кулебякиным.

- Ты и Ивана этого Ивановича выдумал, папа.

- Ну, хорошо, Алёша, я тебе докажу!

Так он и не поверил мне в тот вечер, уснул. А я принялся искать книгу Ивана Кулебякина. Книг у нас в доме много, так что на поиски ушло несколько дней.

Из дневника второклассника: *«Вчера папа рассказывал про зверей лямок и хлюстиков. Но я не поверил. Папа любит шутить».*

2.

И вот передо мной эта книга (я купил её лет пятнадцать назад в букинистической лавке) – с оторванной обложкой, с коричневым пятном, наверное, от чая, напоминающим по форме Африку, на первой странице...

«Опыт исследования флоры и фауны Европейского Севера Российской империи. Сочинение И.И. Кулебякина. Издание Императорского географического общества».

Опуская всё остальное, тоже очень интересное, я сразу стал искать и нашёл главу про лямок и хлюстиков.

Привожу эту главу полностью.

Глава одиннадцатая

Лямки и хлюстики – таинственные обитатели вологоданьских лесов

Один из жителей уже упомянутой мной ранее деревни, охотник, рассказал, что в лесах за деревней водятся звери лямки и хлюстики, особенно же много их на островке посреди Светлого озера. Подтвердили его слова и другие жители этой местности – видели этих зверей: лямки с тетеревиными хвостами, размером примерно с барсука, с покрытым шерстью туловищем;

хлюстики – с хвостами, напоминающими лисьи, но с перепончатыми лапами... Видели их многие, но не близко. Особенно ценным посчитал я для себя свидетельство местного священника отца Герасима – человека, не подверженного суевериям. «Есть такие звери – да не всем увидеть дано», – сказал он. Сам отец Герасим видывал и лямок, и хлюстиков, а ещё рассказал эпизод из жития местно чтимого святого Николая по прозвищу Островитянин, жившего на острове посреди Светлого озера и с руки кормившего и лямок, и хлюстиков.

Что же и оставалось мне, кроме как самому убедиться в правоте этих рассказов.

Тот самый охотник, что первым рассказал мне о таинственных животных, болотной тропой провёл меня к озеру.

Измотанный трудной дорогой стоял я на берегу небольшого, правильной круглой формы озера, полностью оправдывавшего своё название – «Светлое». Вроде бы и день был не слишком солнечный, не тучи, но облака то и дело скрывали небесное светило; и окружающая природа – сумрачный болотистый лес на многие вёрсты...

Вода озера не просто была прозрачна (что очень странно посреди болот) до страшной, кажется, бездонной глубины, вода светилась, и светился сам воздух или «белый свет» над озером. И как сказка стоял посреди светлой воды остров в оторочке зелёных прибрежных ив, а дальше, в глубине острова, тянулись к небу могучие ели... Неодолимой силой повлекло меня туда, на тот остров...

Проводник мой вытащил бечевою из кустов лодку-плоскодонку, помог мне вставить вёсла в уключины, уселся в подвижной лодчонке, подал мешок с припасами, и, коротко на словах простившись, пообещав вернуться через три дня, развернулся и пошёл по тропе...

И таинственный остров принял меня. В самой середине его нашёл я старую землянку под огромной старой елью, как крышей накрывавшей своими лапами убогое жилище, тут же стоял покосившийся замшелый деревянный крест. Прочитав краткую молитву и осенившись крестным знаменем, я обернулся, почувствовав, что кто-то смотрит на меня...

Это был самый настоящий лямка, а рядом с ним хлюстик... Я сначала оторопел, а потом сделал движение в их сторону. И загадочные звери мгновенно исчезли, будто растаяли в зелёной лиственной дымке...

Не буду подробно описывать все три чудесных дня, проведённых мною на острове. Да и какими словами можно описать тишину, молитвенный покой... Счастье!

Скажу лишь, что в эти дни я много раз и подолгу наблюдал и лямок и хлюстиков. Можно сказать, что мы подружались.

Вот рисунки, которые я сумел сделать, наблюдая за моими друзьями... Да-да, мы – я, лямки и хлюстики – подружались...

Невозможность более долгого нахождения на острове не позволила мне в полной мере узнать их повадки и образ жизни. Но не оставляю надежду вернуться на Светлое озеро, в тот замечательный край. К моим друзьям...

Статья, согласитесь, довольно-таки странная. Совсем не похожая на научную статью, совсем даже выпадающая из того, что и как писал Кулебякин...

Рискну предположить, что человек на том острове (а может, и вблизи него) впадает в некое состояние эйфории, восторга... Жаль, что ни Кулебякин, ни какой-либо другой учёный с тех пор не побывал на том острове.

Из дневника второклассника:

«... Папа нашёл книжку учёного Кулебякина, там написано про лямок и хлюстиков и нарисованы они. Неужели, правда? Вот здорово!..»

3.

Постепенно, отцом и сыном всё более овладевала идея поиска таинственных лямок и хлюстиков. И они стали готовиться к летнему путешествию.

- Ты должен быть сильным и закалённым, поэтому должен закаляться и делать зарядку, – сказал Алёшке отец. Алёша полностью согласился с папой и в свою очередь предложил ему бросить курить. На что папа сперва неожиданно обиделся, даже сказал: «Сын не должен указывать отцу на недостатки!..» Но спустя какое-то время, вдруг объявил маме и Алёше:

- Всё, товарищи дорогие, я больше не курю!

Мама очень обрадовалась, но сказала, что неплохо бы перед путешествием в страну лямок и хлюстиков (она так и сказала: «страна лямок и хлюстиков», и это очень понравилось Алёше), некоторым участникам экспедиции подтянуть учёбу и заканчивать четверти и весь учебный год без троек...

Из дневника второклассника: *«Жаль, что во втором классе нет географии! Стараюсь по «Окружающему миру» учиться на одни пятёрки – пригодится во время путешествия в страну лямок и хлюстиков».*

4.

Я мечтал о том, как приду туда, в заповедный край моего детства со своим сыном. И боялся этого.

Боялся не узнать те места. Не увидеть деревню. Не найти «своих» полянок в лесу...

Но я верил, что озеро-то осталось... Должно остаться! И тот остров. И лямки с хлюстиками.

И вот мы едем. Я и Алёшка...

Когда-то маленький, пропахший бензином автобусик долго трясся по разбитой дороге до деревни, где жила бабушка. Теперь большой удобный автобус за полчаса домчал нас по асфальтовому шоссе до того места, где когда-то была деревня... Будто бы построили это шоссе, чтобы быстрее и удобнее разъехались люди по городам из всех этих, стоящих вдоль шоссе деревенок...

И отец, как мог, скрывал боль свою от сына. И не скрыл. А как тут скроешь-то – стоял над полусгнившими развалинами дедовского дома и... ком в горле...

Из путевого дневника бывшего второклассника: *«Мы приехали в деревню. Там уже ничего нет. Только развалины домов. Папа расстроился. Зато мы ночевали в палатке! Вечером долго сидели у костра. А утром я проснулся, выглянул из палатки и сначала ничего не увидел. Мы были в самом тумане! Как ёжик из мультика. Потом туман стал исчезать. Я посмотрел на луг в сторону леса. Трава была зелёная, золотистая, белая!.. А над травой плыл, как большой веер, хвост. Он переливался всеми цветами радуги. Я залез в палатку и стал будить папу. Но когда мы вместе стали глядеть туда, где был хвост, то уже ничего не увидели...»*

Алёша ещё и сходил туда, где, по его мнению, гулял, распустив хвост, зверь лямка. Искал траву примятую или следы от когтей на земле. Трава, возможно, выпрямилась потому, что роса уже обсохла, а на земле Алёша ничего не разглядел.

Может, и не было лямки, мало ли чего в тумане спросонья причудится...

А папа уже развёл костёр и даже подвесил на треногу котелок с чистой родниковой водой (родничок этот он с детства помнил и вчера, когда нашёл его, очень обрадовался и Алёше показывал).

А потом, свернув палатку, тщательно затопав кострище, пошли в лес. Отец шёл с огромным рюкзаком. Алёша тоже тащил рюкзачок, в котором были продукты и его тёплый свитер.

Лес вбирал их в себя, сгущал вокруг них ёлки, бурелом и коряги, скрывал солнечное небо лапами елей, ветвями и листвой осин... Вскоре и зачавкало под ногами.

- Не устал, Алёшка? – спросил отец.

- Нет, папа! – бодро откликнулся сын, хотя подустал уже изрядно.

Он впервые оказался в настоящем лесу (пригородный лесок, куда выезжали иногда всей семьёй, и где таких же, как они, грибников было чуть ли не больше, чем грибов – не в счёт). Алёша ещё, хотя уже видел тот великолепный хвост, не до конца верил в лямок и хлюстиков, но встречи с каким-нибудь зайцем или белкой (о волках и медведях он старался не думать) вполне ожидал... Только вылетела из под ног какая-то птица, затрещала крыльями, напугала и тут же исчезла в тёмно-зелёной хвойной и листвяной завеси.

- Рябчик, - сказал отец.

- Папа, а звери, ну, другие, не лямки и хлюстики, здесь водятся? – не выдержал Алёша.

- Конечно, это ведь лес. Но увидеть зверя не так-то просто, ни один сам к человеку не выйдет. Человек для зверя – опасность. А слух и нюх у зверей во много раз сильнее развиты, чем у нас. Мы вот сейчас идём, а заяц уже за километр отсюда знает об этом и прячется...

- И медведь? – осторожно спросил Алёша.

- И медведь. Медведи, вообще, трусишки. Не зря у них болезнь бывает – медвежья...

Алёша не понял про медвежью болезнь, но спрашивать не стал, а отец не объяснял...

Так и шли – не быстро, да и не медленно. Отец не волновался, он знал, что до озера, по прямой от деревни – не более пяти километров. А шли они самым прямым путём.

5.

Из путевого дневника бывшего второклассника: *«Мы прошли через болотистое место, там даже кое-где лежали почти уже сгнившие брёвна. Деревянная дорога! Папа сказал, что такая дорога называется «гать». А потом вышли на твёрдую землю, впереди была высокая трава, через которую ничего не было видно. Мы поднялись на горушку. И тут меня ослепило – так блестело под солнцем озеро. Оно искрилось, и белое облачко отражалось в искристой синей воде. Я посмотрел вперёд и увидел будто из воды растущие огромные деревья – ёлки, а внизу кудрявые зелёные кустики. Это и был остров лямок и хлюстиков.*

Я всё смотрел на озеро и на остров, думал, что увижу лямку или хлюстика, но не видел никого. Папа сказал, чтобы я помог ему собирать дрова для костра, и мы вдвоём быстро насобирали целую кучу дров. А ещё папа нашёл лодку! Да-да!..»

Лодка была, конечно, старая, ветхая... Лежала в кустах метрах в десяти от берега. Отец помнил, что именно здесь всегда и оставляли лодку (на острове был очень хороший черничник, да и рыбаки любили почему-то рыбачить не с этого берега, а с острова).

Даже уключины, ржавые, были на месте, даже вёсла лежали под лодкой – обычной для этих мест плоскодонкой...

Отец тут же перевернул её, тщательно осмотрел. Под горку по траве она довольно легко съехала к воде. На носу и цепь была. Когда отец взял её в руки, ладони стали рыжими от ржавчины.

Лодка легла на воду, а цепь отец обмотал вокруг ствола прибрежного ивового куста. И оставил так, чтобы проверить, нет ли течи...

Потом они пили чай, заваренный со смородиновыми листьями. Отец нацепил на прутик кусок хлеба, зажарил его над огнём и отдал Алёшке. Этот запах живого огня, этот горячий вкус хлеба!.. И спустя годы Алёша вспоминал его...

А отец жарил второй кусок, для себя, и вспоминал своё детство, бабушку, отца, маму...

6.

Лодка была в порядке, хотя немного воды всё-таки просочилось через какую-то щель. Я ещё простукал борта, опробовал скамейки... И всё же не решился плыть к озеру вечером. Разбили мы с Алёшкой палатку. Я наладил удочки... Странно (и очень хорошо), что здесь, у Светлого озера, совсем нет комаров. Они были там, у деревни, в болотистом лесу, а здесь их не было, совсем.

Солнце садилось, оставляя на воде алую полоску. А озеро сейчас, в наступающих сумерках, показывало себя во всей красе. Будто прозрачный свет разливался над ним, и такой же прозрачной (до дна!) была вода... Мир и покой, само счастье опустились на нас. И Алёшка присмирел, не задавал вопросов...

А порыбачили неважно. Совсем ничего не клюнуло. Но рыба играла, громко плюхала. Значит, не случайно рыбачить плавали на остров – там, у островных прибрежных кустов, она, видно, и гуляет...

Алёша всё смотрит на остров, мечтает о лямках и хлюстиках...

Утром они плыли по прозрачной воде. Громко скрипели уключины. Алёша пристально вглядывался в приближающийся зелёный остров. Отец грёб неторопливо, сильно. А с острова, из кустов, на них уже смотрели внимательно лямки и хлюстики. Ждали...

ЖЕЛЕЗНЫЙ РУБЛЬ

Я учился в пятом или шестом классе. Приятель моего старшего брата уезжал куда-то далеко, в Сибирь, заходил к нам домой попрощаться. Увидев меня во дворе, позвал и дал железную монету – рубль.

- Погуляй за моё здоровье!

Я зажал рубль в кулак и сунул в карман.

Весь вечер этот рубль не давал мне покоя, то и дело я нащупывал его, и он был тёплый от моей ладони. Мне почему-то особенно нравилось, что рубль не бумажный, а железный.

И засыпая, я думал, как буду завтра гулять «за здоровье» того замечательного парня. Я уже всё решил для себя.

Утром ушли на работу родители, брат. Уходя, мать потрогала мой лоб.

- Голова не болит?

- Нет, мама.

Я оделся в школьную тёмно-синюю форму с металлическими пуговицами, переложил монету в карман школьных брюк. И пошёл не в школу, а в центр города.

Утро было чистое, тихое. В своём районе я шёл так, чтобы не встретиться с кем-то из одноклассников или, тем более, учителей. Почему-то побоялся ехать на автобусе.

Лишь в центре города я понял, что вышел из дома рано – кинотеатр был ещё закрыт.

Мне совсем не думалось, что я поступаю плохо, прогуливая уроки. Наоборот, радостно было и немного тревожно даже здесь, где в это время меня не мог увидеть никто из знакомых.

Открылся киоск «Мороженое», и я, наконец, разменял рубль. Купил молочное мороженое в картонном стаканчике за десять копеек. Сверху мороженое было закрыто бумажным кружком, который я аккуратно снял и прилепил к стаканчику снаружи.

Теперь в моём кармане была целая горсть мелочи и, казалось, что денег стало ещё больше.

Я сидел в скверике, ел мороженое шершавой с округлыми концами палочкой, иногда тревожно взглядывал на редких прохожих. Мороженое быстро таяло от солнышка и моей руки, и остатки его я уже допивал.

Наконец, открыли кинотеатр, начали продавать билеты на первый сеанс. И я потратил ещё двадцать копеек.

Людей в зале было мало. Всего-то человек десять. «Интересно, а почему они здесь? Может, тоже убежали? Счастливы ли они так же, как я?»

Нет, пожалуй, ничего такого я тогда не думал. Я смотрел фильм про какого-то влюблённого матроса. И долго ещё после того дня крутилась на языке дурацкая присказка главного героя фильма: «У матросов нет вопросов».

После тёмного кинозала солнечный свет ослепил. Я съел ещё одно мороженое, выпил газировки с сиропом из автомата. Почему-то не захотел прокатиться на карусели в детском парке. Оставалось лишь возвращаться домой.

Дома я разложил на столе учебники, будто бы делал уроки, лёг на диван, закрыл глаза и вспомнил этот день, ещё не кончившийся. В кармане оставалось пятьдесят семь копеек, но я уже знал, что такого дня в моей жизни теперь долго не будет.

И никто не узнал о моём побеге. Даже в школе на следующий день не спросили, почему меня не было...

...Так и живу. Грех жаловаться – не хуже других. Но в кармане у меня снова железный рубль. И я всё-таки убегу. И вернусь...

Поэзия

Олег Никоф

Живёт в Киеве. Издатель. Член Межрегионального союза писателей Украины, Конгресса литераторов Украины, Председатель правления Киевской организации и Национального союза журналистов Украины. Основатель международного музыкально-поэтического фестиваля «Интерреальность». Лауреат литературной премии имени Бориса Гринченко. Руководитель литературного объединения «Киев ПОЭТажный». Член жюри международных литературных фестивалей «Пристань менестрелей», «Чеховская осень», «Славянская лира». Публикации в России, Украине, Чехии, Словакии, Германии

ЦИКЛ «НОСТАЛЬГИЯ»

ЗДРАВСТВУЙ, СЕРЫЙ!

Здравствуй, Серый! Ну, как ты там?
Как мечтал, благодать да тишь?
Смотришь бодро не по годам...
Улыбаешься и молчишь...
Мы живём – не обидел Бог:
Дочь растёт да ворчит жена...
Разделила со мною срок
У казённых дверей сполна...
Это сколько ж минуло лет,
Как не виделись мы с тобой?
Да! От Лены тебе привет!
Разошёлся с ней тот «плейбой».
Знаешь, в общем-то, недосуг
Стало нынче вершить дела:
Устаканилось всё вокруг –
Жизнь размеренная пошла.
А вот помнишь, как мы могли:
Ритм, басуха, бутылка вина, –
Петь в два голоса «Журавли»
И Макаровы «Три окна»?..
Помнишь, в восемьдесят втором,
Жизнь планируя наперёд,
Мы мечтали с тобой о том,
Как двухтысячный встретим год?..
Не сложилось. Прости, браток.
Разошлись мы с тобой в пути.
Веришь, раньше никак не мог
Я могилу твою найти...

ЖАЛЬ ВОТ - СКОРАЯ НЫНЧЕ ОСЕНЬ

Коли сказками заморочен
Я опасной бреду верстою,
Между окриков и пощёчин,
Значит, всё же чего-то стою.

Хорошо, если б для острастки,
Был и дом мой пути подобен,

Раз не чувствую в ритме тряски
Сотни выбоин и колдобин.

Коль рукой раздвигаю ветки,
Знать, иду я не посередке.
Если я не склевал объедки,
Знать, найдётся закуска к водке.

Коль богатство моё – потери,
Значит казнь для меня – крестины.
Коль за мною захлопнут двери,
Знать, и целиться будут в спину.

Знать, и выстрел не будет грозен -
За спиной не пугает дуло...
Жаль вот - скорая нынче осень...
Слишком быстро весна минула...

МАМА МЫЛА РАМУ

Ты говоришь: «Всё хорошо».
А мне б отвлечься...
Как будто день один прошёл –
Минула вечность...
Я думал, мне достанет сил
На дни и годы...
Казалось, я не уходил –
Гостил поодаль.
Казалось, сел не в тот трамвай –
Пустяк неловкий.
И вот вернулся невзначай
На остановку...
А там – с мороженым лоток
Всё тот ютится,
И тот же, вроде, паренёк
Обнял девицу...
Но... вот идёт мой школьный друг –
Он сдал заметно –
Идёт вальяжно, как и внук
Его трёхлетний.
Но вот мой дом... В моём окне
Другие рамы.

И в нём, увы, не машет мне
 Рукою мама...
 Ты говоришь «все хорошо»?
 Ты прав. Отчасти...
 Казалось, только миг прошёл –
 Минуло счастье...

ГДЕ ЖИВЫЕ ДРУЗЬЯ ЕЩЕ В ТИТРАХ...

Жаль, не вышло родиться не в этой стране,
 И поэтому лучше о грустном...
 Я живу в чёрно-белом горячечном сне,
 Величая похмелье искусством.

И теряясь в истории прожитых лет,
 Миг за век принимаю, день – за год...
 Ах, на месяц попозже явиться б на свет,
 Да на тысячу миль бы на запад.

Вот бы «выделить» прошлое, и на «delete»
 Надавить незаметно мизинцем...
 И создать новый файл – имя, свойства и вид
 –
 На своей чёрно-белой странице...

Чтобы снова вдохнуть акварельность весны,
 –
 Сладкий привкус медовой палитры, –
 Чтобы снились цветные киношные сны,
 Где живые друзья ещё в титрах.
 Старые игрушки

Как дни, я воскресенья и субботы
 Не чту за статус красных выходных –
 Рутину неминуемой работы
 Традицией возложена на них...

А батя мой... Он был иной закалки,
 Традицией считая пикники...
 Каких лещей мы брали на рыбалке...
 Как вкусно пахли дымом шашлыки!

И вот – суббота. Я сбежал из дома!
 В рабочей форме «полунеглиже» –
 Скрываюсь в старом, с детских лет знакомом,
 Отцовском запылённом гараже...

Сегодня – не обычная уборка,
 И грустен предпродажный антураж:
 же семь лет как продана «шестёрка»...
 И вот пришёл черёд... Теперь – гараж.

Здесь вещи, о которых все забыли,
 Лежат, пылясь. Какой от хлама прок?
 И вдруг на полке, под «коврами» пыли,
 С игрушками нашёл я закуток...

В коробке проржавели автоматы
 И щёлкавший пистонами наган...
 Лежат безмолвно «русские солдаты»
 И порванный когда-то барабан...

А вот мой «ЗИЛ» любимый... Бесколёсный...
 Я вытер пыль и сжал его в руке...
 И я же сам – зачем мне прятать слёзы? –
 Прочёл на днище: «цэ – рупь сорок кэ»...

Признаюсь, я не видел слёз у бати,
 Хотя не обошла его беда...
 Прости, отец, что плачу так некстати.
 Я счастлив был, поверь мне, в те года...

Я ВЕРНУЛСЯ Б... ГОРОД - ЗДРАВСТВУЙ!

Как закружит - не отпустит,
 А когда отпустит хмель,
 Снова вижу город грусти,
 Что за тридевять земель...
 Мне туда вернуться поздно,
 Но я вижу наяву,
 Как зеленый всадник грозно
 Поднимает булаву...
 В небо тычется крестами
 Белокаменный уют -
 Милицейскими постами
 Он украшен кем-то тут...
 Снег лежит зубною пастой,
 Пригибая ветки вниз...
 Я вернулся б... Город - здравствуй!
 Ты прости мне мой каприз...
 Я всегда твоя забава,
 И вдали от этих мест
 Будет кофе только «кавой»,
 А Крещатик - только «крест»...
 Мы знакомы не по карте,
 Не был ты обманут мной...
 Я с тобой расстался в марте...
 Я вернусь к тебе... Весной...
 Ты прищуришься тоскливо,
 Я всмотрюсь в твои черты...
 Будет солнце. Будет пиво.
 Кава. Крест. И я, и ты...

ТЫ ПОМНИШЬ, ДРУЖИЩЕ?

Ты помнишь, дружище, вьетнамские кеды?
 Коленную выпуклость детских колгот?
 Настольный хоккей у блатного соседа?..
 А ну-ка, напомни, какой это год?
 А помнишь те вязаные рукавицы?
 Да-да, на резинке из старых штанов!
 Сестёр разлучённых серьёзные лица

В наивном, как сказка, индийском кино?
Как строили мы во дворах халабуды,
И не были метры хрущёвок тесны?..
Ты помнишь, как пахли пожухлые груды
Листвы подожжённой? А запах весны?
Ты помнишь – мы жвачку жевали неделю,
Обертку её, словно ценность храня?
Ты помнишь «Орлёнок»? – вот это был
велик!
Его я на спиннинг потом поменял...
Ты помнишь, «копейка» считалась машиной
Престижного класса – почти «Мерседес»!

Битлов мы писали тогда на бобины...
На деньги не спорили – на интерес...
На школьном дворе – помнишь лихость
былую?
И первый, с ночёвкой в палатках, поход?
И помнишь, решались мы на поцелуй...
А ну-ка, напони, какой это год?
Ну что, вспоминаешь? – и то уж немало!
Давай-ка нальём за ушедших ребят...
Несчастное детство? – неправ ты, пожалуй!
Счастливей – не будет уже у тебя!

Проза

Елена Зинченко

Елена Зинченко - родилась в Екатеринбурге. Адвокат, писатель, драматург, член Международной Гильдии Писателей (Германия), региональный представитель МГП в Киеве, руководитель литературной студии «Окно в Европу». Лауреат международного литературного конкурса «Зелёная волна-2012. Есть город, который...», Лауреат Кварнерского турнира – 2013 (Хорватия) в номинации «Драматургия»; Дипломант Корнейчуковской премии в номинации «Драматургия для детей и юношества»; Лауреат международного Фестиваля – Конкурса Литературы и Искусств «Русский Stil-2013» (Германия) в номинации «Луч надежды», дипломант того же конкурса в номинации «Публицистика и эссеистика», двукратный лауреат литературных конкурсов журнала «Эгоист generation» (Москва)

УБОГИЕ, или ЗАПАХ СЧАСТЬЯ

Рассказ

*«Человек создан для счастья, как птица для полёта...»
В.Г. Короленко.*

«Бедные... Убогие... Вот уж кому действительно не позавидуешь! Не дай бог оказаться на их месте! Бр-р-р! Не просто страшно! Ужасно!» - я покосилась на только что вошедших в вагон попутчиков. Да-а-а, правду говорят: всё познаётся в сравнении – проигранное утром этого суматошного командировочного дня арбитражное дело сразу же показалось мне мелкой неприятностью. Хотелось как можно дальше прогнать шальную мысль-пиявку, которая маниакально вращалась, норовя присосаться к моему воспалённому от летней духоты мозгу: «А если бы всё-таки я вдруг в результате невероятно жестокой шутки судьбы (ведь её хлебом не корми, а дай с нами, грешными, позабавиться!) взяла бы, да и оказалась на их месте?!»

Толпа провожающих их «товарищей по несчастью» уплыла в прошлое вместе с киевским перроном. Я никак не могла привыкнуть к тому, что мои соседи по купе – мужчина лет эдак под сорок и его спутница, молодая особа не старше двадцати пяти, – не видят моего любопытного взгляда, поэтому рассматривала их украдкой. То, что мужчина слепой, я поняла сразу – он зашёл в купе, тщательно и, вместе с тем, играючи ошупывая пространство перед собой своей тростью-глазами. Он чем-то слегка «смахивал» на ироничного Чаплина – такой себе коктейль нагловатого жулика и ловеласа, подогретый человеческой теплотой, искренностью и, как потом выяснилось, украшенный дольками лиризма. Он был одет в широченные мешковатые штаны и смешные стоптанные огромные башмаки. Для полного сходства с бродяжкой Чарли ему не хватало лишь маленьких усиков и фирменного котелка, которые с успехом заменяли очки кота Базилио. Он чувствовал себя достаточно уверенно для слепого: очевидно, недуг настиг его довольно давно, и он успел свикнуться, а может, и смириться со своей слепотой... Его спутница... Как только она вошла в купе, я почему-то вспомнила слова Вивьен Ли о том, что нет некрасивых женщин, есть только женщины, не знающие, что они красивы. Очевидно, эта мысль настигла меня с коварным умыслом – сделав акробатический этюд и встав с ног на голову, она почти превратилась в мысль-перевёртыш: быть может, это тот случай, когда женщина не знает, насколько она некрасива? Казалось, что её лицо просто взяли и стёрли школьным ластиком – настолько блёклым и невзрачным оно было. Самой «живой» деталью на нём, как ни странно, были огромные очки. Она была напряжена как пружина: каждый шаг давался ей с невероятным трудом, её рука так впиалась в локоть её спутника, что казалось, вот-вот лопнет кожа на побелевших костяшках пальцев. Поступь спутницы «Чарли» выдавала юный «возраст» её слепоты: она шла так, как будто под её ногами были предательские болотные кочки. И они непременно подвели бы её, если бы рядом не было его – сильного, уверенного в себе за них двоих, окружившего её заботой и невероятным вниманием. Было ясно, что он непременно научит её всем премудростям «незрячей эквилибристики». Пока ещё она, рискуя упасть, словно маневрировала на шаткой конструкции

неустойчивых предметов, цепляясь за него как за центр равновесия и надёжности. Но было очевидно – это только пока...

И ещё одна странная вещь... Ну, этого просто не может быть! Я не могла поверить... Нет, не своим глазам, скорее, своему носу: слишком разителен был диссонанс между внешним обликом моей попутчицы – «серой мышки» – и облаком изысканного, тонкого, свежего запаха цибета и амбры, который присущ только очень дорогим, хорошим духам! Аромат таких духов не обрушивается внезапно, он развивается постепенно. Достигнув завершающего аккорда, он держится, ничуть не ослабевая, и – длится, длится, создавая свою неповторимую симфонию, окутывая всё вокруг чарующим шлейфом наслаждения и грёз. Что это было? Юный, дерзкий и в то же время обворожительно-наивный запах «Cacharel Amor Amor»? Или таинственный, искушающий, страстный «Moschino»? Что бы это ни было, мои «Issey Miyake» умеют «держаться удар» – это вам не просто духи, это образ жизни и настроение! Секрет их силы – во вдохновении философией Востока и Запада: никаким другим духам не под силу состязаться с каскадом эмоций, чувственности, энергии и красоты, рождённым этими духами. Я оказалась права: невероятный аромат леденящей свежести «Miyake», словно кедровое дыхание проснувшегося от зимней спячки леса, поглотил все другие запахи. Недаром этому аромату я дала феерическое имя – музыки японских гор и первых цветов – гиацинта, жасмина и фиалки. Попутчица, оглушённая водопадом волшебного запаха, забыв о правилах этикета (ни тебе, как говорится, «здрате», ни тебе «познакомиться»), смешно, по-собачьи, потянув носом и повернув ко мне лицо, неожиданно изрекла:

- Боже, так пахнет счастье! Я хочу эти духи!

Слегка огорошенная такой непосредственностью, я растерялась и невнятно пробормотала:

- Ну да, верно, «Issey Miyake» – классные духи, мне тоже очень нравятся...

Растерянно вылупившись на ловкие движения Чарли, аккуратно размещающего пухлые дорожные сумки под нижней полкой напротив, я пыталась додумать мысль о том, насколько возможно продолжение столь странного диалога с необычной попутчицей. Ловко захлопнув сиденье, он властно и, вместе с тем, бережно, усадил свою спутницу возле окна. Усевшись рядом, Чаплин, вероятно, намереваясь вступить в разговор, «запеленговав» моё местонахождение, обратил на меня свои очки, которые (клянусь Вам!) блеснули самым настоящим пристальным взглядом умнющих и хитрющих стёкол. Но тут в купе бесшумно протиснулась проводница. На какое-то мгновение я отвлеклась от мыслей о своих странных соседях, впечатлённая её габаритами. Я попыталась осмыслить секрет виртуозного манёвра, при помощи которого она оказалась в купе – дверь была ей явно тесна. Именно таких женщин имеют в виду, говоря о том, что пингвины – это ласточки, которые ели после семи вечера!

Брезгливо и жалостливо уставившись на незрячих пассажиров, она на минуту забыла о цели своего визита. Чарли, невероятным образом «отсканировав» присутствие хозяйки вагона, снисходительно улыбнувшись, изящным движением материализовал из кармана пару билетов:

- Пожалуйста, наши билетки!

Не давая возможности опомниться сбитой с толку проводнице, он рассыпался в комплиментах. Выражение лица «пингвина-ласточки» изменилось. Надо отдать должное: её собеседник, очевидно, неплохо владел наукой обольщения. Вероятно, немало женских сердец было открыто той отмычкой, в которую он мастерски превращал слова. Я покосилась на его спутницу. Ноль эмоций – просто ни тени ревности: она молча слушала излияния Чарли. Более того, вся её фигура, поза и выражение лица излучали безграничную любовь и доверие. Шевельнувшаяся было (вот странно – нет, не в душе, а где-то чуть ли не за пазухой) женская солидарность была приятно убаюкана весьма кстати пришедшей на ум крылатой фразой почитаемого мною Лопе де Веги: «Любовь ревнивые замки // Волшебной силой отмыкает...». В том, что передо мной пара влюблённых, не оставалось ни малейшего сомнения. Даже разговаривая с другой женщиной, он ни на минуту не выпускал свою юную спутницу из магического круга любви и внимания. Было такое чувство, как будто он держал её в кольце крепко сомкнутых заботливых, нежных рук где-то в районе своего сердца.

Рассортировав наши билеты по карманчикам выдавшей виды кожаной папки-раскладушки, проводница, явно сожалея о том, что вместо общения с галантным Чарли она должна вернуться к своим обязанностям, второй раз продемонстрировала ловкий трюк прохождения то ли сквозь дверь, то ли сквозь стену, исчезнув из купе.

Я читала о том, что слепые якобы слышат гораздо лучше нас, зрячих (а может, они просто лучше умеют слушать?!), и именно поэтому хорошо ориентируются в пространстве. Однако Чаплин, представившийся «просто Иваном», демонстрировал воистину высший пилотаж! Если бы не очки кота Базилио, никому бы и в голову не пришло, что он слеп. Простыни были застелены шовчиком вниз, и без единой складочки, края одеял аккуратно подвёрнуты под матрасы. Ни единой крошки сахара из бумажных пакетиков им не было рассыпано – их содержимое было отправлено строго по назначению, в милые сердцу пассажира стаканы в железных подстаканниках, тогда как я, не попав в унисон с «чечёткой поезда», порядком насорила.

Монотонный стук колёс, соратник убаюкивающих мечтаний и зыбких сновидений, медленно, но верно вершил свою привычную работу. Лизонька (так «просто Иван» называл свою ненаглядную) уже дремала, свернувшись калачиком на вагонной полке. Теперь мне удалось разглядеть её лицо, и я была потрясена: впервые в жизни я приняла красавицу за дурнушку. Я поняла: причиной тому были очки, которые в данном случае выполняли странную, не свойственную им роль. Они не придавали своей хозяйке шарма и загадочности, напротив, ревностно охраняли её лицо, скрывая от посторонних взглядов хрупкую, нежную, милую, по-детски трогательную красоту. По таким открытым, завораживающим чертам, наверное, можно, как по книге, прочесть характер человека. А быть может, это потому, что во сне все мы становимся самими собой: лица наши преобразуются, становятся настоящими... Иван не мог видеть её лица, но я почему-то подумала, что он точно знает, какое оно. Заботливо подоткнув края одеяла (совсем так, как это делала моя мама в детстве), он сидел рядом, не смея шелохнуться, ловя звук её сонного дыхания. Я уже привыкла к тому, что мои взгляды не доставляют беспокойства попутчикам, поэтому вполне могла дать волю любопытству. Лицо Лизоньки, словно магическим магнитом, притягивало взгляд. Я представляла, как она плавно, уверенно ступает по звёздной дорожке своего сна. Вот она миновала шаткий мостик дрёмы и достигла обители причитающегося ей этой ночью сновидения. Интересно, а слепые видят сны? И каковы они?

- Ей пока ещё снятся цветные сны, для неё сон – окно в мир, её сны пока ничем не отличаются от Ваших... Ведь Лизонька ослепла совсем недавно... - словно услышав мой виртуальный вопрос, осторожным шёпотом промолвил Иван.

- Что значит пока? Разве Вы снов уже не видите? – не удержалась от нескромного любопытства я.

- Гораздо больше, чем вижу – я их чувствую, слышу... Да. Не удивляйтесь. В них много звуков... - мой собеседник задумчиво наклонил голову.

Стремительная рябь теней, бегущая навстречу поезду, хлёсткой сеткой витиеватых отражений мелькала на стёклах его очков. Несколько минут он молчал.

- Жалеете нас? Считаете убогими, несчастными... - то ли спросил, то ли констатировал он.

Липкий ком извинительных возражений застрял у меня в горле.

- И зря! Мой дед, а он знал толк и в людях, и в жизни, меня сызмальства учил, что оно, это самое счастье-то, и есть в том, чтобы мириться со своей судьбой и быть довольным своей жизнью. А ещё он говаривал, что самый верный способ найти счастье для себя – это добывать его для других. Хотите спросить, был ли он зрячим? – плутоватый импозантный Чарли окончательно растворился в простом русском мужике Иване.

Он опять попал в самую точку. Мне нравилось, что он предугадывает мои ответы и вопросы. Иван-Чарли оказался одним из немногих, кому удавалось «выключить» во мне адвоката, и мне, на удивление, нравилось это состояние покорного слушателя.

- Дед мой, Алексей Фёдорович, был абсолютно слеп, как и я, от рождения. В нашем роду слепота передаётся по наследству, – гордо заявил он. – Но это не помешало ему стать героем Великой Отечественной. Жаль, что почти никто не знает о том, что от налётов фашистских бомбардировщиков блокадный Ленинград спасали слепые слухачи – слепые солдаты войны. При помощи специальных машин они «прослушивали» тревожное питерское небо, предупреждая о вражеских налётах задолго до появления немецкой эскадрильи над городом... Кстати, мой дед был первым в истории российской армии незрячим солдатом, призванным на военную службу. Целый месяц он обивал пороги штаба городского ПВО. Многие офицеры из высшего командного состава скептически отнеслись к его идее: они не допускали и мысли о призыве инвалидов на военную службу.

Иван осторожно снял Лизонькину сумочку, висевшую в её изголовье. Замок безропотно подчинился ловким, музыкальным движениям его пальцев. Он протянул мне книгу. В тусклом

свете вагонного «ночника» я с трудом разобрала название, щедро испещрённое объёмными следами игольчатых проколов: В. Короленко. «Слепой музыкант».

- Вот, благодаря этой книге и решился вопрос о мобилизации незрячих.

Словно перехватив мой благоговейный взгляд, он снисходительно улыбнулся:

- Нет, сама книжка тогда была другая – для зрячих; она так и осталась в штабе городского ПВО Ленинграда. Начальство ни разу не пожалело о принятом решении. Слепые слухачи были просто виртуозами. Дед рассказывал, что за несколько десятков километров он не только знал, что приближается вражеский самолёт, но и мог безошибочно по шуму мотора определить его марку – «Юнкерс» это или «Хейнкель». Наши зенитчики успевали подготовиться к отражению налёта – ведь самолёты военной поры намного уступали по скорости современным. Так мой дед добывал счастье для других, спасая их жизни... Тем и был счастлив.

Словно очнувшись от воспоминаний, Иван бодро встряхнулся, шутливо повёл носом в мою сторону:

- Так что счастье пахнет не только этими, как их...

- «Issey Miyake» – ещё качаясь в уютном гамаке рассказанной им истории, чуть слышно промямлила я.

- Точно, «Miyake»! – возвращаясь в образ балагура Чарли, повторил он. – Счастье пахнет для каждого по-своему! Но самое главное – он должен постоянно быть, этот самый запах счастья, ведь именно он помогает нам жить!

Чарли, пожелав мне спокойной ночи, уже давно мирно спал и, очевидно, видел... нет, ощущал свои необыкновенные, счастливые сны. Мне же никак не спалось, я беспокойно ворочалась с боку на бок, пытаюсь обрести стартовую площадку желанного сна.

«Вспомни запах своего счастья, вспомни его, вспомни...» - настырно вещали колёса вагона.

И я добросовестно пыталась оживить его в своей памяти. И это был явно не запах «Issey Miyake». Неужели за всю свою жизнь я так и не была ни разу по-настоящему счастлива? Почему-то в памяти вдруг всплыла автомобильная авария десятилетней давности. Вот уж совсем некстати! Мыслям-перевертышам сегодня явно нравилось дразнить меня: ведь авария никак не вписывалась в столбик счастливых категорий. Спутник леденящих душу воспоминаний – шершавые мурашки – ринулись наперегонки, неприятно царапая кожу.

«У Вас перелом эль-2 позвоночного отдела...», - в моих ушах вновь прозвучало равнодушное резюме рентгенолога, которое после аварии ещё долго сверлило мозг жестоким ограничителем, разделившим жизнь на «до» и «после».

Ох, как я не согласна со стариной Вергилием, полагавшим, что «приятно воспоминание о невзгодах минувшихх!» Эль-2 подтвердил свою солидарность со мной скулящей болью. Наверное, я никогда не забуду эту переполненную пациентами палату хирургического отделения больницы «скорой помощи». Тех, жизнь которых тоже разрублена была на «до» и «после». Неудачливые ныряльщики, не рассчитавшие глубину; виновники и пострадавшие в ДТП; прыгуны с высоток, решившие свести счёты с жизнью – разные причины горя, разная степень травм, не только физических, но и душевных.

А ведь не зря, не зря моя душа именно сейчас выпустила шального Джинна Воспоминаний из старинного сосуда, который я так старалась утопить или хотя бы спрятать понадежнее в пучине памяти! Точно – не зря! Мне вспомнились слова Ивана – «оно, это самое счастье-то и есть в том, чтобы мириться со своей судьбой и быть довольным своей жизнью...» Именно так, ведь первой моей мыслью тогда, когда меня привезли в палату, и я обнаружила справа от себя соседку, у которой после такой же аварии парализовало ноги, была мысль о том, что мне впервые в жизни невероятно повезло – ведь у меня они двигались! Тогда я не только примирилась с судьбой, но и благодарилась её за благосклонность. Шесть месяцев, которые я должна была провести в состоянии, ёмко определённом эскулапами мертвящей формулировкой «прикованной к постели», показались мне сущим мгновением по сравнению с оставшейся жизнью. Я знала, что, когда встану, ни одну её драгоценную минуту не потрачу даром! Возможность шагнуть за порог больницы, подставить лицо лучам солнца и оплеухам ветра, зарыться с головой в нежность цветущей сирени, ощутить пятками прохладную ласку травы – такие простые вещи, которые вы, «ходячие» запросто можете позволить себе хоть сто раз в день, казались мне тогда невероятным даром судьбы, просто счастьем... Моё счастье тогда пахло больницей и грозой, хлоркой и йодом, бинтами и апельсинами из передачек...

«Не было бы счастья, да несчастье помогло!» - каждый из нас неоднократно использовал краткие народные инструкции-объяснялки коварных виражей жизни, именуемые пословицами. Именно тогда, на больничной койке, ощущая себя самым счастливым в мире человеком, я поняла, что у счастья и несчастья нет границ. Не будь несчастий, люди бы никогда не осознали, что такое настоящее счастье. Закон сообщающихся сосудов, содержащих две магические жидкости, одна из которых уравнивает другую... Я покосилась на безмятежно счастливое лицо спящей Лизоньки. Если бы не её слепота, вряд ли она обрела бы своё счастье – надёжного и любящего Ивана, который «и в горе, и в радости...». Ведь далеко не всем судьба, подставившая роковую подножку, посылает силы и желание подняться с колен, а уж тем более человека, который поможет снова встать на ноги и обрести себя... Наверное, именно поэтому её счастье пахнет так дорого – «Issey Miyake» – ни больше и ни меньше!

Я потянулась за своей сумкой. В милом сердцу конусном флакончике «Miyake» янтарно искрилась музыка японских гор. Привычно поставив на запястье автограф мечты, я, зажмурившись от удовольствия, впитала в душу знакомый аромат. Прощально улыбнувшись – то ли «Miyake», то ли Лизоньке (она и Чарли должны были сойти с поезда под утро, гораздо раньше меня), – я отправила «запах счастья» в карман её пиджачка, висевшего на плечиках у двери.

Впервые мне приснился запах счастья, до которого вряд ли додумался бы хоть один парфюмер мира: это был запах морского бриза и яркого солнца, скошенной травы и парного молока, бабушкиных пирогов и её сибирских сказок, грибного леса и первого снега... А через пару лет мой подросший сынишка будет листать книгу «Слепой музыкант», которую я утром обнаружу на столике купе, и я буду рассказывать ему, как по-разному пахнет оно – простое человеческое счастье...

Искусство и культура

Вячеслав Карпенко

Вячеслав Михайлович Карпенко родился в 1938 году в Харькове в семье кадрового военного. Работал в геологических экспедициях на Севере (Коми, Карелия). Учился в Ленинграде в мореходном училище и университете. Служил в ВМС: проходил срочную службу в Калининграде на радиолокационной мастерской БФ с 1959 года. Ходил в море в Мурманске и Калининграде на рыболовных траулерах кочегаром, мотористом, механиком. Работал в газете «Калининградский комсомолец». В 1967 г. после неудавшейся попытки журналистов воспрепятствовать сносу Королевского замка Кёнигсберга был вынужден уехать в Алма-Ату, где работал в газетах, журналах («Новый фильм» и «Простор»), на несколько лет уходил в кочегары на высокогорной космостанции ФИАН, пять лет служил егерем в горах Тянь-Шаня. По его сценариям снимались фильмы, телепередачи об искусстве; повести, рассказы и переводы местных авторов печатались в журналах и сборниках. 14 книг повестей, рассказов и сказок вышли в Казахстане, Москве, Калининграде. Через тридцать лет вернулся в Калининград с «Другим театром», в котором до ликвидации театра в 2010 г. был заведующим литературной частью. Член Союза журналистов России, Союза российских писателей, Русского ПЕН-клуба, Международной Федерации русскоязычных писателей (МФРП).

В 2001 году в серии «Русский путь» издательства «Янтарный сказ» вышла книга Вячеслава Карпенко «Истинно мужская страсть» (О людях и других животных)». Книга получила диплом «Артиады». Кавалер первого серебряного «Ордена Мухи», памятного знака в честь художника Сергея Калмыкова. Награждён медалью им. М.А. Шолохова, первый лауреат премии им. Кристианаса Донелайтиса. В 2006 году в калининградском конкурсе «Человек. Событие. Время» назван «Человеком года» в номинации «Связь времён». В 2010 г. ему вручена премия «Вдохновение» за книгу «Придорожник».

Председатель Калининградского отделения Русского ПЕН-центра. С 2007 года – редактор международного журнала (с 2012 – альманах) «Параллели».

ИСХОД

Рассказ для романа

ГОЛОСА ЗА ДВЕРЬЮ

(...) Стук в дверь был настойчив, но и деликатен.

До этого стучали иначе. И голос, да-а-а, голос знакомый, он не пугал, и в нём звучала тревога, кажется, и в самом деле к нему обращённая... и просьба - без этой устрашающей требовательности, устрашающей, но и поднимающей в душе волну неперемного противодействия, злости... а в этом голосе не было уверенности в своём праве на такую требовательность (...) И еще... ещё услышал он то, что заставило его поверить в искренность, в отсутствие враждебности, к которой он давно привык. В том голосе за дверью сейчас звучала привычная нотка театральности, что всегда была ему понятна самому и близка... да-а-а, близка.

Он ушёл в свои мысли и забыл о стуке и голосе (...)

Да, я театральный человек, поймал он свою мысль, и легко перенёс своё тело в Рим, увидев себя в каменной купальне... (Здесь.....)

Новый стук и мольба: «Сергей Иванович, я прошу, откликнитесь, Вы живы ли?» - вернули его к состоянию нынешнему, почти уже спокойного, почти до гармоничности равнодушного ощущения себя частицей необозримой вселенной... вот если бы ещё не боль, он так хорошо знает, как будет больно, попробуй он встать из ванной, где тёплая вода принимает в себя эту боль, растворяет её, не даёт сместиться этой боли в ноги со спины... и с болью приливает к голове бессильное бешенство памяти, беспощадной уличной, подворотной памяти, возвращающей,

сохраняющей жгучесть унижения, унижения безответного, тянущего из памяти за собою и другие оскорбления чуть ли не с самого детства. «В семье не без урода - Я всегда был уродом» - эта строчка из собственного дневника выплыла, он написал её старательно и немного кокетничая тогда перед собою своей собственной точностью определения.. да, да-а-а, а урод – это, в сущности, просто непохожий, а непохожих бьют даже птицы - если не поклоняются, конечно, и не подражают - это он проговорил вслух, путая собственный, испорченный долгим молчанием, голос с голосами, слышимыми за дверью, с привычными звуками скрипа множества голосов недовольных им – конечно же, им: сумасшедшим соседом, недовольных дверей на площадке и людей, за теми дверьми живущих, а сейчас, верно, тоже вышедших на стук в его... обитель? крепость?.. нору?! убежище?! – в его Вселенную, вот! Сейчас же тот театральный голос привычно перекрыл площадочную разноголосицу, и он вспомнил лицо маленькой певицы.

- Валя? Это - Вы, - ему легко представить её, маленькую, ладненькую, простоватенькую и добрую, у неё неожиданно сочное колоратурное сопрано, да и в бараке она жила рядом, а теперь в соседнем доме. *(Я так не хотел переезжать оттуда, с какой стати - мне вовсе не нужны были их газ и электричество, у меня и так глаза болят, а при свечах цвет глубже, и ездить далеко...)* Но не могу же... нет, не могу я открыть, потому что в ванной сижу, да, нет сил и желания, желания нет, хоть надо бы встать ведь когда-то, у него столько дел, столько начатой работы... а вот... мальчишки побили камнями, и ноги отнимаются, а спина болит, и ослаб, ослаб. *(Зачем мне кого-то видеть сейчас, когда я вижу иные миры... и Леонардо... - ОБДУМАТЬ - В.К.)*

За дверьми притаилась явственно (?) слышимая тишина. Тишина эта ловила *(улавливала?)* его мысли, и он постарался внятно выговаривать слова, коль скоро они всё равно произносились. *(Он поправил челюсть языком, ему вспомнилась боль и как боялся он рвать последние зубы...)* У этой тишины выросли такие уши, что в ванной зарябила желтоватая вода - ей передалось нетерпение, просто зуд в руках от желания вот сейчас, в этом полусвете, чуть проливающимся из окошечка на кухню, набросать на бумаге эту ушастую тишину.

Нет-нет - рано похоронили!

- И вода остыла... нет, нет, нет - вы только не слушайте, это ерунда, это вам в театре сказали?.. Уже и похоронили? *(но мне некогда, я не могу умирать сейчас: мне ещё надо сделать миллион этюдов...)* Две недели, да-да - две недели не выхожу, но учтите: я должен прожить сто девяносто пять лет... это совсем немного для меня, мне надо больше, чтобы столько сделать, сколько я задумал, вы ведь знаете - я так и не седею, а это верный признак, - он дёрнул головой, потому что давно не подкрашивал волосы, а природе должно помогать - у него хватает глубокого дыхания и сарказма и на себя, да-а-а, хватает, это пусть все другие думают, что он никогда не улыбается и всегда угрюм, он же смеётся - всегда-езде-над-всем, внутри себя смеётся, он очень легкомыслен и уж никак жаловаться не будет, не станет... *(Это хорошо, что мне не везёт в жизни, если бы везло, я давно бы помер...)*

...Снаружи заговорило сразу несколько голосов, потом она, эта Валя из театра, высоко сказала, чтобы его не тревожили, а она после спектакля заедет и молоко привезёт, да, голос певицы притушил все остальные: «Сразу со спектакля, Сергей Иванович, я к Вам, дорогой, только молоко привезу и надоедать не стану, я так рада Вас слышать!» (...)

Свечу он зажигать не станет, зачем? Сил оказалось мало, а в сердце мокрой коричневой лягушкой вползало беспокойство. Не-е-ет, не то, повседневное, обычное - но пустое, отбирающее у него власть над временем. Это бывало, бывало... и всё хорошо будет, «сейчас» - так легко проходит, я сумел уничтожить это «сейчас» в своей работе, гениальный художник должен отвергнуть «сейчас» - потому что в космосе есть «всегда» (...)

В Космосе и его окрестностях, по привычке добавил он. Да, именно мальчишкам легко обидеть художника Калмыкова. Всем некогда услышать (.....) А мальчишки, как вся природа: она - замкнута на себя, она очень отзывчива на влияние, и потому зависима, и потому жестока в круговой поруке своей, как и податлива, впрочем, на толчки и разрушение. И никто не хочет слушать меня, а ведь каждый художник должен овладеть временем, как он им сумел овладеть, И жить, сколько необходимо... вот он уже пережил Леонардо да Винчи и Рафаэля, потому что ему надо было вместить в себя и их, найти своё. Начатое далеко до него и продлевающееся намного после него. Главное - не топтаться на месте, и не терять легкомысленности, да-а-а, не терять: чтобы с ним не произошло то же, что с Кузьмой Сергеевичем, его учителем... Впрочем, Мстислав Валерианович оставил в нём больше, хоть рябчиков-то ел у Петрова-Водкина, да одно расстройство получил, желудка расстройство и... потерю времени на пресловутую

«форму»... и не натурщиц бы срисовывать, а Россию из окна вагона... Но равновесие углов и линий я сумел нарушить в своих пропорциях и удлинил их до бесконечности, поймал-таки за хвост четвёртое измерение! (*Генрих Минковский, конечно же, гениален в своих... и мы с ним часто беседуем в той моей тетрадке.....*)

(...)

Я БЫЛ ВСЕГДА...

Ему и зеркала сейчас не надо: он знает себя по тем автопортретам, что получились полтора месяца назад. Он намеренно подсветил тушь сине-розовой акварелью, это его графика, только его рисунок, и кто спутает его руку... а цвет также способен ввести время - движущееся, непрерывное время. Не зря в детстве вместо лазания по крышам или там игры в бабки любил он закапывать в землю стёклышки, разноцветные стёклышки ... часами смотреть на них: цвета менялись, двигались вместе с землёй, вместе со временем (*весь мир двигался куда-то в осязтимом коловращении, он тогда ещё не задумывался над тем, куда же он движется и куда несёт его этот коловорот, но кожей ощущал себя частичкой этого разноцветного движения...*) и само время останавливалось, (*или теряло смысл*)... будто застывало в этих стёклышках, исчезало и вновь неведомо откуда возвращалось ко мне... И видел я анфилады зал... (*Здесь - неведомые острова, трансформирующиеся в «Остров Бенвенуто Челлини» и пр., с Леонардо, Великим Костюмером, человеко-пантерами...*)

Тогда-то он, наверное, и пред-почувствовал эту способность времени – уходить и возвращаться, вперёд-назад, до бесконечности унося его в прошлое и будущее; тогда-то и пред-узнал он, что не только он сам появился на свет потому, что был Пушкин и был Леонардо, но и они были потому, что предстояло появиться ему, Сергею Калмыкову, это его личное пред-появление необходимо подтолкнуло выброс других гениев... вперёд-назад, да-да – вверх, где нет времени, и где всё – время! Нет, не льстил он себе в этих автопортретах, (*не для своего самоуспокоения в слепом тщеславии перед дворовым шёпотом...*), не для самоутверждения писал он их и даже не для самопознания (.....), как не льстил себе Леонардо в «Джоконде»... нет! (.....)

В самом деле, продолжал размышлять великий и скромный Лай-Пи-Чу-Пли-Лапа, приходится изумляться, когда подумаешь о сущности природы красок - о том, что они представляют как вещь в себе. Это поистине окна в прошлое, настоящее и будущее.

Возьмём Красный цвет. Это зеркало, глядясь в которое, мы видим - пожар древней Трои, гибель миров, пылающие Солнца, внутренность вулканов и т.п. Со всех сторон несутся сигнализации и отражаются в красной краске. Огни революций, кровавые зарева всего мира.

Розовая краска... Это розовые туманы, это лепестки розы, щёки юной Девы, розовая кисея, ковры, каменные стены и цветущие деревья...

Или - Голубой цвет. Водяные хляби, это небо, это ноктюрны, это легенды, снега, зимние вечера, это выси гор. Не видя вещей, мы их видим: это путешествие Одиссея, бег парусов, чешуя рыбы.

Он с трудом выкарабкивался из ванны, кривя рот в усмешке. По привычке попытался иронизировать над собой. Мокрая старая мышь! – не-е-ет, шалишь, только не допускать мыслей о старости... Валя принесёт молоко, и он вернёт себе бодрость. Не раскисать! – работы у него... Сколько же он просидел в ней безвыходно? Три дня, пять? Неделю? Он утратил, кажется, ощущение дня и ночи, но, глянув в запylённое окно, понял, что пережил ещё одну зиму, а вот пенсии не получал давно. Но голода тоже не ощущал, одна отупляющая слабость... он, пожалуй, даже строчки записать не сможет, а ведь давно ничего не писал – так, несколько набросков в кругах, которые надобно отправить лунным жителям! Но и усмехнуться этим мыслям, всегда успокаивающим его прежде, художник не нашёл сил. Ну, ничего, Валя принесёт после спектакля молоко, молоко даст ему новые силы, и он заработает, как никогда! И мы ещё посмотрим! Они ещё узнают художника Сергея Калмыкова!..

А ведь скверно что-то, на этот раз, и «самоирония» не отлаживает, не возвращает бодрости духа... она могла бы и теперь принести молоко, а потом уж пойти в театр, а так - что ж, долго ждать, это Валя на репетицию торопилась, Не-е-ет, у этой певицы такой покладистый характер, она вечно кого-нибудь жалеет... потому и сойдёт со сцены незаметно, а ведь он помнит ещё Карсавину, вот уж той слово было... всё вокруг крутилось! (.....) И, кстати, ему

вовсе не нужна чья-то жалость, он всегда сам выбирал свою дорогу и мог бы в золоте купаться, согласись... (*Здесь, наверное: «я мог бы быть хорошим семьянином, если бы...» и т.д.*). Но Калмыков не так прост, они хотели бы его запрячь в эти декорации на все времена, а он р-р-раз - и на пенсию... на пенсию сбежал! Ему и своих дел за двадцать тысяч лет не переделать! А меньше он жить вообще не согласен, желудок вполне может ещё переварить гвозди и камни, а сердце ещё и не чувствуется вовсе! И голод ему всегда был нипочём! (.....)

Он оглядел комнату, заваленную его фолиантами и картинами, газет он давно не покупал, а эти прошлые – посерели и слежались. Давно не тронутый треугольный мольберт покрылся пылью, но она очень интересно высеребрила зелёные, оранжевые, алые пятна... этот оттенок надо использовать, впрочем, это коровинская гамма... или сомовская? «В мастерской художника» – Константин Коровин. Не-е-ет, в его-то мастерских, в калмыковских (!), есть раскалённость космоса, это никому не удавалось...

Шум на площадке, И опять перед его дверью. Может, Валя всё же принесла молоко? Но женщины так не стучат.

ВСЕ МИМО, МИМО...

(.....) Нет, нет, нет не зря он отказывался переезжать в эту квартиру. Там, в бараке (*он, барак этот, считался общежитием оперного театра, а прежде был, кажется, конюшней, но в нём жили и семьями, в основном «второстепенные» (!?) работники, из obsługi, или музыканты из оркестра, а иногда - временно - и певцы, но не «примы», разумеется, тем сразу находилось жильё в другом доме, он так и назывался «Домом работников искусств», что на Массанчи, недалеко от Никольского храма и базара...*) было хорошо и все знали его (*даже к его чудачествам привыкли и, он прекрасно сознавал это, относились снисходительно...*), а здесь так далеко от театра - во всех смыслах далеко, в географическом и душевном, всё незнакомые и чужие, зачем ему и знакомиться с ними, и почему им так хочется заглянуть в дверь? Они и помогать-то хотели бы из одного любопытства, а вот послушать, когда он пытается говорить важные вещи или рассказать о своих теориях, которые касаются всех... да, всех! Помогать ему не надо, он всю жизнь обходился своими силами и ни в ком не нуждался в этом смысле, это он мог дать всем многое, открыть им глаза на Космос и Красоту в нём, и Гармонию... Вот и кто-то из театра тоже приходил - из любопытства или... чтобы картинку получить, как будто он такой богач, что может дарить десятки тысяч! Сейчас его картины не меньше стоят, а через время... Я утру всем нос! «Вы даже ключа казённого не сменили в дверях, Сергей Иванович?» – спрашивают. Ишь, «не сменили» - такого «липотонца» (...) он хорошо уел тогда, так ему в глаза и сообщил: мол, никто «с улицы» не полезет к нищему художнику, для таких с улицы здесь никакого интереса и нет, хотя когда-нибудь, да-а-а – когда-нибудь, вы уж вспомните тогда мои слова! – через миллион лет все люди станут людьми, всем надо стать художниками или, скорее, пробудить в себе художника, чтобы понять смысл и гармонию, только тогда люди станут людьми, это Оскар Уайльд сказал как раз накануне рождения Сергея Калмыкова!.. (.....) И скоро, когда гений Калмыкова станет известен, я уже не смогу быть хвастуном! - а как мне не хвалить себя, когда все ругают или хихикают, или молчат и глаза отводят, будто стыдятся, я же всё вижу, а сами косятся на мои работы, хоть на выставки и не пускают, готовы их растащить, как только я умру! Даже знаю, кто первый потащит - а ведь говорят об идиотизме, о сумасшествии... впрочем, что такое «скоро» с точки зрения Вечности - несколько тысяч лет... и неужели настанет когда-нибудь такое время, когда его - меня! - не будет?!... - а я вот буду, всем им назло буду и их переживу. (...) Сил у него хватит!

(...) Но вот сил-то уже и не было. Не было сил как-то здраво повести себя даже и в том юродстве, которое набросил на себя так давно и столь удачно, что это давало ему желанную свободу оставаться собой. (*Когда же это произошло? Ещё в Оренбурге? Ох, как разозлило меня сказанное... Никитиным? - «Ты знаешь, появилось выражение - «калмыковщина»!» Я принялся ругаться: сволочи, дураки... И подумал здесь же - удачная мысль, Сергей Калмыков хитрее их всех, потому что они мелочны, а мне надо защитить свой гений... пусть думают и говорят, что хотят, я им подкину «дровишек в огонь», а потом ещё посмотрим, кто над кем посмеётся!)* И вот теперь его выбило, что называется, из колеи... и теперь, когда дверь неожиданно распахнулась, он растерялся и провалился в эту старческую истерику, в тот страх перед чужими (?..) людьми и всяким «делопроизводством» («Да, я трус и могу только показывать дулю в кармане, но я могу

это преодолеть, когда касается моей работы!»), он уже не понимал от страха, что происходит и куда его забирают эти люди: он ведь никому не позволяет входить в мастерскую, а ведь здесь мастерская великого художника, Великого Костюмера (.....), его ценили Леонардо, «желанный» Челлини, Добужинский, он даже подарил свой альбом наркому Луначарскому!.. И почему...

(Вариант: «Изысканный Гений» - от «особого, отмеченного, отысканного и что важно, отмеченного и обречённого на сложный путь, но и способного состояться, если будет делать своё - вопреки... «Это хорошо, что мне не везёт в жизни. Если бы везло - я давно бы помер!.. - к размышлению о названии)...

Тётки были злые, почему-то здесь было много именно «тёток»... они всегда отказывались его выслушать и тыкали в него пальцем (*им, наверное и в детстве не говорили, что показывать на что-либо пальцем – дурно, «моветонно»*) и упрекали его даже в том, что он отказался от газа и не готовил себе горячую пищу, а ведь они даже ничего не понимали в настоящей еде и в том, что именно молоко – самая универсальная пища жизни... это их дети дразнились и кидали в него камнями, и эти тётки уже никогда не поймут, что проходит время сладострастия пола и наступает эра сладострастия зрения, именно зрительные наслаждения и переживания заменят нам наш пол как средство удовлетворения нашей страсти к передвижениям из прошлого в будущее, именно в живописи... и «Гроссмейстер линейных искусств» Сергей Калмыков трудится для этого, для них... которые выглядывают из-за плечей этого милиционера и доктора, это ведь доктор - в белом халате?.. а спина пройдёт, пройдёт, в больнице он был давно, после войны - его спас тогда своей операцией профессор Баккал... (*Смешно: милиционер спрашивает про кого-то – пьян ли, так зачем же меня-то беспокоить, Сергей Калмыков никогда не брал в рот спиртного, ему не нужны чужие эмоции, его свои переполняют, и средств для этого нет, лучше конфеток бы купить... иногда он позволял себе покупать ириски, да-а-а...*). Почему ему не дадут надеть брюки, ведь нынче придёт Валя, она добрый человек, и у неё неплохой голос, и он обязательно расплатится с нею по-царски, они ещё не знают, как он богат, хоть ему и дали такую мизерную пенсию, а Валя принесёт ему молоко и он сможет продолжить свои композиции...

ВСЕ МЫ...

- Совершенно не критичен к своему состоянию, - кривит молодая докторша губы в сторону дежурного врача, уже посматривающего на часы. - А истощён... дистрофия полная. Алиментарная. Нам такое о блокадниках показывали в институте. Да, гений, конечно же, гений!.. Наполеон? Или домоуправ? (...)

- Шизофрения. И старческий маразм. Словом, дай ему бог, чтобы ещё и склероз присутствовал... и нам бы его не помешало: дабы о маразме не помнить! Ну, да ладно: словоохотлив и неостановим, сама узнаешь, ещё и сердится, если перебить попытаешься. Сам заявил, что может говорить «миллион лет подряд»... и всё в подобных масштабах, не меньше! Якобы гениальный художник... Манерен и очень при этом обстоятелен, всё как надо. Пойду...

- Шиз... если не паранойя!

- Все мы немного шизики... Он тебе ещё всего «Евгения Онегина» прочитает и с космосом его сплетёт. Только дай! Или Вийона... Ты знаешь, кто такой Вийон? И от Эйнштейна камня на камне не оставит, так-то. Все люди, мол, в основном глупцы, потому что лезут не в своё дело - хотят мир практически переделать, а сделать это могут только художники - в этом роде что-то... а он, конечно, бессмертен... Вот кормить его малыми дозами...

- Хорошо. Укол ещё, пусть поспит. Все они здесь гении, он себе как раз найдёт слушателей!..

Он и в самом деле попытался разговаривать с другими больными, заключёнными в эту «юдоль скорби». Но те уходили, никак на него не реагируя, словно и не видя, они тоже были заняты только собой. Один остановился и хихикал невпопад, в движении губ, в их извивах, скруглениях, подёргиваниях находил его слушатель свой интерес, нет, нет - не как глухонемой, что пытается разобрать смысл слов по губам, но весь интерес находя в этом самодовлеющем действе губ, как наблюдал бы за муравейником. И Калмыков отошёл, раздражённый. Ему не хватало бумаги и карандаша, но их отчего-то не хотели ему дать. Всё тоскливее и бесполезнее становилось ему...

(...Это позже явилась легенда, что там, в психушке, он написал много картин, из которых главный психиатр сотворит целый музей... и исчезнет музей вместе с психиатром и картинами.

Впрочем, он и сам, художник Калмыков, творил легенду своей жизни... «Пусть потом говорят обо мне на всех углах и перекрестках...»)

Однажды он зашёл в комнату и увидел, как его скорбные собраты здесь работают. «Исполняют полезный и посильный труд», – пояснила медсестра, больше похожая на гренадера, их он видел ещё на параде на Марсовом поле... *(как давно это было, будто в другой жизни, лучше всего о том времени в Петербурге и о самом Петербурге написано Белым в его романе...)*, эта могучая женщина приглядывала за пациентами и листала журнал. Ему предложила тоже попробовать - должно, мол, получится, если художник... *(В чём он только себя не пробовал!.. как художник, разумеется, он может назвать себя счастливым человеком, всю жизнь он занимался исключительно искусством!..)* Шла третья неделя его пребывания здесь, вот чего он не умел вовсе - ничего не делать, не записывать мысли, не набрасывать этюды, не говорить и выговариваться, ведь это тоже труд, а те размышления, что распирают голову, всегда требовали исхода... эти мысли, картины, идеи, воспоминания теснятся сейчас в его черепной коробке, они распирают, разрывают его мозг, они ищут выхода... Так я и умереть могу, - придумал он вдруг теперь, - смерть... это мне рано, мне столько... я не верю ей сейчас, и здесь так вкусно кормят, никогда не думал, что это так возможно - и всё бесплатно... мой этюдник, моя пантера *(и бегущая... ускользающая? - Муза)*... но почему их нельзя привезти?..

Он принялся за работу, собрал-таки три конверта, четыре, принялся клеить - было это бессмысленно, даже рука заболела. Он остановился, припоминая свои фолианты рукописные, не-е-ет - рукотворные, там ведь и рисуночки возникали, да-а-а, фолианты, которые он так любовно переплетал в жёсткие разноцветные обложки, какими гравюрами и акварелью украшал тексты собственных фантастических бытовых записей, да-да, эта фантастика происходит на каждом шагу, она живёт с нами и остаётся в воздухе после нас, этот мысленный след больше меняет природу, чем все ваши практические дела, товарищи халтурщики, начиная от Белинского, который подбросил нам уродство соцреализма, и кончая Дейнекой с его прямыми линиями... в ад... а куда ещё может привести самоуверенная академическая глупость и догматика?!

Он засмеялся, *(ему показалось - очень легко и весело, так что все должны понять, какая это чушь...)* хоть и походил этот смех на скрип или всхлип, дежурная сестра подняла голову от журнала: не отвлекайтесь, больной, работайте, или не получается? Тогда отдохните и успокойтесь... От чего успокоиться... упо-кои-ть-ся?.. а ему вот неожиданно припомнился тот комический случай с одной его книжицей, которую решил он посвятить поэту Всеволоду Рождественскому, давно, до войны ещё, кажется, и тоже из Питера, кажется, у него даже книжка стихов была. Посвятить и подарить свою книжку с замечательными рисуночками своими... как подарил он тогда в Оренбурге молодому человеку, ученику Мейерхольда Вале Плучеку... *(который удивительно танцевал чарльстон на летней эстраде, а потом почти всю ночь мы говорили, и он слушал меня, не перебивая)*. Акварелью и тушью рисуночки! И оставалось дорисовать всего-то пару сюжетиков! Но здесь увидел его рецензию в газете, где тот недостаточно восторженно отозвался о моих декорациях к операм. Разумеется, я пришёл в бешенство! И на клочки разнёс тетрадку, пока не успокоился! Но вскоре Рождественский вторично появился в Алма-Ате и теперь недвусмысленно громко похвалил мои декорации к «Князю Игорю». Они и в самом деле хороши, я вернул им время, а по цветовому решению они перекликались с Головиным. Переменил тогда гнев на милость и единым махом в один день написал другую, да вот прежних рисуночков уже не было... другие, да не те!.. Нет, ничего не выходило с этими конвертами! Он сам не ожидал такой слабости: отчего-то неудача и скука так огорчили, что он упал лицом в эту грудку пустой жёсткой бумаги, которая зачем-то должна была стать «конвертами»... кому их посылать?! *(...Здесь, м.б. - «Лунные письма»... он ведь их, рисованные, посылал нам.)*

«ТАЙНА сия велика есть».

Смерть. Кто познает её? Он-то ещё тогда - месяца два как? - да, первого февраля пристально посмотрел ей в глаза, сам посмотрел, не отводя глаз *(не то что тогда у профессора Баккала или ещё прежде, в голод, там - обстоятельства, а здесь он сам хотел и взгляделся, здесь он был ху-дож-ни-ком)*. Пристально и с присущим ему сарказмом смотрит Ей в глаза и сам рисует их, то есть свой взгляд туда, так вот... Уж чего он добился, кроме

нескольких изящных пустяков, так это - рисунка. Даже Врубель не отверг бы в нём рисовальщика, а ведь Михаил Александрович Врубель самому Репину мог указать на неумение рисовать! Заглянул, заглянул сквозь все свои пространственные решётки: посмотрел Ей глаза в глаза, эти два автопортрета в два дня – серьёзная работа, и за бутылками из-под молока да розовым цветом не укроется это знание... вон куда мне пора. И поймут, поймут, если сохранят. Впрочем, мне это теперь не столь и важно, он взглянул уже на этот мир с далёкой точки - Будущего. И Прошлого ведь тоже, они едины - как едина точка, будь она хоть величиной с космос.

А я покоритель этого Космоса! И я проведу концентрические круги внутрь его - со знаком минус, в прошлое. И круги наружу этого Космоса-Точки - со знаком плюс: в будущее. Там мы тоже встретимся с Леонардо, он обрадуется своему ученику!.. (.....)

– Успокойтесь, больной. Необходимо отдохнуть... ай-яй, вот и обмочились опять: это от волнения, устали, знаю, устали... сейчас мы укольчик... и вашу гениальность через пару недель как рукой снимет... нет, сейчас нельзя одежду и карандаш вам ни к чему - доктор лучше знает, чем вам полезнее заниматься! И не надо сердиться, надо остаться в палате и отдыхать.

(...) «Не спал в течение всей смены ночью. Всё время простоял на коленях в постели. Молчал. Мочился под себя неоднократно... на вопросы отвечает замедленно, обдумывает. Мышление правильное. Настроение несколько упадочное. Поужинал» (М.б. - *больше из «истории болезни»...*).

Он лежал на кровати поверх одеяла и водил рукой по шершавой стене. Лунный свет бликовал по шершавостям, стена уплывала под взглядом в сторону и вдаль, от неё оставался лишь отвердевший под рукой холод, и этот холод делал отчего-то само его дыхание разряжённым. Вошёл медбрат, он этого мужчины зачем-то прежде пугался, но сейчас на вопрос лишь слабо отмахнулся рукой. Хотел зачем-то рассказать о Родене, но только вновь погладил стену, пробормотав успокоительную невнятицу, чтобы не пугать дежурного, И тех, рядом в палате. «Не спите? Спать, спать!» Он скоро уснёт, теперь уже он это знает, недаром ему вспомнилось - не в прошлом ли году прочитал в «L'Humanité» или раньше: Роден умер в 77 лет от пневмонии, да-а-а, от пневмонии, а у него лёгкие тоже всегда были слабые, и сейчас колет, трудно дышать, хотя температуры не чувствуется, И всё же... не от шизофрении же умер Роден, хоть его тоже частенько считали сумасшедшим, а какого гения не считали, какого художника оставляли в покое даже после смерти? Потому что его труд их тревожит, а хватаются за биографию - чтобы хоть как-то оправдать собственную нелепицу судьбы. На могиле Родена поставили копию его «Мыслителя»... или оригинал? Всё, просто здесь уже своё отработал. Как сам написал когда-то, в шутку конечно, но и предваряя самую внутреннюю суть (*или - итог?*) своего бытия здесь, на земле. Нет, к чему лукавить - написал, когда сам хотел покончить с собой: «Толпы молодых людей пойдут, проводят, весь город, все учреждения будут в трауре и печали». Ирония действительности!.. Да, нынче одна тысяча девятьсот шестьдесят седьмой год от Рождества Христова, Роден умер ровно пятьдесят лет тому, значит - в девятьсот семнадцатом. На семьдесят седьмом году...

ДОЖДЬ В ГОРОДЕ

Потом круговорот лиц ворвался в его... не сон, нет, он сознавал свои мысли и ощущал шероховатость стены, и уж, конечно, не бред, а лица были узнаваемы и отвлекли его от знаменитого француза-скульптора. Всё были знакомые лица и не всегда добрые, но и с ними он попрощался. А хотел бы он увидеть не их, нет. Ему хотелось увидеть вновь свои рисунки, картины, своих «Красных коней» и «Апофеоз...» с Ольгой Алексеевной, который он закончил-таки, хоть многое и мешало. (*«Я смотрю на всё с далёкой точки будущего...»*)

Был канун Первомая, «праздника всех трудящихся». И шёл дождь, когда Валю вызвонили из театра. Сообщили о Сергее Ивановиче: «Мы поможем, поможем... Вы как член месткома, да и уважал он вас...» Она ещё машинально отметила, что ни разу не произнесли «покойный», но всё равно говорили о нём в прошедшем времени, чего она никак ощутить не могла. Потом звонили из лечебницы, из больницы, видно, в театре дали телефон, торопили, напоминали о празднике - до него надо, мол, «забрать тело». Это всё было настолько абсурдно (*нелепо*) и никак не сопрягалось с Калмыковым, которого уж никак не представлялось возможным даже вообразить каким-то безликим «телом», что Вале долго ещё всё происходящее казалось дурной шуткой или бредом.

Сумбурно, с глазами, отуманенными жалостью, дождём, поздним сожалением, что так и не собрался никто дойти до лечебницы - «разве это успокоение: мол, скорее всего не захотел бы никого видеть или чтобы его таким видели» – она договорилась о катафалке. Да, прямо к больнице, в театре как-то не получилось... Сколько же лет он отдал этому театру?.. почти тридцать?.. (...)

Она купила простенький костюм, хоть и мелькнула-таки мысль: надо бы - как он ходил, в плаще, может, и с мольбертом или с его знаменитой сумой, чтобы сопровождали его Муза и её - Его! - пантера... Но поговорить было не с кем (*это потом объявятся «близкие друзья» и прочие «воспоминатели»...*), а в больнице насупленные служительницы холодного полутёмного помещения с пустыми металлическими столами, морга, торопили, грозили закрыться и выставить его, художника Сергея Калмыкова, «выставить тело на улицу». Она упростила таксиста, простой оказался мужик, и лестно ему, что везёт певицу в оперный театр, пусть и зарёванную! Туда и поехала – в театр, нехорошо же, что никого нет, какой-никакой автобусик бы, чтобы люди проводили... Но там никого из начальства не нашла – праздник, а таксист ходил за ней следом, ему интересно, ибо до сих пор ни разу он в оперном не был. В зале репетировал оркестр, ей вспомнилась калмыковская картина «Оркестровая яма», кто-то из них останется в этих сине-серых мазках... навсегда. Она сказала им о Калмыкове, с кем-то из них он даже общался дружески... или нет?

– Ре-пети-ция? – переспросил тот мужчина, таксист. Он даже, видно было, и не понял до конца, тугодум попался, постоял, посмотрел, ровно загнипнотизировать хотел или что-то для себя запомнить. – Артисты! Да ведь вы же люди? Или как?

(...) Они ехали назад под дождём, мотался «дворник» по стеклу, сгоняя струи воды, мотал головою таксист и всё молчал. Она что-то говорила, рассказывала о Сергее Ивановиче, он его, конечно же, видел на улицах и наверняка удивлялся, а то и вертел пальцем у виска, но теперь молчал. И когда ехал следом за катафалком, тоже всё молчал. У самого кладбища оказалась ещё одна сотрудница, она ждала с маленьким букетиком луговых фиалок, мокрым уже и будто съёжившимся, но голубая фиолетовость соцветий казалась удивительно тёплой. Мы купили ещё веночек здесь же. Тот таксист с другим водителем-шофёром помогли нам проводить его. «Хороший был (*хоть*) художник?» - спросил кто-то из них. «Очень. Он говорил, сам говорил и знал, что гениальный...». «Что ж, всё может быть» (...)

ОН БЫЛ НИЩИМ

Его лоскутные разноцветные, самошитые и размалёванные красками одежды вызывали столбняк у встречных прохожих. Батон и бутылка молока многие годы составляли его дневной рацион, зато носил он скудную пищу свою в волшебной суме с вышитой Ювелирной Чашей Созвездий, зато воздушная Муза с бегущим рядом Леопардом всюду сопровождали его на треугольном мольберте. Его все в городе знали. И все чурались. Он мог говорить несколько часов кряду непостижимые «нормальному» уму вещи, чуждые марксово-ленинскому материализму (прагматизму?) и погребённому под радужным бытом социалистическому реализму. О потоках вариационных рядов, пространственных решётках, настроении цветов и собственно цвета, сумме человеческого опыта и его взаимосвязи с космическим устройством... и ещё о многом мог говорить он часами и горячо, завораживая и заставляя оглядываться (случайных слушателей). Был зол и неопрятен, но придуманные им причудливые шокирующие одежды на полвека опередили нынешние изыски модельеров. И для него не существовало авторитетов.

Юродивый. Городской дурачок. Уличный паяц...

Умер он в последней стадии дистрофии в городской психиатрической больнице. Без друзей и наследников.

А был он самым богатым человеком в этом южном городе у сказочных гор. И, вполне вероятно, самым богатым человеком в мире. Ведь он мог себе позволить кататься на каменных атомических велосипедах с Леонардо и Микеланджело вокруг Везувия. (И был почитаем обоими, несмотря на ненависть и полное отрицание ими друг друга.) Или - улететь в Башнях-Вихрях на другую сторону Луны, где жили его знакомые мальчики-пантеры и пантеры-девочки, где танцевали прелестные многоногие крылатые девушки. И великий Моцарт играл космическую музыку на межзвёздном рояле со световыми струнами...

А ещё он был единственным создателем и владельцем огромной коллекции собственных картин, позже разошедшихся по запасникам провинциальных музеев и частным рукам.

Он был самым счастливым человеком «на Земле, в Космосе и их окрестностях». Потому что всю сознательную жизнь занимался только одним, для чего он был рождён, призван и признан Временем: занимался Искусством. Жил в нём и им, вопреки всему, вопреки тому времени, которое тикало на наших ручных часах и будильниках и гомонило в радио, вопреки обстоятельствам и общественному укладу, стремившемуся снивелировать цветовую гамму в защитный серый цвет. Живописью, графикой, архитектурой, театром, литературой, философией и пр. И пр.

СЕРГЕЙ КАЛМЫКОВ.

Имя, очень с ним созвучное, ибо соединило в себе рациональную утончённость Запада и необузданную красочность Востока. Ажурную готику логики Европы и страсть скачущих скифских коней в раскалённом ветре Азии. Красочную причудливость «Мира искусств», непредсказуемость жизненного театра и космичность фантастического предвидения.

ХУДОЖНИК.

Родился в Самарканде 19 (6-го с.с.) октября 1891 года. Крещён в православной вере. Рос и заканчивал гимназию в Оренбурге - пограничном городе Европы с Азией. Учился живописи в Санкт-Петербурге, в студии Е.Н. Званцевой (школа Бакста, Добужинского и Петрова-Водкина). И напоминал, по выражению последнего, «молодого японца, только научившегося рисовать»... Его «Красные кони», написанные «пастозно и грубо, как у древних скифов» были представлены в школе за год до известного «Купания красного коня», на котором для мальчика со знаменем позировал, кстати, он.

Он не стал ни «заслуженным», ни «народным», хотя его декорациям в Опере рукоплескали, едва открывался занавес. Впрочем, его фамилия редко значилась в афишах.

Он и не мог быть облечён подобными званиями!

Он: «Гений 1 ранга Междупланетной категории, Магистр цветной геометрии, Гроссмейстер волнистых линий и линейных искусств, самый элегантный мужчина Земного шара, Великий, Наивный и Совершенный» - Сергей Калмыков!

Перебивавшийся ремеслом копииста и не продавший за свою жизнь ни одной собственной картины (и несть подобным судьбам гениев числа)...

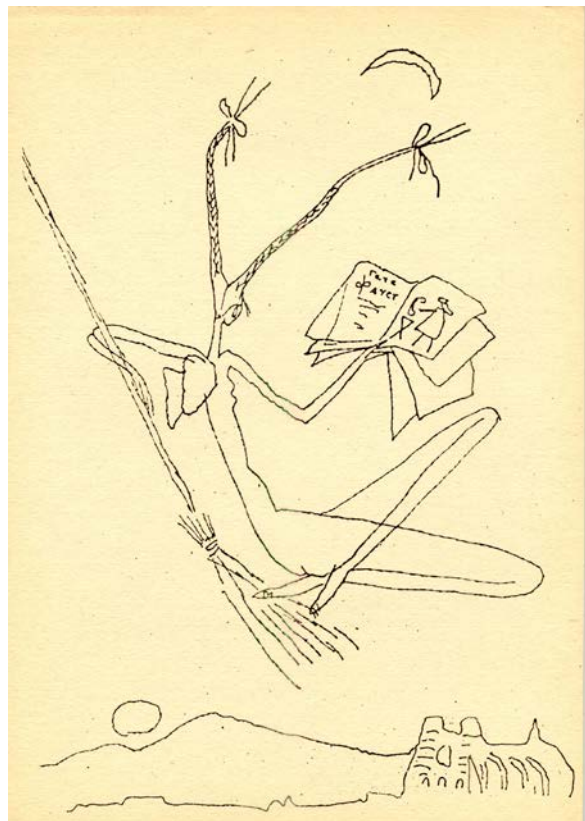
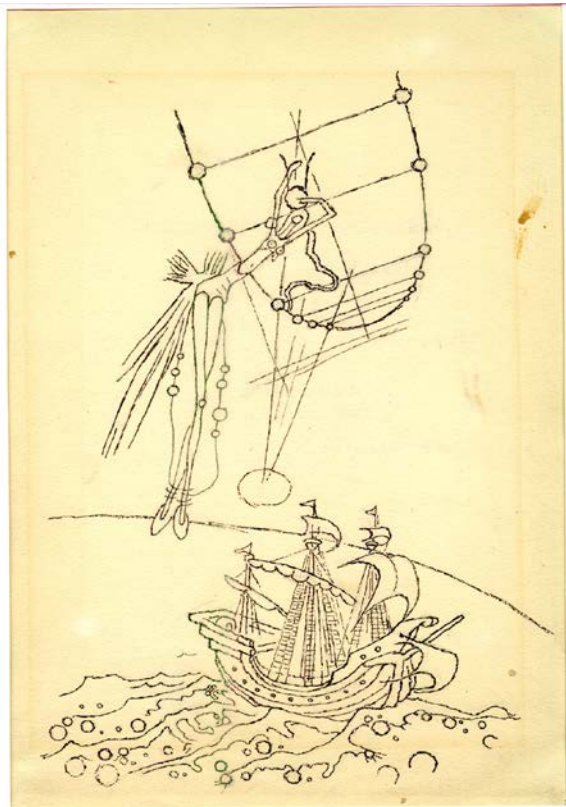
Умер в полном одиночестве, без своей школы и учеников (как, впрочем, любимый им Леонардо) - ибо им начинался и заканчивался путь собственных поисков. Но в Искусстве «ничего не начинается нами и ничего не кончается после нас». Как и в Духе... Фантазёр и мечтатель, который жил в своём реальнейшем межзвёздном мире лунных джазов и крылатых красавиц. И провожала его одна женщина, певица оперного театра, которую он не успел написать.

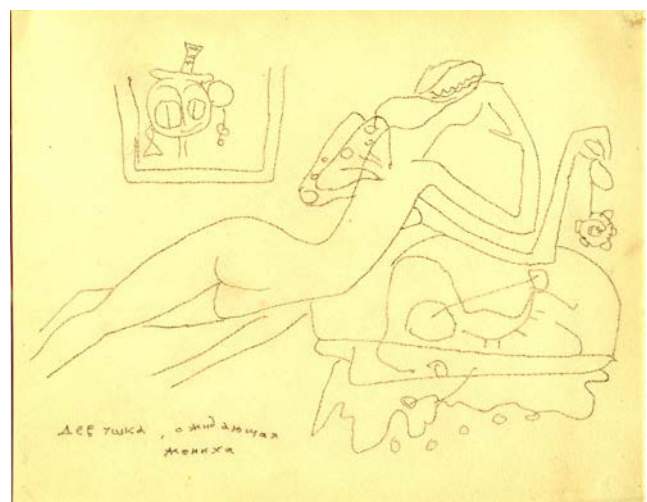
Ни на одном из кладбищ города теперь не найти его могилы...

«Из глубин Вселенной смотрят миллионы глаз. И что они видят! Ползёт и ползёт по Земле какая-то скучная одноцветная серая масса... И вдруг - как выстрел - яркое красочное пятно: ЭТО Я ВЫШЕЛ НА УЛИЦУ!»...

P.S. Сергей Иванович Калмыков (1991-1967)

Почти тридцать лет был художником-исполнителем оперного театра в Алма-Ате. Настоящая известность пришла после смерти. Прошёл через весь роман Юрия Домбровского «Факультет ненужных вещей» (первая публикация – Париж, 1977 г.), снят фильм «Это Я вышел на улицу!» (сценарий В.К.), выпущены несколько альбомов, Большая выставка в Пушкинском музее искусств (Москва, 2006 г.), картины объявлены народным достоянием Казахстана, хотя первая посмертная выставка в 1969 году в Алма-Ате была через неделю со скандалом закрыта. Следующая с триумфом открылась лишь в 1989 г.

Молодые авторы

Сергей Белаяр

Родился в Бресте в 1978 году. В 2003-м с отличием окончил Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина. В мае 2011 года занял третье место в номинации «Малая проза» в Брестском областном конкурсе «Мы рождены для вдохновения» (с рассказом «Спам»). В декабре 2011 года занял второе место в литературном конкурсе фантастических рассказов издательства «Новая реальность» (Москва, Россия). В марте 2014 года занял первое место в литературном конкурсе фантастических рассказов издательства «Новая реальность» (Москва, Россия). Печатался в журналах «Верасень» (Минск, Беларусь), «Юный техник» (Москва, Россия), «Маладосць» (Минск, Беларусь), «Вокзал» (Санкт-Петербург, Россия); альманахах «Жырандоля» (Брест, Беларусь), «Своя стихия» (Брест, Беларусь); сборниках «Достучаться до звёзд» (Москва, Россия), «Кахаць і верыць» (Минск, Беларусь), «Место под звёздами» (Москва, Россия); газете «Літаратурная Беларусь» (Минск, Беларусь); еженедельнике «Літаратура і мастацтва» (Минск, Беларусь).

ОТРАБОТКА

Фантастический рассказ

Леопольд Дементей, выпускник ПТУ космического дирижаблестроения и золотой медалист, выдохнул и решительно толкнул двери. Дементей переполняло желание как можно скорее применить полученные знания на практике.

- Стой! Куда прёшь? – встретили Леопольда вохровцы, в сравнении с которыми Николай Валуев казался шестимесячным ребёнком. Свирепые завод-терьеры оскалились.

- По распределению! – с гордостью ответил Дементей.

- Пять долларов за вход!

Леопольд пожал плечами и отдал эквивалент полугодовой стипендии начальнику охраны. Давно не крашенный шлагбаум с жутким скрипом поднялся.

Дементей миновал проходную и двинулся к кабинету начальника цеха, с интересом поглядывая по сторонам, ведь в ближайшие десять лет электроламповый завод должен стать его вторым домом.

Сразу за проходной висела доска почёта. Из сотни фотографий на девяност девяти был запечатлён руководитель предприятия, на одной – Сам. У директора были вороватые глаза и шесть подбородков.

- Прочь с дороги! – оттолкнула зазевавшегося Леопольда побитая жизнью женщина в несвежем халате.

- Это кто?

- Мастер Тупило, - объяснил проходивший мимо эльф, - в магазин рванула, халву завезли! Мой тебе совет: не становись между Манькой и едой!..

Дементей поблагодарил и последовал дальше, стараясь не ступить в ямы, кои во множестве покрывали пол. По обе стороны освещённого единственным керосиновым фонарём коридора высились поддоны с лампой. Слой пыли на коробках превышал шесть сантиметров.

Пройдя полсотни метров, Леопольд наткнулся на завал, перед которым дымила самокрутками дюжина орков.

- Здорово, мужики! Как мне к Дягилю попасть?

- Иди в обход! Вернёшься, у библиотеки свернёшь налево, мимо столовой и склада.

- Что тут у вас, если не секрет?

- На завод привезли новое оборудование, однако оно не подходит по габаритам, вот директор и приказал ломать стены!.. Поглядывай вверх – как бы кровля на башку не обвалилась!

- А может? – ужаснулся Дементей.

- Легко, если ремонт делают те, у кого руки растут не из того места!

- Не проще было бы пригласить профессионалов?

- Они стоят денег, а их на заводе нет – надо же содержать администрацию! Знаешь, сколько у директора замов?.. Восемьдесят три! В прошлом году получили госкредит, вот только потратили деньги не на ремонт, а на бонусы руководству.

- А с прибыли нельзя взять?

Орки хохотали не меньше часа.

- Какая прибыль? Наша продукция неконкурентоспособна! Хочешь знать, с какого года у нас линии?.. Получены как репарации с Германии после Первой мировой войны!

- Да ну!.. Чего не выбросить их на свалку и не купить новые?

- И оставить администрацию без премии? Директор на это не пойдёт!

В смешанных чувствах Леопольд двинулся дальше.

Двери библиотеки оказались крест-накрест заколочены досками, и это вызвало у Дементя недоумение. А так как спросить было не у кого, пришлось отложить вопрос на потом.

Библиотеку и столовую разделяли несколько сотен метров. Коридор был настолько плотно заставлен поддонами, что пройти, вернее, протискиваться, получалось с огромным трудом.

В проходе Леопольд столкнулся с любимцем всего завода Сан Санычем. Поросёнок играл сам с собой в гексагональные шахматы и одновременно решал уравнение Янга – Миллса.

- Партийку?

- Тороплюсь к Дягилю!

- И сколько Вам обещали, если не секрет? – Дементей назвал цифры. Сан Саныч от удивления выронил золотой паркер. – Безбожно врут! Будете получать три цента в день при условии работы сверхурочно и по выходным!

- Но в отделе кадров мне сказали, что мне дадут тысячу долларов!

- Мне жаль Вас разочаровывать, молодой человек! Тысячу долларов не получают даже специалисты шестого разряда с тридцатипятилетним стажем работы! Приготовьтесь работать от зари до зари и довольствоваться грошами! Десять лет обязательной отработки, а затем двадцать пять лет контракта, который ничем не отличается от кабалы. И никакого Юрьева дня! Крепитесь!.. За складом направо! Извольте партийку – всегда рад! А может, появится желание обсудить комедии Аристофана или творчество Вагнера?

Пройдя дюжину метров, Дементей вернулся.

- Не скажете, почему закрыта библиотека?

- Никто не хочет читать резолюции и решения съездов, конференций и пленумов ЦК КПСС, сочинения Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина и Мао Цзэдуна, поэтические сборники вьетнамских крестьян и философские работы зимбабвийских пастухов! Когда-то имелась подшивка «Пионера Гондураса», однако её растащили, поскольку всю туалетную бумагу отправили в Венесуэлу в рамках помощи братскому народу!

- Понятно!

За складом Леопольд повернул направо и едва был не сбит гоблинами с носилками, на которых лежала мумия. При внимательном рассмотрении оказалось, что это – человек. На то, что он жив, указывало слабое шевеление обгоревших усов и едва слышная ругань.

Гоблинов сопровождал невысокого роста толстячок в белом халате, с картонной коробкой, по боку которой шла крупная надпись «Анальгин».

- Новичок?.. Фельдшер-проктолог Таблеткин! Излечу от любой болезни с помощью анальгинотерапии!

- Это что ещё за новое направление в медицине?

- Нет такой болезни, которую не мог бы вылечить анальгин!.. Прошу меня простить – Дягилю требуется срочная помощь!

- Что-то серьёзное?

- Встреча с Тупило! После каждой из них Дягиль попадает ко мне!.. В ближайшую неделю он Вас точно не примет!

- Но у меня направление!

- Обратитесь к Толстолобику! Это заместитель Дягиля!

- А как мне его найти?

- В столовой, - глянув на часы, ответил Таблеткин и поспешил за гоблинами.

- В столовой? – было начало десятого.

Пришлось возвращаться.

Дементей спасло то, что он не успел близко подойти к двери. Створки с грохотом распахнулись, и из столовой, держа в охапке гигантский пакет с булочками, выскочила Тупило.

Леопольд был вынужден отпрыгнуть.

Войдя в столовую, Дементей посетовал на то, что не додумался справиться, как выглядит Толстолобик. Искать заместителя Дягиля не пришлось – в столовой сидел лишь один человек. Уткнувшись в смартфон, он вяло ковырял вилкой чёрную икру.

- Простите! – ответной реакции не последовало. – Прощу прощения!

Толстолобик недовольно оторвался от смартфона только после того, как Леопольд грохнул о пол поднос.

- Я на отработку!

- Иди к мастерам! – Толстолобик снова вперился в смартфон.

Цех по производству ламп общего назначения Дементей нашёл по указателям. В цеху было жарко – Леопольд мгновенно вспотел. Двигаясь по стрелкам, Дементей дошёл до кабинета и поморщился – уже за несколько метров сбивал с ног спиртовой дух.

В кабинете, свернувшись на столе, храпел небритый мужик в рваной рубашке и мокрых штанах. Он почему-то был лишь в одном ботинке.

В попытках разбудить мужика с Леопольда сошло семь потов.

- Зря стараетесь! – в кабинете появился Сан Саныч. – Баран пребывает в обычном для него состоянии алкогольного опьянения!

- Чего же его тогда мастером держат?

- Сия тайна велика есть! – поросёнок сгрузил чертежи на стол.

- А другие мастера имеются?

- Тупило в буфете, а Фатима бегаёт по цеху, торгуя косметикой!

- Что же мне делать? – Дементей был близок к отчаянию.

- Идите на любую линию – везде некомплект! Все уехали к соседям на заработки!

- А меня примут?

- Можете не сомневаться! – Сан Саныч проводил Леопольда к ближайшей линии.

- Здесь всегда так жарко? – Дементей смахнул пот. По ощущениям было больше пятидесяти градусов.

- Разве это жара? Настоящая жара начнётся летом!.. Молодой специалист, э...

- Леопольд Дементей!

- Леопольд Дементей! Бригадир Горлум! Ни денег, ни связей, моя прелесть?

- Не совсем Вас понимаю!

- Что тут непонятного, моя прелесть? Попал на завод, ибо некому было пристроить тебя на тёплое место, а денег на взятку не имел. Так?.. Так!.. Да не пугайся ты так – этот ... поршень постоянно отваливается! Сейчас всё исправлю!

Не выключая линии, Горлум принялся за ремонт.

Дементей смотрел на бригадира широко открытыми от ужаса глазами – Горлум чинил заварочный автомат при помощи лома, трёхэтажного мата и кувалды. Чугунная станина так и ходила ходуном.

- Разве так правильно?!

- По-другому нельзя – выключишь линию, не сделаешь плана, а не сделаешь плана, не получишь зарплату! А план у нас повышается каждый месяц!.. ... ж ..., опять рука отвалилась!

От каждого удара Леопольд вздрагивал.

- Советую купить спальный мешок – пригодится, когда останешься на заводе после ремонта!

- А разве его делают не слесаря?

- На весь завод осталось лишь двое, моя прелесть. Да и те – пенсионеры! Так что и текущий, и капитальный ремонт будешь делать сам!

- А запчасти хоть есть?

- Да откуда им взяться при хронической нехватке денег?.. Будешь покупать за свои и использовать старые. Потом напомнишь мне, моя прелесть, чтобы я показал тебе, где находится свалка!

- Хорошо! – кивнул Дементей и подпрыгнул на месте, когда на пол грохнулся чан с мастикой.

Линия напоминала огромного сказочного монстра. Рассыпающегося от старости и извергающего огонь из всех щелей. Стоять рядом дольше минуты было невозможно.

- Вытяжки старые, ещё со времён Александра I, работают только раз в год, когда приезжает комиссия из столицы! Всё остальное время обливаемся водой!

Между шкафчиками стояла ржавая бочка на двести пятьдесят литров.

- Туалет напоминает Сталинград в сорок третьем. К нам даже приезжал Спилберг. Сказал, лучших декораций для фильма о постапокалипсисе не найти!.. Да что ты будешь делать?.. Ну-ка, подсоби, моя прелесть!

После очередного ремонта руки Леопольда были чёрными от грязи.

- Нет времени на обслуживание – красим прямо по грязи!.. Давай полью! – мыло не отличалось от камня. – Будешь ходить по цеху, не наступи в навоз!

- У вас и лошади есть?

- И лошади, и слоны! Кто, по-твоему, тащит конвейер? Как сгорел электромотор, так и пользуемся животными! Ещё у нас есть восьмиголовый дракон Ямата-но ороги – тот возит на тележке лампу!

- Но ведь для этого есть кары!

- Своё они давно отъездили, а новые купить нет денег, моя прелесть!

- А это что, АЭС?

- На каждой линии. Что поделаешь – энергоёмкое производство!

- Совсем никаких новых технологий?

- Ну, почему же? Есть!.. Вот у Толстолобика, например, смартфон самой последней модели – в два раза больше всего нашего завода стоит! – Дементей схватился за голову. – То, что доходит до нас, датируется серединой двадцатого века. Там, где на современном оборудовании работает один человек, у нас – восемь-десять.

- Это же экономически невыгодно!

- Экономически может и невыгодно, но с политической точки зрения всё тип-топ – у нас же социально ориентированное государство, моя прелесть! Государство для народа!.. Можно подумать, что остальные не для людей...

- Подскажите, где взять книги?

- Будешь изучать на ходу! Все так учились!

С хлопками, напоминавшими очередь из пулемёта, повывлетали горелки – Горлуму и Дементю пришлось приделывать их на место.

- И будет держаться на скотче?

- Так ползавода на этом самом скотче держится!.. Берегись!

Леопольд отскочил. Вовремя – огромный кусок штукатурки грохнулся об пол в том месте, где только что стоял Дементей.

- И когда они только починят эту ... крышу?.. На чём я остановился, моя прелесть?

- Вы говорили о скотче!

- Величайшее изобретение, моя прелесть! Благодаря нему наша промышленность ещё как-то остаётся на плаву!.. Обед – десять минут, в душевую можешь не ходить – вода там всегда цвета чая, любой объект найдёшь по указателям!

- Хорошо придумали!

- Стрелки развесили из-за Тупило – она уже пятнадцать лет на заводе, а никак не может запомнить, что где находится! Как-то раз заблудилась – три дня искали! После того случая её родственник и распорядился повесить повсюду указатели.

- Она действительно такая... недалёкая?

Горлум забил кувалдой болт и ответил:

- В тридцать два года заочно закончила ПТУ полотёров.

- Кто же её поставил мастером?

- Родственник, моя прелесть, кто же ещё? Толстолобик здесь благодаря знакомству с сыном директора, Фатима прогнулась перед одним из замов директора. Лишь Дягиль из низов... Баран пошёл за добавкой!

- Часто пьёт?

- Его никто никогда не видел трезвым!.. Спецовку лучше купи на рынке – наши как будто с расстрелянного каторжника сняли. Да и пошиты они из ... материала – летом в них жарко, зимой – околеть можно. Живём девятнадцатым веком!

С каждым словом Дементей всё больше мрачнел.

- Запасись валерьянкой – не всякий выдержит общение с начальством. Глупость, абсолютная профнепригодность при дико завышенной самооценке и наплеватьство по отношению к другим!

- У меня нервы крепкие!

- У меня они тоже были железными, пока я не проработал на заводе полгода, моя прелесть! Теперь вот пью валерьянку литрами! – словно бы в доказательство своих слов Горлум вытащил из шкафчика трёхлитровую банку и надолго приложился к ней. – ... ..! Текучка кадров на заводе жуткая – если бы не пенсионеры, молодые специалисты и ярхи с Сириуса, завод давно накрылся б медным тазом!

- Зарубежные специалисты? Это же хорошо – можно обменяться опытом и идеями!

- Держи карман шире! По-нашему они ни бум-бум!

- Как же вы с ними общаетесь?

- Был толмач – да спился. Вот и приходится объясняться на пальцах!.. Вижу, парень ты неглупый. Вот тебе парадокс: ярхи с Сириуса при равной квалификации с заводскими получают в сорок раз больше! Где ещё такое возможно?

Леопольд пожал плечами. Первоначальное воодушевление и энтузиазм схлынули как отлив.

- Директор распродал большую часть завода, но никто не снимает его с должности и не садит в тюрьму! Да что бы будешь делать?!

В последующий час Горлум и Дементей занимались сваркой, ковкой и резьбой. Не прошло и двадцати минут, как линия снова сломалась.

- Чего стоим?! Давно на конюшне не пороли?!

- Сломались, Марина Николаевна! – ответил Горлум, орудуя ключом на пятьдесят восемь.

- Чтобы через пять минут линия работала, не то лишу премии на пять лет вперёд!

- ...! Если не в столовой или магазине, то у своего ...! Опять к нему побежала! И стыда у них нет! – Горлум зло сплюнул. – С начальством не спорь – всё равно ничего не докажешь. С проблемами лучше иди ко мне – администрации на тебя ...! Зарплату будешь получать по карточке, однако не забывай каждый месяц откладывать деньги на платёж за право работать на заводе, за дармоедов, в фонд мира и добра, а также для уплаты налога за возможность дышать воздухом.

- Дармоеды – это кто?

- Профсоюз, моя прелесть! Совершенно ничего не делают для защиты интересов трудящихся! Была бы моя воля, разогнал к ... матери!.. Приблуди резиновые сапоги – как дождь, так завод затопляет. Ливневые стоки не чистили, наверное, лет сто!.. Как пожар – лучше убегай подальше, у нас огнетушители – сплошь китайские, срабатывают один через сто. Да что за день такой?

Линия вновь вышла из строя.

- ... .., ...!

С ремонтом, едва держась на ногах от усталости, закончили через три часа.

- Талоны на молоко будешь покупать у Барана. Толстолобика обходи стороной – он любит раздавать idiotские поручения, Фатиму не бойся – ей нет никакого дела до цеха, от Тупило прячь еду! Сан Саныча не обижай – он тут единственный, у кого есть мозги. И не вешай нос – десять лет пролетят как один день, даже не заметишь!.. Эй, кто-нибудь, позовите Таблеткина – человеку плохо!

Литературные пародии

Светлана Супрунова

Родилась в 1960 году во Львове. После окончания Ленинградского медицинского училища работала медсестрой в хирургическом отделении Нестеровской районной больницы Львовской области. В 1985 году по направлению военкомата уехала в Афганистан, в медсанбат провинции Баграм. Вернувшись через три года, поступила в Калининградский государственный университет на филологический факультет, параллельно училась в Литературном институте им. М. Горького на заочном отделении. С 1995 по 2000 год проходила воинскую службу в Таджикистане, затем девять лет работала старшим литературным редактором в издательстве «Янтарный сказ» (Калининград), сейчас – начальник редакции научного журнала Калининградского государственного технического университета. Печаталась в отечественных и зарубежных бумажных и интернет-изданиях, лауреат многих международных конкурсов. Член Союза писателей России, автор четырёх поэтических сборников. Живёт в Калининграде.

Превосходство

*Когда, раздвинув остріём поленья,
Наружу выйдет лезвие огня,
И наваждение стихосложенья
Издали накатит на меня...
Я вспоминаю лепет Пастернака.*

(Сергей Гандлевский)

*Когда свой томик трепетно беру
И с ним ложусь в тенёк под куст малины,
То вспоминаю всякую муру –
Сюсюканье Цветаевой Марины.*

*Когда автограф с важностью даю
И еду на побывку в Комарово,
То вспоминаю, как галиматью,
Сухое бормотанье Льва Толстого.*

*Когда на свадьбе через тёмный сад
До ветру будем бегать мы, слабея,
То мы поймём, что пили суррогат,
И вспомним стих Гандлевского Сергея.*

Гастрономическая география

*Я бы в Томске томился,
В Туруханске стухнул,
На окно бы косился,
Опустившись на стул.*

(Александр Кушнер)

*Города изучаю
И жую беляши.
Я в Сахаре бы чаю
Насластил от души.*

*Съем я в Тете тетерю,
Выпью в Були бульон,
Я по атласу сверю
Свой дневной рацион.*

*В Гусь-Хрустальном румяный
Будет ждать меня гусь,
Я на стул, словно пьяный,
Тяжело опущусь.*

*Съев в Салайне салаку,
По стихам загрузу,
А пока Титикаку
Я на карте ищу.*

Предвидя последствия

*Я с гениями водку не пила
И близко их к себе не подпускала.*

(Юнна Мориц)

*Буря мглою небо крыла,
И менялась я в лице.
Как-то было мне уныло,
Вижу: Пушкин на крыльце.
«Вот закуска, вот чекушка, –
Достаёт пакет поэт, –
Выпьем, Юнна, где же кружка?»
Отвечаю: «Кружки нет.
Кстати, пью я из стакана,
А по правде, дорогой,
Не могу я пить так рано,
А тем более – с тобой.
Это, Саша, очень важно,
Выпью, ты опять нальёшь,*

С вами, гениями, страшно:
Приставать ещё начнёшь.
Увлечусь, с собой не лада,
Вы-то встали – и ушли,
На живот большой мой глядя,
Что да скажет Натали?»

Начитавшись классиков

*Я бы мог, наверно, жить иначе.
Будто лёд, кремнистый путь блестит.
Не жалею, не зову, не плачу –
И звезда с звездой говорит.*

(Лев Котюков)

Выхожу один я на дорогу,
Пишется неплохо при луне.
Допишусь до книги понемногу.
Дай же, Джим, на счастье лапу мне!

Вроде бы зима, – а дождь и слякоть,
Прячу шею в тёплое кашне.
Ох, февраль! Достать чернил и плакать,
Вспомнив Гюльчатай и Шаганэ.

Молния ударила, сверкая,
Но её в стихах не восхваляю.
Я люблю грозу в начале мая,
А зимой, поверьте, не люблю.

А ещё, друзья, люблю культуру,
Только книг приличных не достать.
То-то и печатают халтуру,
Что умом Россию не понять.

Муки творчества

*Всё мир я спасаю, всё духом скорблю.
Как сбросить мне эту обузу?
Я каждую ночь своим сердцем кормлю
Свою сумасшедшую музу.*

(Николай Зиновьев)

Тревожные мысли по кругу неслись,
На глобусе выцвели краски.
Спасительных строчек, поди, заждались
В Гвинее, Мали, на Аляске.

Я грыз карандаш, я зачёркивал вздор,
Но Муза явилась – о чудо!
И, видя голодный, блуждающий взор,
Я выложил сердце на блюдо,

Печёнку, кишечника пару мотков,
Отрезана правая почка.
И вот не осталось уже потрохов,
А только одна оболочка.

И гладила Муза свой круглый живот,
Мне с хищницей не было сладу,
И чтобы её подзадорить на взлёт,
Я Музу пошлёпал по заду.

Она натянула короткий подол,
Взмахнула крылами, зарделась –
И рухнула тут же на письменный стол:
«Прости меня, Коля, объелась!».

Неожиданность

*Благодаря гашишу
Я всё прекрасно вижу:
И Дельвига во фраке, и Гоголя в плаще,
И Царскую деревню,
И Анну-свет-Андревну,
И маленьких каких-то, бесцветных вообще.*

(Виктор Брюховецкий)

Как накурюсь гашишу,
Такое, братцы, вижу!
Вон Кушнер в панталонах и в чепчике Эсхил,
Мережка без корсета,
На поприще поэта
Державин, в камилавке *, меня благословил.

А книг моих-то – тыщи,
И не тома – томищи!
Ни критики, ни бури мне не страшны теперь.
Иду уже смелее,
Передо мной, в ливрее,
Сам Александр Сергеич распахивает дверь.

Наутро я в тревоге:
Стою в трусах, без тоги,
Со шприцем и в халате какой-то изувер.
Где фраки и манишки?
Всё странные людишки,
И вывеска огромная: «Наркодиспансер».

* Головной убор священника

Кошмары

*Женщины, которых разлюбил,
Мне порою грезятся ночами,
С робкими и верными очами –
Женщины, которых разлюбил.*

***

*Женщины, которых разлюбил,
Мне зачем-то изредка звонили...*

(Анатолий Аврутин)

Вспоминаю Краснодар и Клин,
Видел всё от края и до края.
Кто не знает – Родина большая,
Как поэт скажу и гражданин.

То Тува, то Коми, так и жил,
Но звонили изредка в печали,
Плакали и даже угрожали
Женщины, которых разлюбил.

Всё виденья, белый свет не мил,
Ну, а мысли – можно ужаснуться:
Вдруг возьмут да вместе соберутся
Женщины, которых разлюбил?

И тогда уже не до утех,
Отвернусь, пожалуй, на арапа.
Лес головок, каждый скажет «папа».
Хватит алиментов ли на всех?

Провидица

*Лет через двести, максимум – через триста
Мир на Земле изменится несказанно:
Переведутся лётчики, машинисты,
Звёзды уйдут на небо с телеэкранов...*

(Вероника Сенькина)

Я подсчитала: через триста лет
Не будет ни тарелок, ни стаканов,
Маразм рекламы, ну, и прочий бред
Исчезнут навсегда с телеэкранов.

Колдуньи, маги улетят во мрак,
Как будто в высь, но главное не это –
От «Дома-2» и Ксении Собчак
Вот отдохнёт уставшая планета!

Сквозь дырку в шаре вытечет вода,
И росы испарятся, и туманы,
Поэтов бестолковая орда
Переведётся, словно тараканы.

О, времена великие грядут!
Земля по тишине истосковалась,
И если пародисты не уйдут,
То это значит – я пока осталась.

Умереть послезавтра

*И всё-таки в борьбе за Слово
Не важно, как я назовусь,
Но важно, что воскресну снова
И воскресну с собою Русь.*

*Не умру ни сегодня, ни завтра, –
Ещё долго я буду любить,*

(Иван Переверзин)

Не умру ни сегодня, ни завтра,
Календарной страничкой шуршу.
Я, пожалуй, умру послезавтра,
Только эти стихи допишу.

Умереть мне несколько не страшно,
Ну, подумаешь, жил среди людей!
Слёзы, сопли – всё это не важно,
Что воскресну – вот это важней.

Как положено, шапки снимите,
Помяните меня среди берёз,
Называйте уже как хотите,
Можно ласково: Ваня Христос.

Потоп

*И этот плавный лёгкий взлёт
вовек продлится над
тем, что бежит, летит, течёт
с восхода на закат.*

(Марина Струкова)

Ну, до чего унылый вид,
и что-то – просто страх –
уж не летит и не парит
в суровых небесах.

Вода лилась, стекала вниз
и становилась злей,
а также появлялась из-
под вековых корней.

Она бежит который день,
бурлит и бьётся об.
Затоplen сад, снесло плетень,
считай, второй потоп.

Вон жук пускает пузыри,
накрыло лопухи.
Не тонут ну никак Мари-
ны Струковой стихи.

Переводы

Кшиштоф Дариуш Шатравский

Кшиштоф Шатравский – профессор Варминско-Мазурского университета в Ольштыне, поэт, прозаик, переводчик, музыкальный и литературный критик, возглавляет Ольштынское отделение Союза писателей Польши. Родился в 1961 году в Кенцишине, автор поэтических сборников «Послание последнего из эпигонов», «24 часа смерти», «Графические стихи», «Так тихо поет полночь», «Песни любви и разлуки»; прозаических сборников «Реквием богатырю», «Отъезд»; ряда сборников научных работ, посвященных истории и культуре Вармии и Мазур.

Альбатрос

Каждое утро я умываюсь светом,
Тело моё обретает пространство
первозданного Океана
И одним взмахом крыльев охватывает
Шелковисто-зелёные земли.
Они, как скопище водорослей, которые
Покрывают дно лодки, посаженной на цепь
В узком канале старого порта.
И вот я становлюсь внезапным, как слово,
Таким же солнечным, как слово, и первозданным, как оно.
Но, к сожалению, на нашей планете существуют и хищники,
И с ними я разделяю последнюю вечерю своего тела.

Как нежно поёт полночь...

Как нежно поёт полночь,
Как тихо плачет к полям приникшая тьма,
Холодный ветер шелестит ворохом неутолённых желаний,
И манит к себе тайна безграничных пространств.
Широко и раскованно текут воды подземных рек,
Грядущий день дарует нам новые надежды,
Призывно распаивает двери нашего дома,
Куда мы так страстно желаем вернуться.
И вновь шелестит северный ветер.
В книге вечных заклинаний он читает наши имена,
Имена забытых нами предков и пока неизвестные миру имена наших детей.
И всегда будет с нами тот мерцающий свет в конце дороги,
По которой мы идём, взявшись за руки, от поколения к поколению...

***

Спокойно, ещё ничего не случилось.
Только леса затаились от зноя.
И у дороги всё круче изгибы.
А время, что так безоглядно растратил,
В Шобруке, на кладбище, вдруг отыскал.
Где-то весны костры догорают,
Дымом последней горечи полдень набух.
Знаю, что время – обман. Его могло бы не быть.
Но если всё-таки есть, то условно —

Как форма клеток простейших и духа.
Думаю — это действительно так...
Двигается транспорт с черепицей молчащей,
Моторы устало глотают похожую на гной нефть,
И невыносимо сладким становится дым сигареты.

Песня

Одна за другой пробегают минуты, а мы стремимся
Понять суть нашей тревоги:
Вот старое, но всё ещё не забытое кладбище,
Катафалк медленно движется к деревьям, что растут на
Вершине холма.
А может быть, первый снег, расколотое небо и рассыпанная
В свободном полёте стая журавлей?
Нет, видимо, дело в ступенях, которые осторожно огибает дорога.
Взор привлекает нечёткий контур посреди мокрых листьев,
И, как бы пронизывая всё видимое, звучит старая песня,
напеваемая тихим, приглушённым голосом,
Который словно прорывается через кем-то сдавленное горло.
Всё так обычно, и, видимо, поэтому трудно подыскать слова,
определяющие охватившее нас беспокойство.
Но нет, слова, хотя и неуверенно, высовываются между страниц —
Им пришло время. Пришло время и нам преклонить колени.
И оно, это время, всё настойчивее заявляет о себе, всё чаще
Напоминает нам о своей истинной природе, о природе Всебытия.

Книга Пророков

И открыл я Книгу Пророков,
Моя жизнь проплывала по её страницам,
Она представлялась мне тёмной водой в колодце,
Которую я, как ни старался, никак не мог вычерпать.
Вода говорила языком прошлого,
Её пили чужие люди и прирученные звери.
Их счастливые голоса я слышал даже во сне...
А я всё черпал, погружая в воду лицо и ладони,
Черпал и пил тёмную, поющую различными голосами ночь,
Но я не мог утолить жажды, страдал за них, моих близких,
Чувствуя во всём, что происходит, свою собственную вину.
И я пребывал во мраке, пока не запела ночь,
Воскрешая заветные слова забытого языка.

Осень

Не хочу говорить об осени, о жёлто-багряных листьях
И сонно пахнущем воздухе.
Проходя через мост, я невольно поспешно отвожу свои мысли от воды,
Несущей куда-то опавшие листья.
Они, как дрожащий, мерцающий фон.
Ветер терзает дым сигареты, отбрасывает твои волосы,
Открывая розовый лепесток уха.
Воздух словно пронизан тоской.
Над рынком кружат ненасытные голуби...
Но мы сумеем продолжить нашу прогулку,
Сумеем обрести не охваченный осенью оазис.

Однако иссякли слова, надежды, желанья.
За твоей спиной волнуется автобус,
За зеркальными окнами толкуются неясные силуэты.
Ах! Пора возвращаться в осеннюю мглу,
В запах сырых, неуютных кварталов.
Нет, я не против осени, даже к запаху тленья могу привыкнуть.
Но когда ты смятенно стоишь между мной и автобусом,
Осень навязчиво вторгается в наши мысли,
Облекая их лишь в свойственные ей созвучия.
А город несётся в никуда, словно испуганный свистом отходящего поезда.
О, как тревожно и бесприютно в мире...

В моём родимом доме, отчем доме...

В моём родимом доме, отчем доме
Ох, как давно живут чужие люди!
А с ними их несчастья и тревоги.
В моём родимом доме, отчем доме
Ветшает мебель, пахнет нафталином,
И телевизор не манит огнями.
В моём родимом доме, отчем доме
Давно забыт вкус истинного хлеба и вкус борща.
Блины лишь иногда ленивые скворчат.
За окнами поскрипывает ива, и одиноко воет старый пес,
Когда над садом ласточки парят.
Но чаще тишина... Как тишина гнетёт,
Вливаясь в хлопотливое молчанье хозяев новых,
В нём запах табака и запах пыли.
Не зная ни начала, ни конца, как сердце сиротливое забилося.

Рефрен

Внезапно кончился сентябрь.
Гаснет его последняя ночь,
Как гаснут голоса уходящих в море рыбацких катеров.
После долгого изнурительного шторма не слышно даже чаек,
И дышит водорослями холодный прибрежный воздух.
Перед всевластием тишины постепенно смолкают ненужные беседы.
Тишина охватывает их, как охватывает огонь
Свиток брошенных в камин старых писем.
И в эту последнюю сентябрьскую ночь я покидаю родные места,
Покидаю с болью. Что ни шаг, оглядываюсь назад,
Рассеянно спотыкаюсь на неровном тротуаре.
Но никто не обращает внимания на одинокого путника, никто не зовёт
И никто не стремится удержать его.
Дремлют предметы, как будто ставшие на якорь
В отведённых им нишах пространства,
Дремлют, как чёрные коты, утонувшие в мягкости старинных кресел,
Дремлют, как правда, которая неумолимо погружается в Небытие,
Становясь недостижимой для мира людей и событий,
Совершаемых в этом мире...

***

Неустанно движемся в Неизвестность.
Озёра, встречающиеся на нашем пути,
Своим мерным колыханьем словно призывают ко сну,
Где-то в поднебесье шатром смыкаются леса,
И скрипит взметнувшийся вверх шлагбаум.
Вместе с нами несётся дорога, круто преодолевая все преграды,
Пронизывая даже стены встречных домов,
И вот они также устремляются в Неизвестность,
Им так хорошо в этом неизбежном движенье.
За окнами клубятся зимы и лета...
И крепнет вера в смысл происходящего.
Под аккомпанемент звонко-нежного пения птиц
Бесшумно пролетают часы и дни,
Свободный полёт их нам неподвластен.
Слова умирают стремительней, чем мысли.
Смерть... Остановить её приближенье мы также не можем,
Не можем... А в сущности, и не желаем.

Перевод с польского на русский язык Розы Васильевны Алимпиевой - профессора кафедры исторического языкознания, зарубежной филологии и документоведения БФУ имени И. Канта,

Юбилейные даты

Лидия Довыденко

ТЁРКИНСКИЕ ЧТЕНИЯ-2014 И ЗНАМЯ ПОБЕДЫ

*Тёркин, Тёркин, в самом деле,
Час настал, войне отбой.
И как будто устарели
Тотчас оба мы с тобой.*

*И как будто оглушённый
В наступившей тишине,
Смолкнул я, певец смущённый,
Петь привыкший на войне, -*

так писал Александр Твардовский в заключительной части всенародно любимой поэмы «Василий Тёркин», поставив точку в ней в восточно-прусском городке Тапиау – с 1946 года городе Гвардейске Калининградской области - в майскую победную ночь 1945 года. «...И на руинах Тапиау закончил книгу про бойца», - вспоминал поэт. В автобиографии Александр Трифонович писал: «Книга про бойца» в годы войны была для меня истинным счастьем: она дала мне ощущение очевидной полезности моего труда... «Тёркин» был для меня... моей лирикой, моей публицистикой, песней и поучением, анекдотом и присказкой, разговором по душам и репликой к случаю». А в поэме главный герой называется автором «болью и отрадой»:

С первых дней години горькой,
В тяжкий час земли родной,
Не шутя, Василий Тёркин,
Подружились мы с тобой.

Я забыть того не вправе,
Чем твоей обязан славе,
Чем и где помог ты мне,
Повстречавшись на войне.

От Москвы, от Сталинграда
Неизменно ты со мной -
Боль моя, моя отрада,
Отдых мой и подвиг мой!

Создание собирательного образа бойца-победителя было действительно подвигом автора, писавшего о себе:

С кем я не был, с кем я не пил
В первый раз, в последний раз...

С кем я только не был дружен
С первой встречи близ огня.
Скольким душам был я нужен,
Без которых нет меня.

Твардовский писал для «людей, живущих на войне», создавая образ человека, который повторял: «Не унывай!» Может быть, поэтому писателю и поэту И.А. Бунину, автору книги «Жизнь Арсеньева», где основным мотивом звучит предостережение: «Пуще всего берегись уныния», - была так близка поэма «Василий Тёркин»: «Какая свобода, какая чудесная удаль, какая меткость, точность во всём и какой необыкновенный народный солдатский язык – ни сучка

ни задоринки, ни единого фальшивого, готового, то есть литературно-пошлого слова!» (из письма к Н.Д. Телешову).

Приезжая в Гвардейск Калининградской области, мы идём к дому №21 по улице Калининградской, где память о поэте увековечена в 2007 году мемориальной доской, установленной по инициативе членов Калининградского отделения Союза журналистов России: Петра Казаченка и Эдуарда Лифшица, редактора газеты в Гвардейске «Знамя Ильича», ныне покойного. Он вёл переписку с Орестом Верейским в 80-е годы прошлого века и уточнил место расположения дома, где жил Твардовский.

В этом доме находилась и редакция газеты «Красноармейская правда», с которой связаны судьбы Алексея Суркова, Вадима Кожевникова, Евгения Воробьева, Михася Лынькова, Леонида Решетникова, Ивана Арамилева, Мориса Слободского, Цезаря Солодаря, фотокорреспондентов Михаила Савина и Василия Аркашина.

Художник газеты Орест Верейский, автор портретов А.Т. Твардовского и иллюстратор поэмы «Василий Тёркин», нарисовавший героя поэмы, встретившись во время войны с поэтом Василием Гловым, вспоминал: «Домик с небольшим палисадником перед входом и фруктовым садом с задней стороны, куда выходило большое окно, видимо, принадлежал одной или двум семьям. Наверное, на первом и втором этажах были две квартиры. Твардовский жил наверху, может быть, даже в маленькой комнатке — мезонине над вторым этажом... Когда наступил вечер 9 мая, все стволы открыли пальбу, раскрасив небо над городом разноцветными трассами, я с опаской наблюдал за Твардовским, который, выйдя на ступень крыльца, как и все мы, стрелял вверх из нагана. Мне казалось, что он держит руку слишком вертикально и может попасть в навес. А это грозило бы опасным рикошетом... Но самым счастливым, связанным с Тапиау событием, беспредельно перерастающим все личные эмоции, было, естественно, ожидаемое столько лет сообщение о Великой Победе».

Верейский вспоминал также, как плакал пожилой солдат, как обнял его Твардовский, пытаясь успокоить. Солдат же бесконечно повторял: «Сегодня люди перестали убивать друг друга!» «А вечером гремел салют из всех видов оружия. Стреляли все. Стрелял и Александр Трифонович. Палил из нагана в светлое от разноцветных трасс небо, стоя на крыльчке аккуратного прусского домика – последенго нашего военного пристанища. Какой невообразимый, немислмый, какой весёлый шум стоял тогда... Опустошив барабан, Александр Трифонович ушёл к себе и заперся. Как ему писалось в этом неуёмном шуме, всплесках хохота, нестройного хорового пения, среди всех этих звуков радости, рвавшейся наружу?»

Но возможно, что в эти минуты у поэта и родились строчки:

И как будто оглушённый
В наступившей тишине,
Смолкнул я, певец смущённый,
Петь привыкший на войне..
В олюбых условиях

...под кровлей шаткой,
В дождь, укывшись плащ-палаткой,
Иль зубами сняв перчатку
На ветру, в лютой мороз,
Заносил в свою тетрадку
Строки, жившие в разбосе

Твардовский закончил войну в звании подполковника, был награждён орденами Отечественной войны I и II степени и орденом Красной Звезды – за финскую войну. Его военная биография тесно связана с газетой «Красноармейская правда», где 4 сентября 1942 года были опубликованы первые главы «Василия Тёркина». «Красноармейская правда» в составе Западного, а с апреля 1944 года - 3-го Белорусского фронта дошла до Кёнигсберга. До начала войны «Красноармейская правда» издавалась в Минске, 24 июня 1941 года вышел её 148-й номер, с которого она стала фронтовой газетой. После Дня Победы редакция «Красноармейской правды» переехала из Тапиу в Кёнигсберг и располагалась на сегодняшней улице Космонавта Леонова в Калининграде. Это здание в настоящее время занято военным судом. В августе 1945 года «Красноармейская правда» стала газетой Барановичского военного округа, а в 1947 году – газетой Белорусского военного округа и получила новое название «Во славу Родины»; выходит она до настоящего времени.

Помимо «Василия Тёркина», «Красноармейская правда» печатала отрывки из поэмы А. Твардовского «Россия». С декабря 1943 года в газете начали публиковать поэму «Дом у дороги», а кроме того, фронтовые очерки и заметки с мест боевых действий.

Поскольку в данной статье нас интересуют места в Калининградской области, по которым прошёл-проехал Твардовский, обратимся к очеркам, написанным после вступления наших войск на территорию Восточной Пруссии: «За рекой Шешупой», «Кёнигсберг», «Настасья Яковлевна», «Салют», «У моря».

Его первые впечатления на земле с «чуждым запахом заграничным» отражены в очерке «За рекой Шешупой». Шешупа - это приток реки Неман, протекающий по территории Калининградской области на протяжении 62 км, пограничная река с Литвой. Первым восточно-прусским городом, взятым советскими войсками, был Ширвиндт. Взятие произошло 17 октября 1944 года. Сейчас это посёлок Кутузово Краснознаменского района.

В Ширвиндте

Писатель Евгений Воробьёв вспоминал о том, как довелось ему вместе с Твардовским в первые часы пересечь границу Восточной Пруссии перед городом Ширвиндтом: «Речка Шешупа с неподвижной пепельной водой. В низком, задымленном небе над Ширвиндтом смутно виднелся далекий шпиль – то ли кирха, то ли городская ратуша. Свежеотёсанный чёрно-белый столб с

надписью «Германия» в первые же часы был испещрён автографами. В дело пошли и уголёк, и кинжал, и штык, и чернильный карандаш. Все торопились проехать через границу, воочию увидеть фашистское логово. А Твардовскому хотелось подольше постоять у пограничного столба, поглядеть, как бойцы переходят, переезжают через границу. Настороженно вглядывались вперёд – доведётся ли нам вернуться на родину?»

Твардовский писал: «Город Ширвиндт, жестоко размолоченный прошедшими боями и до сих пор обстреливаемый немцами из дальнобойной артиллерии, – один из первых пунктов, занятых нами на немецкой земле. Свежие, ещё не потемневшие от дождя груды кирпичной щебёнки, безобразные зубцы стен, погнувшиеся в огне балки и обрывки арматурного железа, битая черепица, хрустящая под ногами, как ореховая скорлупа. Пыль штукатурки, толчёного камня и какой-то сухой удушливой гнили красновато-серой мглой стоит вокруг, покрывает кузова грузовиков, шинели и лица бойцов-дорожников, ковырявшихся на развалинах. Разрушенный город вывозят на дороги, вбучивают в раскисшие колеи, в трясины объездов, в колдобины и ямы прифронтовых шоссе. Иного материала для починки дорог здесь, на немецкой земле, нет!

– Дружно! Разом! – подаёт команду пожилой солдат с подоткнутыми под ремень полами шинели. – Нажмём!

Несколько бойцов, упираясь плечами в остаток стены, с грохотом обрушивают его внутрь бывшего дома.

– Ломать-то – не строить, – говорит пожилой, как бы смущённый тем, что его застали за таким делом. И выражено в одной этой короткой фразе всё: и законное торжество победителя, и презрение к немцу, и горечь понесённых родной землёй потерь, и дума о будущем, и тоска труженика-строителя по настоящей работе, и ещё что-то не менее важное, чего никак отдельно не выразишь».

Город Инстербург. Солдаты вооружены пистолетами-пулемётами ППШ и самодельными щупами для обнаружения мин. Источник: Эстонский Исторический Музей (ЕАМ) / F804.

Редакционный поезд, в котором находилась и типография «Красной звезды», продвигался вместе с фронтом. 22 января 1945 года советскими войсками был взят Инстербург (Черняховск Калининградской области). Сюда приезжает Твардовский 25 января. В опубликованных дочерью поэта дневниках и письмах «Я в свою ходил атаку», мы узнаём из его рабочей тетради: «Поездка в Инстербург. Глубокая Германия, а снежные поля, вешки у дорог, работа на стройке мостов, колонны, обозы, солдаты, всё, как везде, как в Воронежской степи, как под Москвой, как в Финляндии».

20 февраля Твардовский снова останавливается в Инстребурге. Не все дома разрушены, в них осталось немецкое население, и Твардовский замечает: «Мягко спали немцы и немки, куда шла война далеко от них, куда мы не только сами мёрзли и гибли, но и наши семьи были лишены крова... Бегут, побросали перины. До чего скучна чужая сторона. До чего мила родная, какая ни есть, а есть она лучше всех». В Инстербурге Твардовского настигает весть о гибели 18 февраля в результате смертельного ранения в районе города Мельзак (Пененжно, Польша) командующего войсками 3-го Белорусского фронта, дважды Героя Советского Союза, генерала армии Ивана Даниловича Черняховского, именем которого 7 сентября 1946 года назван Инстербург. Твардовский выражает боль потери в стихотворении «Памяти полководца», которое мгновенно распространилось по 3-му Белорусскому фронту как листовка, опубликовано в газете «Красноармейская правда» от 20 февраля 1945 года:

Но в горьком сознание утраты
Клянутся над гробом войска,
Что враг не уйдёт от расплаты,
Что наша победа близка.

15 апреля в письме из Инстербурга жене Марии Илларионовне Твардовский пишет: «Настроение у меня хорошее, рабочее. Условия тяжелы частыми переездами, но в ближайшее время будем, наверное, сидеть на месте с поездом, ремонтом и т.п.» И поэт пользуется этим временем, чтобы продолжить работу над «Василием Тёркиным» в «...комнате, выходящей широким, во всю стену окном на одну из главных улиц сожжённого и уже остывшего Инстербурга».

Бойцы 2-й гвардейской Таманской дивизии вступают в город Прейшиш-Эйлау

5 февраля 1945 года был освобождён город Прейшиш-Эйлау (Багратионовск). Очерк Твардовского «Настасья Яковлевна» опубликован 2 марта 1945 года в «Красноармейской правде». Главная героиня – Настасья Маслова станет прообразом героини поэмы «Дом у дороги». Советская Армия освободила её из неволи: «В августе 1943 года немцы, отступая с Орловщины, забрали с собою население большой, в сто пятьдесят дворов, деревни Корнево Жиздринского района. Угнанная вместе со всеми пятидесятипятилетняя Настасья Яковлевна Маслова, простая, малограмотная женщина в великой этой беде утешалась одним: что она со своими, что есть с кем хоть слово сказать, что на миру и смерть красна».

«После долгих мук лагерного заключения их отправили в одно поместье вблизи города Прейшиш-Эйлау на полевые работы. Всего таких работников было у помещика семнадцать человек.

Мать и дочь убирали навоз в кирпичном коровнике, копали гряды, делали всякую другую работу. В конце длинного дня они засыпали, похлебав, что дадут, в том сарае с каменным полом, куда убирались лопаты, железные грабли и вкатывались тачки.

Хозяин, пожилой немец в вязаной безрукавке, больше и куда ласковее говорил со своими лошадьми и коровами, чем с людьми, что спали в этом сарае.

Но всё это можно было переносить. Труднее и больнее было терпеть другое. Запахнет подкошненным и подсыхающим клевером в чужом поле, на далекой, чужой земле, — и сердце, ко многому привыкшее, сожмётся в такой горькой муке, что и рассказать об этом можно только слезами.

Пройдёт дождик, взбухнет пыль на дороге, встанет радуга или просто пропоёт петух на заре, — хотя петухи и поют здесь не так голосисто, — да мало ли ещё такого, что само входит в душу и говорит об одном, без чего человеку нет жизни и чего нет на свете дороже: о Родине, о свободе».

Поэт встретился с Настасьей Масловой на Кёнигсбергском шоссе. И к теме людей, угнанных из Советского Союза на работы в Германию, возвращается снова, уже находясь в Москве, в декабре 1945 года. В газете «Известия» от 22 декабря 1945 года он публикует «Из песен о немецкой неволе».

Я В ПЛЕНУ, В ЧУЖОМ КРАЮ ДАЛЁКОМ...

Я в плену, в чужом краю далёком.
Дни идут печальной чередой.
Далеко отсюда на Востоке —
Милый край и, отчий дом родной.

За гудками, грохотом и шумом
Слышу я родные голоса.
Бредится мне город Запорожье
И родимой тёплые глаза.

Снится мне, что мать моя, старушка,
На закате за город идёт —
И глядит на дальнюю дорогу,
И меня домой напрасно ждёт.

Как в душе завидую я птицам,
Облакам, плывущим на восток.
Там вдали — Москва, моя столица,
И родной днепровский городок.

Пусть пожар по свету полыхает
И война бушует на земле.
Кто в бою за Родину страдает,
Тот, наверно, вспомнит обо мне.

А. Твардовский писал: «Здесь представлены из книжечки Надежды Коваль те песни, которые, по всем данным, сложились в кругу одного девического землячества и представляют собой как бы часть единого произведения о жизни советской девушки в фашистской неволе». Весной 1990 года в Багратионовском районе Калининградской области было открыто интернациональное кладбище – мемориал узников концлагеря Шталаг 1-А. Шталаг - лагерь для постоянного содержания военнопленных; в отличие от дулага - временного, транзитного пересылочного пункта, где офицеров отделяли от сержантов и рядовых. Срок содержания – до полугода. Офлаг - лагерь для офицеров; тейлаг - штрафной лагерь с особенно жёсткими условиями содержания; гросслазарет - лагерь, где проводились опыты над пленными.

Этот лагерь стал отправной точкой для очерка Твардовского «Из песен о немецкой неволе». Сегодня над ним стоит тишина. События февраля 1945 года отражены в фотографиях и документах в музее истории города. В братской могиле Багратионовска лежит татарский поэт Фатых Карим, с дочерью которого музей поддерживает отношения многие годы. И, к сожалению, пока не нашло отражение в музее пребывание Твардовского в Багратионовском районе. Очерк Твардовского «У моря» написан после того, как он побывал в Кальхольцер Хакене - сегодня мыс Северный, западнее города Ладушкина Багратионовского района. Согласно сводке «От Советского информбюро за 26–28 марта 1945 года», в течение 26 марта войска 3-го Белорусского фронта завершали ликвидацию группы войск противника на побережье залива Фриш-Гаф юго-западнее Кёнигсберга». Залив Фриш-Гаф с 1946 года называется Калининградским, связан с Балтийским морем Пиллауским проливом, который сегодня является частью Калининградского морского канала.

Ладушкин, бывший Людвигсорт, переименован в честь Героя Советского Союза гвардии лейтенанта И.М. Ладушкина, погибшего при взятии города. Бои шли здесь ожесточённые. Обратимся вновь к сводкам от Советского информбюро. «В течение 27 марта войска 3-го Белорусского фронта уничтожали остатки разгромленных частей противника в районе мыса Кальхольцер-Хакен». «В течение 28 марта войска 3-го Белорусского фронта уничтожали остатки разгромленных частей противника в районе мыса Кальхольцер-Хакен. В этом районе войска фронта захватили следующие трофеи: орудий – 222, миномётов – 223, бронетранспортёров – 22,

радиостанций – 35, автомашин – 1500. В плен взято свыше 4000 солдат и офицеров». В настоящее время в Ладушкине проживает около 4 тысяч человек. Маленький городок, в котором нет исторических памятников, за исключением могучего дуба, которому более 600 лет. Дерево растёт во дворе сырзавода. Но не только памятником природы привлекает Ладушкин, ведь он расположен на берегу Калининградского (Вислинского) залива, что сделало его местом привлечения туристов, баз и домов отдыха, благодаря находящемуся в 10 километрах тевтонскому замку Бальга (посёлок Весёлое) и замку XIII века Бранденбург (посёлок Ушаково).

Твардовский в очерке «У моря» не называет Людвигсорт, указывая лишь: «правее маленького городка с гаванью, которая была последней для немцев, припёртых к воде, встретили на мысе Кальхольцер-Хакен троих наших бойцов, только что вышедших из боя, потому что не с кем уже было воевать на этом участке».

Поэт был тогда пока ещё не у моря, он его увидит позже в Пиллау, а на берегу морского залива родились строчки:

«Право, жаль, что оно в этих местах такое неказистое, болотистого вида, и не даёт глазу того неоглядного простора, ограниченного только небом, какой обычно волнует душу на морском берегу», «море, окаймлённое чуть видным лесом знаменитой косы, замыкающей залив». Коса Фрише-Нерунг сегодня называется Балтийской на территории России, в Польше – Вислинской.

Для Твардовского важно, что «дошли до него, сражаясь за свои земли, они увидели его как знамение конца одной из самых жестоких и щедрых славой битв Великой войны.

И разве не освящены эти воды тем, что мы пришли к ним, творя наше правое дело защиты Родины и возмездия за её страдания? И разве эта земля, чуждая нам по всему, что было на ней, не полита кровью наших братьев? А о земле, что полита родной кровью, что пройдена нашими советскими людьми в трудах и испытаниях долгих и страшных боев, – о такой земле мы долго будем вспоминать.

...Кругом праздник. В домике с осыпавшейся черепичной крышей кто-то нащупывает на оставленном немцами пианино какую-то нехитрую, но милую сердцу мелодию деревенского вальса.

В далёкой Москве уже написан и подписан приказ о завершении борьбы на этом побережье, на этом мысе с длинным и трудным названием Кальхольцер-Хакен. И в приказе не забыты торжественные и строгие слова о вечной памяти бойцам, павшим в боях за свободу и независимость Родины на любых рубежах, в любых землях, у любых побережий...»

Кёнигсберг, 1945 год

9 апреля 1945 года войска 3-го Белорусского фронта под командованием Маршала Советского Союза А.М. Василевского штурмом овладели городом и крепостью Кёнигсберг. Твардовский делится первыми впечатлениями в очерке «Кёнигсберг»: «Дощечки с надписями: «Проезда нет» и «Дорога обстреливается» ещё не убраны, а только отвалены в сторону.

Но очевидным опровержением этих надписей, ещё вчера имевших полную силу, уже стала сама дорога. Тесно забитая машинами, подводами, встречными колоннами пленных немцев и возвращающихся из немецкой неволи людей, она дышит густой, сухой пылью от необычного для нее движения.

И на повороте свежая, не тронутая ещё ни одним дождём, не обветренная дощечка указателя: «В город».

В город-крепость, в главный город Восточной Пруссии, в её столицу – Кёнигсберг...

– Почище Смоленска сработано, – вроде как шуточки ради говорят бойцы, вступающие в улицы города. Но в усталом, суровом и прямом взгляде их глаз справедливое торжество и горделивое сознание собственной силы.

А сила эта во всём вокруг. И прежде всего в этом великом людском потоке, заполнившем узкие улицы чужого города своей слаженной, внутренне деловитой суетой, словами команды, своей родной речью, песнями, музыкой, привезёнными невесты из какой глубины России, своим большим воинским праздником победы.

Пехота на машинах, на броне танков и самоходных орудий, шофёры, дружелюбно перебранивающиеся из дверцы в дверцу, регулировщицы в форменных белых, немножко великоватых перчатках, мотоциклисты, верховые и пешие, – смотришь и невольно думаешь в простодушном и радостном изумлении:

«А и много же, ах как много нас, русских, советских людей!»

Так много, что хватает и на то, чтоб держать в полном рабочем порядке необозримый наш тыл, пахать землю и ковать землю; и на то, чтобы поднимать к жизни столько отвоеванных у врага городов и сёл; и на то, чтоб пройти столько вёрст, занять столько городов и земель противника; и на то, чтоб в три дня штурмом сломить его сопротивление на таком вот рубеже, на такой точке, как этот город Кёнигсберг; и на то, чтоб в первый же день по взятии города заполнить его такой массой людей и колёс. На всё хватает!»

Грохот боя, откатившийся уже далеко за город, не тревожит разнообразного, делового и праздничного шума и говора на марше по главной улице».

22 апреля Твардовский пишет, что предстоит поездка в Пиллау (Балтийск), который был взят советскими войсками 25 апреля. Из очерка «Салют»: «Берег моря кажется краем света. Особенно сильно это впечатление на чужом берегу чужого моря. А люди, сбросившие сегодня с этого берега, уничтожившие или забравшие в плен последних немцев, оборонявших его, прошли перед тем тысячи километров своей и чужой земли в жестоких боях с противником. И чувство «края земли», конца большого пути, на который не всякой жизни хватило, сладким и глубоким волнением наполнило их души».

К сожалению, в Балтийске, как и в Калининграде, и в Черняховске, и в Багратионовске, и в Ладушкине нет в местных музеях материалов, посвящённых Твардовскому.

Гвардейск – первый город, где не только установлена мемориальная доска поэту, но уже в пятый раз по инициативе члена Союза писателей России, сегодня главы города Гвардейска, Валерия Горбаня проводится литературный фестиваль «Тёркинские чтения». Своё начало фестиваль получил в год столетия Твардовского 21 июня 2010 года. «Тёркинские чтения» проходят в Доме культуры. Высокий статус торжеству придало приветственное письмо от дочерей поэта Ольги Александровны и Валентины Александровны Твардовских, которое зачитала известная просветительница, краевед Черняховска, редактор историко-литературного альманаха «Берега Анграпы» Галина Каштанова-Ерофеева, состоящая в переписке с дочерьми поэта. В письме отмечается: «Нам дорого то, что там, где пролегал путь поэта-фронтовика, есть люди, которые помнят и любят его, читают и изучают его поэзию».

«Тёркинские чтения»-2014 приобрели российский масштаб. В этот день Гвардейской библиотеке присвоено имя А.Т. Твардовского, небольшой пока музей имени поэта пополнился подарком от Правления Союза писателей России – подшивкой «Красной звезды» военных лет. Жюри фестиваля возглавили Николай Иванов, заместитель Председателя Правления Союза писателей России, и прибывший из Крыма Сергей Овчаренко, поэт и переводчик, член Союза

писателей России. С подведением итогов конкурса, с вручением дипломов и подарков победителям: поэтам-бардам Александру Стешенко, Ивану Бакрымову, Сергею Яковлеву, поэтам Нине Рыковой, Надежде Мистрюковой, Николаю Шустову - открылась новая литературная страница в истории Калининградской области, потому что была она освящена шествием со Знаменем Победы, привезённым Николаем Ивановым, побывавшим в Крыму накануне референдума, по площади Победы в Гвардейске, в 5-м форте Калининграда, завершившемся в самом западном городе России – в Балтийске.

Отсюда Сергей Овчаренко увёз флягу с водой Балтийского моря, чтобы соединить её с водой Чёрного моря, соединить два литературных берега – запада России и героического Севастополя. Как сказал Николай Иванов, произошло «братание славой, братание литературными судьбами». И когда знамя Победы, которое 22 июня 2011 года на Пленуме в Смоленске Михаил Годенко от имени писателей-фронтовиков вручил Союзу писателей России как священный символ памяти о тех, кто принёс Победу с оружием в руках, и тех, кто словом «в свою ходил атаку», затрепетало на ветру на краешке Северного мола в Балтийске на фоне голубого неба в солнечный июньский день, вновь вспомнились слова А.Т. Твардовского из очерка «Салют» о победном «Ура!»:

«...раскатисто и многоголосо возникает «ура», хотя это уже не тот грозный и особенный клич атаки, который раздавался здесь часом раньше. Это «ура» праздничное, весёлое, как на больших наших народных торжествах.

И сколько уверенности сильных людей, сделавших одно дело и готовых к новым делам...»

Сергей Овчаренко, Николай Иванов, Валерий Горбань. Северный мол. Балтийск.

Юбилейные даты

Юрий Шевченко

Юрий Викторович Шевченко – поэт, баснописец, писатель-фантаст, военный журналист, корреспондент газеты Балтийского флота «Страж Балтики», член Союза писателей России, член Союза журналистов России. Родился в 1954 году в Керчи. Автор двенадцати книг поэзии и прозы. Живет в Балтийске Калининградской области

НЕРУКОТВОРНА ПАМЯТЬ О ПОЭТЕ

К 90-летию Виктора Сысоева

Скромная мемориальная доска на фасаде дома номер девятнадцать по улице Ушакова в городе Балтийске напоминает о том, что в нём когда-то жил и работал Виктор Васильевич Сысоев. Из десяти прохожих молодых людей только четверо сумели ответить, какой след оставил этот человек в истории самого западного города России.

И тем не менее даже такой результат вселяет надежду на то, что в мировоззрении молодых горожан произошли фундаментальные прогрессивные сдвиги. Для примера скажу, что накануне открытия мемориальной доски поэту, в мае 2008 года, на такой же вопрос не ответил никто. Наверное, всё-таки прав был известный американский писатель Марк Твен, весьма скептически относившийся к памяти потомков. Он сравнивал её с узелком на носовом платке. Мол, вспомнят только тогда, когда будут использовать платок по назначению. В отношении балтийского поэта такой момент изредка наступает 28 мая, в день его рождения. Для сравнения замечу, что имя нынешнего регионального «янтарного короля в изгнании» в городе известно практически всем без исключения. Ну, что тут поделать? Люди всегда почитают королей больше чем поэтов.

Сколь жалким будет поколение,
Отвергшее служенье муз!

Виктор Сысоев принадлежит к тому поколению русских людей, через судьбы которых пулемётной трассой прошла война. На всю оставшуюся жизнь она сделалась главным мерилем его отношения к жизни, где патриотизм не ставился под сомнение, несмотря на все трудности и лишения и ни при каких обстоятельствах. Время его рождения и возмужания совпало с рождением Советского Союза, где ему, выходцу из семьи ленинградских рабочих, стали доступны все блага духовного развития, которые ранее были недоступны его родителям. Как и все его сверстники, будущий балтийский поэт стремился к познанию мира. Школа, книги, музеи, картинные галереи – всё это, вместе взятое, формировало личность человека, побуждало к творчеству как способу самовыражения души. Немудрено, что из этого поколения советских людей выросли те, кто разгромил фашизм и открыл человечеству дорогу к звёздам.

Широта открывшихся горизонтов духовного развития обусловила и широту творческого поиска путей реализации собственных способностей. Ранний Виктор Сысоев искал себя в изобразительном искусстве, пробовал в роли музыканта – исполнителя фортепианных произведений русской музыкальной классики и, конечно же, в стихосложении. Трудно сказать, какая муза полностью завладела вниманием юноши. Но, по-моему, они все окружили его своей милостью и вниманием. В. Сысоев стал художником слова и музыкантом мысли. Знатоки художественного слова угадывают в его ранней поэзии влияние Блока и Есенина, но, думается, что это сходство чисто внешнее. Уже в начале творческого пути он создал свой неповторимый поэтический стиль, где слова складываются в видимые образы, а мысли звучат, как музыкальные фразы. Если бы автор подражал великим русским поэтам, он так бы и остался «ксероксом» чужих произведений. Другими словами, настоящий талант даже в начале творческого пути всегда слышен, виден и осязаем.

Огнём закатным светят окна;
И вспомнил я свой Бежин луг:
Ночное, блеск росы на копнах,
Копыт в тумане перестук...

Таково было становление поэта, которое на многие годы определило направление развития этого жанра творчества в самом западном городе страны.

Войну В. Сысоев встретил в Ленинграде. Многие считают, что она перечеркнула его юношеские мечты. Но, на мой взгляд, она только ускорила превращение юноши в настоящего русского поэта, научила воспринимать реальность такой, какая она есть, воплощать в словесную форму жуткие картины человеческого горя, передавать в рифмах звучание боя и выписывать тончайшие черты человеческого характера в образе непокоренной русской души.

Зениток лай, прожекторы, война!
Кортеж носилок движется, хромая,
Вот девочка стоит, удивлена,
Происходящего ещё не понимая,
Оглушена, замёрзла, хочет спать,
Испуганно глазами чуть поводит,
Упрямится: зачем чужая мать
Её от места страшного уводит?..

Ленинград стал для поэта и молотом, и наковальней, где он отковал и закалил сам себя для дальнейшей жизни и борьбы. А бороться ему пришлось всю оставшуюся жизнь. Сначала с оружием в руках против фашистов, потом с пером против заостренности мозгов, забывчивости и отречений от прошлого. В стихах В.В. Сысоева ныне можно найти причины всех нынешних бед нашего народа и объяснения того, что ныне происходит на юго-востоке некогда братской Украины.

Сыночки, люди, пропустите!
Наш праздник вам не отобрать!
Нажали! В милицейском монолите
Пробила брешь проверенная рать.
И хлынули – венки, цветы и флаги,
Но впереди их ждал другой заслон.
Солдата, уцелевшего в рейхстаге,
Наотмашь бьёт детина из ОМОН...

Поэт в России больше, чем поэт. Вчитываясь в единственный изданный при жизни В.В. Сысоева наиболее полный сборник его стихов под названием «Возвращается ветер на круги своя», становится понятно, о чём предупреждал поэт в начале «лихих» девяностых. Тут хочется вспомнить, что когда этот сборник был выставлен номинантом на премию «Признание», то жюри отдало предпочтение сборнику виртуальной поэзии никчёмного автора, от чтения которой у нормального человека падает артериальное давление.

В 2014 году В.В. Сысоеву исполнилось бы 90 лет. Станет ли эта дата хоть как-то заметна сегодня в культурной жизни Балтийска? Напомню, что именно он на протяжении четверти века был в городе единственным членом Союза писателей СССР, а потом и России. Будет ли когда-нибудь изучено и обнародовано его творческое наследие? И вопрос о том, сподобится ли Балтийский флот в обозримом будущем выполнить просьбу интеллигенции города, заявленную несколько лет назад, о присвоении одному из боевых кораблей имени поэта, остаётся открытым. А ведь для этого не надо даже денег. Достаточно простого желания.

Заслуг у поэта, чтобы увековечить таким образом его имя вполне достаточно. В семнадцать лет в блокадном Ленинграде он добровольцем служил в противопожарном полку, разбирал завалы и спасал людей. Потом в лейтенантском звании командовал пехотным взводом в войсках 1-го Украинского фронта. После тяжелого ранения возвратился служить на Балтийский флот, где стал капитаном первого ранга.

Поэзия В.В. Сысоева и ранее считалась наиболее адаптированной к процессу военно-патриотического воспитания. Редкое литературно-художественное мероприятие обходилось без авторского выступления. А редакция флотской газеты всегда находила место на своих страницах, чтобы перекинуть поэтический мостик из подборки его стихов между различными темами в публикациях. Надо ли говорить, что среди моряков-балтийцев он считался самым популярным. А стихи его можно было встретить везде, начиная с наглядной агитации до матросских личных блокнотов.

Над Средиземным морем марево,
 Мираж, обманчивая даль.
 И далеко родное Марьино,
 А до беды – рукой подать!
 Но верят все, что доведётся нам
 Пройти с баяном на ремне
 Проулком по мосточкам тёсаным,
 В лесной озёрной стороне.

Творческие личности, прошедшие войну, всегда отличались более бережным, я бы сказал, более лирическим отношением к окружающей жизни. У В. Сысоева эта любовь сочеталась с любовью к морю. Именно она и привлекала к нему других творческих людей. Он не отказывал в помощи никому, вот только не все выдерживали его наставления. Критическая оценка творчества была и у самого Виктора Сысоева возведена в абсолюте. Что же касается оценки творчества других, то он бывал беспощаден. Он требовал работы, а это не всем нравилось, особенно тем, кто привык к хвалебным речам. Бывало, что от стихотворения в двадцать строк он оставлял лишь одну, самую удачную, и предлагал начать стихотворение с неё. Когда же поэт уже не мог ничего добавить к написанному, он брал ручку и одним росчерком пера, как художник, подправляющий точным мазком едва заметный изъян в картине, заменял одно слово синонимом или другим созвучным словом. Вот тогда и наступала Гармония. Сам же В.В. Сысоев любил цитировать великого русского музыканта Петра Ильича Чайковского, который говорил, что не хотел бы, чтобы из-под его пера выходили ничего не выражающие произведения и состоящие из пустой игры аккорды, темпы, модуляции...

Поэт прожил насыщенную и славную жизнь. Его мечты сбылись. Он выжил на войне, стал морским офицером, воспитал детей, приобрёл имя в литературе. До конца своих дней В.В. Сысоев был русским гражданином Советского Союза. Поэт и гражданин в его творчестве не противопоставлялись друг другу. Лирика и патриотика в его творчестве шли рядом.

«Остановись мгновенье, ты прекрасно!..»
 Конечный вывод гётовской строки:
 Тот век на свете прожил не напрасно,
 Кто строил мир и счастье для других...

Русский мир без границ

Интервью Оксаны Карнович и князя Никиты Дмитриевича Лобанова-Ростовского с бароном Эдуардом Александровичем Фальц-Фейном: Серж Лифарь. Откровения барона.

Никита Лобанов-Ростовский приветствует барона Фальц-Фейна в день его столетия, 14 сентября 2012 г., Вадуц, Лихтенштейн

Мне, бывшей балерине, историку балета, выпала редкая возможность встретиться и пообщаться с лучшими представителями русской эмиграции, так много сделавшими для сохранения культурного наследия, как в России, так и за рубежом. Герои моего интервью – русские аристократы, которые волею судьбы оказались оторваны от своих исторических корней. Князь Никита Дмитриевич Лобанов-Ростовский родился в 1935 году в столице Болгарии — Софии, ему 79 лет. Барона Эдуарда Александровича Фальц-Фейна в пятилетнем возрасте родители вывезли в Германию, спасая от ужасов революции. Ему сейчас 101 год!

О каждом написаны книги. Но, общаясь, понимаешь, что ни один формат не позволяет в полном объёме рассказать о многомерности личностей моих героев, об их удивительных судьбах, общественной и меценатской деятельности, знаменитых друзьях и встречах. Каждый из них, несмотря на все тяготы жизни, стал успешным, богатым, а знатными они были по праву рождения. Русская идентичность, лишённая своих истоков, но ощущаемая ими, быть может, острее, чем мы можем осознать, кровь именитых предков, непостижимая любовь налагали особую ответственность за Отечество, которое их отвергло.

Гражданин маленького европейского княжества Лихтенштейн, барон Эдуард Александрович Фальц-Фейн повидал многое и сыграл свою роль в некоторых исторических событиях, так же как и князь Никита Дмитриевич Лобанов-Ростовский. Это не было случайностью или следствием высокого происхождения. Барон и князь начинали всё с нуля в бизнесе, в спорте, в семейной жизни и никогда не сдавались. Неиссякающая энергия и неподдельный интерес ко всему, что происходило и происходит вокруг, помогает им добиваться поставленных целей. Уникальная душевная природа моих героев, открытость, человечность и простота, ломает многие стереотипы. Они осуществили много разных проектов, несмотря на скептицизм окружающих. Их вклад в сохранение русской культуры трудно переоценить. Князь и барон известны во всём мире как коллекционеры искусства, покупавшие шедевры у частных коллекционеров и на различных аукционах. Одной из целей приобретения было желание вернуть произведения на историческую родину. У каждого из них была своя история взаимоотношений с Россией сложная, эмигрантская, и прикасались они к ней по-разному.

Князь Никита Дмитриевич в 35 лет вместе с первой супругой Ниной в 1970 году впервые посетил Советский Союз по приглашению ЦГАЛИ (Центральный государственный архив литературы и искусства. – *О.К.*), куда они передали архив художника Сергея Судейкина. Позже, будучи вице-президентом «Уэллс Фарго Банк» (Wells Fargo Bank) в Сан-Франциско, князь ссужал деньги советскому правительству, имея при этом дело с высшими сановниками страны: министрами, членами ЦК. Параллельно вдвоём с Ниной они продолжали собирать свою знаменитую коллекцию русской театральной живописи начала XX века; пропагандировали, устраивая выставки в Европе, США, Японии, прежде незнакомую Западу, но и отторгавшуюся Советским Союзом культуру.

Иначе всё складывалось у барона. Сколько бы Эдуард Александрович ни предпринимал попыток посетить СССР – всё было безрезультатно. На историческую родину его не пускали. Впервые в Москву барону удалось приехать в 68 лет. Будучи бессменным президентом Олимпийского комитета княжества Лихтенштейн, барон Фальц-Фейн содействовал проведению Московских Летних Олимпийских игр в 1980 году, попросив каждого члена МОК отдать голос Москве, а не Лос-Анджелесу. В том же году князю Лобанову-Ростовскому и его супруге Нине, несмотря на сопротивление советских бюрократов, наконец-то удалось показать свою коллекцию художников дягилевской антрепризы в Москве.

Наладив контакт с СССР, барон уже не мог остановиться. Первый подарок СССР Эдуард Александрович помнит до сих пор. Это был прекрасный ковёр, подаренный персидским правителем императору Николаю II на празднование 300-летия царствования Дома Романовых, на котором были изображены все члены императорской семьи. В память о своём деде, адмирале Николае Алексеевиче Епанчине, директоре Пажеского Его Императорского Величества корпуса (ныне Суворовское военное училище в Санкт-Петербурге) барон восстанавливает корпусную церковь и Мальтийскую капеллу, совместно с Юлианом Семеновым создаёт международную группу по поиску Янтарной комнаты, а убедившись, что она безвозвратно потеряна, всячески содействует её восстановлению; возвращает на родину, казалось, навсегда утраченные реликвии, а также (по рекомендации князя Никиты Лобанова-Ростовского) «архив Соколова» – следственные документы по делу убийства императорской семьи в Екатеринбурге. И это малая толика той помощи, которую оказал барон России.

Крупным даром барона Фальц-Фейна СССР стала часть «библиотеки Дягилева – Лифаря», состоящая более чем из ста книг. Ещё в 1975 году на аукционе Sotheby's, проходившем в Монако, барон купил редчайшую книгу из этой коллекции и подарил Илье Самойловичу Зильберштейну, специально откомандированному за её покупкой Библиотекой им. В.И. Ленина, но из-за бюрократической волокиты московских властей (не было разрешения на выезд) опоздавшего на аукцион. Узнав, что книга уже продана, Зильберштейн на плохом французском обратился к барону: «Меня повесят, если я не привезу её!» На что барон радостно воскликнул: «Голубчик, да ты наш! Не бойся, никто тебя не повесит. Вот тебе эта книга. Вези её домой, скажи, что это подарок от одного русского, который помнит и любит свою Родину, несмотря на то, что нас выгнали, имущество отобрали, а бабушку расстреляли». С этого момента у барона завязалась дружба с человеком необычайного интеллекта, известным учёным, коллекционером, который не побоялся писать в советских изданиях о коллекциях живописи белоэмигрантов Эдуарда Фальц-Фейна, Нины и Никиты Лобановых-Ростовских.

Будучи одним из лучших спортивных репортёров, чемпионом Парижа по велогонкам среди студентов в 1932 году, президентом Лихтенштейнской ассоциации велосипедного спорта, барон являлся членом закрытого Спортивного клуба, собиравшегося ежегодно 13 декабря в Maxim's. Единственным человеком, кому Луи Водабль, хозяин этого знаменитого ресторана, оставлял ключи от своих апартаментов, был барон, всегда имевший свою комнату на третьем этаже. Всё это позволило Эдуарду Александровичу близко сойтись со всем высшим светом Парижа. Другим русским завсегдатаем Maxim's, кроме барона, был Серж Лифарь, неустанный труженик, танцовщик, хореограф, коллекционер, так много сделавший для балета Франции. В день открытия Сочинской олимпиады 7 февраля 2014 года князь Никита Лобанов-Ростовский и я приехали в Вадуц, столицу Лихтенштейн, в дом «Аскания-Нова» навестить барона Фальц-Фейна и поговорить о его друге – Серже Лифаре. Разговор передаётся без существенной правки, чтобы сохранить особенность речи Эдуарда Александровича Фальц-Фейна.

Оксана Карнович: Барон Эдуард Александрович, здравствуйте! Позвольте подарить Вам небольшие сувениры из Москвы. Я поинтересовалась у Никиты Дмитриевича, чем могла бы порадовать Вас. Он упомянул, что, возможно, Вас заинтересуют марки. Я привезла марки с олимпийской символикой и открытки в дополнение.

Барон Фальц-Фейн: Это то, что я хотел! Значит, Вы пошли на почту, и они имели это?

О. К.: Не во всех почтовых отделениях они были в наличии. Не удалось приобрести марки, посвящённые хоккею. Я скупила всё, что было!

Барон Ф.-Ф.: Дураки! В день открытия Олимпиады каждая почта должна иметь юбилейные марки. Это именно то, что я хотел! У меня есть все марки со всех 16-ти олимпийских игр, где я участвовал. Сколько они выпустили? Вы же истратили целое состояние. Большое, большое Вам спасибо! Больше никто не подумал, никто марок не прислал. Я столько людей знаю из России. И потом, когда мы говорили с Никитой, я вспомнил. О! Мадам приезжает из Москвы! Но мне ужасно неловко за Ваши траты.

О. К.: Поверьте, это сущая мелочь. Самое главное, что Вы рады!

Барон Ф.-Ф.: Большое, большое спасибо! Я не вижу, кто бы мне привёз такие вещи. Ещё пока никто не приезжал из Москвы. Это как раз то, чего мне не хватало!

Князь Л.-Р.: Все сейчас сидят у телевизора и смотрят Олимпийские игры. И никто никуда не ездит.

Барон Ф.-Ф.: Никита, ты можешь подвинуться немножко поближе. У меня всё в порядке, но я начинаю плохо слышать.

Князь Л.-Р.: Барон, Вы задали вопрос, почему Оксана захотела с Вами встретиться. Будучи балериной, она интересуется русским балетом Зарубежья. И мы начали первое интервью с ней о Сергее Лифаре. Оно уже опубликовано.

Барон Ф.-Ф.: Он мой друг! Он был свидетелем на моей свадьбе.

О. К.: Ваш свидетель? Неужели?!

Барон Ф.-Ф.: Нет, извиняюсь. Свидетелем на первой моей свадьбе был князь Лихтенштейнский. Это было в Лондоне, в Вестминстере, в королевской церкви «Савой». Я женился на англичанке (Вирджиния Куртис-Беннетт, дочь лорда, сэра Ноэля Куртиса-Беннетта, советника короля Георга VI. – *О. К.*). «Савой» ещё существует? Ты это знаешь. А Лифарь был на второй свадьбе (с Кристиной Шварц в 1964. – *О. К.*). Венчание проходило в маленькой православной русской церкви в Мюнхене. Но, к сожалению, оба брака были неудачными. Первая жена ушла вместе со знаменитым писателем Полом Галлико (Paul Gallico). Вы читали его книгу «Snow Goose» («Снежный гусь». – *О. К.*)? Она удрала с ним, и они жили в Монако. Он умер 40 лет назад, она осталась там одна и, удивительно, больше никогда не вышла замуж. А я решил

после второго моего брака больше не иметь жены, потому что мне дважды не везло. Я решил, что меня больше никто не поймает. Вторая жена увлеклась наркотиками. Употребляла слишком много этой гадости и умерла.

Князь Л.-Р.: А как вышло, что Лифарь приезжал тогда из Парижа?

Барон Ф.-Ф.: Лифарь часто приезжал сюда, гостил у меня здесь в доме. Приезжал на недельку. Было страшно интересно, потому что всё-таки он киевлянин. А я тоже украинец, теперешний украинец. Раньше, конечно, считалось, что родился в России. Значит, кто я такой: русский или украинец? Теперь Украина стала самостоятельной. Но я родился в России, значит, я русский. Я так считаю, а как Вы?

Князь Л.-Р.: Я не могу Вас считать украинцем, потому что Ваши гены ничего общего с Украиной не имеют. Вы можете сказать, что Вы немец психологически или русский эмоционально, но не можете быть украинцем из-за того, что Ваши земли были на территории сегодняшней Украины. Они могли быть у Вас и в Перу, но Вы оставались бы русским, а не перуанцем.

Барон Ф.-Ф.: Правильно, значит, я русский. Завтра приезжает русский посол в Швейцарии Александр Васильевич Головин. Они привезут мне мирового гроссмейстера Анатолия Карпова. Так что на этом месте будет сидеть Карпов, посол и представитель симфонического оркестра имени Рахманинова. Потому что завтра в столице Лихтенштейна, Вадуце, будет большой концерт Рахманинова. А Сергея Рахманинова я хорошо знал. Когда я был маленьким мальчиком, он приезжал к нам в Ниццу, где мы жили, и играл у нас в доме. Мне тогда было 10 лет. Я не интересовался, что Рахманинов будет у нас играть. Я предпочитал с моим другом удрать покататься на велосипеде. И тогда моя мама говорила: «Ты должен слышать эту знаменитость». На что я отвечал: «Мамочка, я хочу покататься на велосипеде». И она мне разрешала: «Ну, иди!» Конечно, мне было интересно кататься на велосипеде в этом возрасте. Но я помню, как он приезжал. Рахманинов играл на рояле, а Шаляпин пел у нас в доме в Ницце. Это сказка!

Вы знаете, что благодаря нам с Юлианом Семеновым прах Шаляпина вернулся в Россию? Я дружил с его сыном Фёдором Фёдоровичем Шаляпиным. Я уговорил его подписать документ о согласии на перевоз гроба с прахом отца на Родину. Я встречался с Жаком Шираком, которого хорошо знал, и попросил помочь. Он согласился. И что Вы думаете? Однажды я лежу на пляже в Монте-Карло, читаю газету, а там написано, что на Новодевичьем кладбище сегодня состоялось перезахоронение праха великого певца. Но нас с Юлианом даже не пригласили! Но обиды хранить я не умею. Федя часто потом бывал в Москве, многие семейные реликвии подарил Бахрушинскому театральному музею. Каждый месяц он приезжал ко мне из Рима, и мы с ним разбирали документы, сидя у меня за большим столом. С ним было очень уютно. Но однажды, он не приехал. Обещал быть через неделю. Он так много курил. (В память о своём друге барон выкупил фамильные реликвии Шаляпиных, которые остались в Риме у его подруги Беллы Левенсон – наследников у Фёдора Фёдоровича не было, – и подарил их в очередной свой приезд Музею Шаляпина в Петербурге. – *О. К.*).

О. К.: Невероятно!

Князь Л.-Р.: Вы говорили, что Лифарь приезжал сюда к Вам. Сам или с графиней?

Барон Ф.-Ф.: Приезжал сам. Он тогда ещё не попутался с графиней. Он тогда ещё был свободен.

Князь Л.-Р.: Чем же она его «прихватила»?

Барон Ф.-Ф.: Я познакомил Лифаря с этой графиней.

Князь Л.-Р.: С какой целью? Он же предпочитал общение с молодыми людьми.

Барон Ф.-Ф.: Он так и так! Она была моей подругой, эта графиня!

Князь Л.-Р.: Так что Вы её знали и «обработали» до Лифаря!?

Барон Ф.-Ф.: Я часто заходил в ресторан «Café de la Raix» напротив Парижской Оперы. И как-то сказал Лифарю, что буду там пить кофе с моей подружкой, чтобы он зашёл и выпил с нами кофе. И так я познакомил Лифаря с графиней. Но я ничего не имел против, что он взялся за неё, потому что она была истеричкой.

Князь Л.-Р.: Так что Вы её ему подбросили, чтобы с ней расстаться? Как получилось, что они сошлись?

Барон Ф.-Ф.: Они оба были согласны. Он жил один и не мог сварить сам себе даже кофе. Как-то он сказал, что «был бы рад найти человека, который за мной бы ухаживал, потому что я в кухне ничего не понимаю. Ходить всё время в ресторан мне надоело». Она это услышала и сказала, что «я одинокая, у меня никого нет, я с удовольствием приеду к Вам, устройте мне комнатку». Она всю жизнь жила в отелях.

Князь Л.-Р.: Но у него была хорошая квартира, по-моему, на Quai d'Orsay, 89, на четвёртом этаже.

Барон Ф.-Ф.: Они стали вместе жить в Париже благодаря мне. Почему-то в один прекрасный день, когда было неясно, будет Франция коммунистической или нет, он сказал: «Я отсюда удираю, я не хочу жить в этой атмосфере», взял все свои личные вещи, предметы искусства, которые он имел, и уехал в Лозанну. Устроился в подвале отеля в Монтрё, я ему помогал. Он мне рассказал массу интересных историй тогда, когда мы перевозили вещи из его коллекции. Я помню, как взял в руки бронзовую маску Дягилева. Она была тяжёлая. И он мне сказал ужасную вещь, которая сильно потрясла меня. Когда гипс застыл, то итальянец-мастер, который делал маску, стал бить молотком по голове Дягилева. И так грубо, что Серж разрыдался.

Князь Л.-Р.: В каком отеле они поселились?

Барон Ф.-Ф.: По-моему, в Beau Rivage – главной гостинице Лозанны. Они там поселились. Я часто приезжал к ним поболтать с Лифарем. Он показывал все свои фотографии, рассказывал про жизнь. Было страшно интересно, потому что здесь ни с кем не поговоришь по русским вопросам, здесь же никого нет. Графиня страшно злилась, что я с Лифарём по-русски говорил, чтобы не забыть русский язык. Я рад был возможности немножко поговорить по-русски. Она по-русски ни слова не понимала. Злилась, как чёрт. Открывала дверь и возмущалась: «Вы ещё долго будете болтать по-русски, я же ничего не понимаю!» Потом, за две недели до его смерти, Лиллиан (так её звали), мне звонит и говорит: «Вы знаете, Серёже совсем нехорошо. Приезжайте!» Я сразу приехал в Лозанну. Ему уже было очень, очень плохо.

Князь Л.-Р.: А чем он болел?

Барон Ф.-Ф.: Вот именно, хороший вопрос. Он ничем не болел. Он всегда был бодрый, всё время рассказывал анекдоты и прочее. У него была удивительная память.

Князь Л.-Р.: Хороший рассказчик был!

Барон Ф.-Ф.: Чудный, чудный! Я никогда не чувствовал, что ему что-то мешало. А тогда, когда я приехал за две недели до его смерти, то увидел, что он еле-еле понимает мои вопросы. Не помню, сколько лет ему было, когда он умер.

О. К.: В восемьдесят шестом году Лифаря не стало. Ему было восемьдесят один или два. Путаница с годом рождения.

Барон Ф.-Ф.: Удивительная история, но я был в Лозанне, когда Серёжа умер. Я должен был поехать в Париж, и мой поезд шёл через Лозанну. Когда он остановился на пять-десять минут, я подумал: «Как там мой Серёжа поживает?» И в то время, когда поезд остановился, а я подумал про Серёжу, он умер – в это самое время! Я приезжаю в Париж вечером и вижу в «Paris Soir» на

первой странице: «Serge Lifar est mort à Lausanne». Вот тебе и на! Я проезжал мимо, когда он умер в Лозанне.

Князь Л.-Р.: Но у меня было впечатление, что он любил графиню. Почему я об этом говорю? Потому что когда они были у нас, он часто гладил её. Значит, если человек при других гладит свою компаньонку, он, видимо, любит.

Барон Ф.-Ф.: Да, но это любовь была платоническая, не эротическая. Любовь может быть платоническая и эротическая. Но у него не было никаких связей с эротикой. Он никогда не спал с ней, ни разу. Я это знаю.

О. К.: По словам биографа Лифаря Жана-Пьера Пастори, Лифарь всегда говорил, что любил только трёх женщин: свою мать, Натали Палей и Лиллиан Алефельдт, а также утверждал, что «всецело отдан творчеству и не скрывал своего малого интереса к проблемам плоти». В книге «Моя жизнь» Лифарь о себе писал: «Я всегда был плохим любовником, чуждым наслаждению в постели».

Князь Л.-Р.: Но как она выдерживала?

Барон Ф.-Ф.: Она его обожала. Платонически. Дальше рассказываю. Значит, я купил «Paris Soir». Я должен был встретиться с моими спортсменами в Париже, позвонил и сказал: «К сожалению, не могу присутствовать на ужине, еду в Лозанну». Поехал на Gare de Lyon (Лионский вокзал), купил себе билет на Лозанну и следующим поездом поехал обратно. Позвонил Лиллиан, чтобы она не закрывала гроб, хочу его ещё увидеть. Вхожу в отель Beau Rivage, где они жили, спрашиваю: «Где Серёжа?» Она сказала, что в отеле нельзя оставлять мёртвых после смерти – нужно перевезти либо в морг, либо в другое место. У них был большой друг семьи – врач (Рауль де Пре. – О. К.). Гроб перенесли в похоронное бюро недалеко от его дома. Я вхожу в комнату, Серёжа лежит в гробу. Лиллиан чудно украсила всё белыми лилиями. Он любил лилии.

О. К.: Во втором акте балета «Жизель» Альберт появляется на сцене с букетом белых лилий, которые несёт под плащом в руках, чтобы возложить их на могилу Жизели. Это один из любимейших балетов Лифаря. Как символично...

Барон Ф.-Ф.: Да, Лиллиан чудно это устроила. Среди лилий лежал мой друг Серёжа. Я страшно обрадовался, что могу ещё раз увидеть его, взял фотоаппарат, чтобы сделать фотографию. Это же уникальная вещь, Серёжа лежит в гробу среди лилий. Я всегда много фотографировал Серёжу, и он был доволен. В это время как раз вошла Лиллиан в комнату, видит меня, что я снимаю, и как закричит: «Мёртвых не фотографируют!» Взяла мой аппарат, открыла крышку и вышвырнула плёнку. Так что никогда и нигде не будет известно, как Серёжа лежал в гробу. Она так разозлилась, что выгнала меня из комнаты. Что я сделал? Я пошёл на вокзал, купил билет на поезд в Париж. Он часто бывал на кладбище, где лежала подруга его, Коко Шанель. Она жила в Лозанне и умерла там. И он меня брал с собой. Когда я бывал у Сергея в гостях, мы ходили с ним к ней на могилу, клали там цветы, и он мне говорил: «Я хочу, когда я умру, если я буду в Лозанне, чтобы меня похоронили с ней рядом, с Коко Шанель». Уже в Париже из газеты я узнаю, что он не будет похоронен рядом с Коко Шанель. Против его воли Лиллиан похоронила его на Сен-Женевьев-де-Буа под Парижем. Ты бывал там?

Князь Л.-Р.: Да. Там ему поставлен большой памятник. Интересно, почему Лиллиан так устроила?

Барон Ф.-Ф.: Она была богатая. Её отец был швед, промышленник, владел большим заводом по металлу. Деньги у неё были, так что она не из-за денег была с Лифарём. Свои деньги она тратила, когда они жили в гостинице в Лозанне. Но она теперь лежит рядом с Лифарём. Каким-то образом ей удалось это устроить на таком маленьком кладбище. Так что она лежит рядом с Лифарём. Ты же там был и видел, что она с ним лежит? Там же, на Сен-Женевьев-де-Буа, лежит мой полубрат Николай, племянник моей сестры Ольги от первого брака отца.

Князь Л.-Р.: Была ли Лиллиан когда-нибудь замужем?

Барон Ф.-Ф.: Хороший вопрос. Как сказать по-русски... – знаешь, я так редко по-русски говорю; я так рад, что Вы приехали... – когда человек в жизни старается везде попасть, быть светской дамой? Она, конечно, хотела иметь мужа с титулом (в девичестве её звали Инга Лиза Нимберг. – *О. К.*). Она вышла замуж за графа Алефельдт-Лаурвига (граф Кристиан Карл Алефельдт-Лаурвиг – первый и единственный муж Лиллиан – *О. К.*). Кто он был и чем занимался, не знаю. Но почему-то им не везло, и они недолго жили, по-моему, только один год она имела мужа (официально три: 1944-1947 гг. – *О. К.*). Потом она ушла от него, они развелись, и всю жизнь Лиллиан носила фамилию от первого мужа, так как это известное имя *contess* Алефельдт (одно из древнейших семейств в Дании, упоминание, которого восходит к XIV в. – *О. К.*), то она носила это имя, чтобы показать, что она дворянка. А Сергей был очень знаменит, очень!

Князь Л.-Р.: Как Вы познакомились с графиней? Как она к Вам попала?

Барон Ф.-Ф.: Как она попала? Как все, которые хотят показаться в обществе, едут зимой на недельку в Санкт-Мориц, в *Palace Hotel*. А я в Санкт-Морице жил у моей кузины, у которой был целый дом. Я, по крайней мере, два месяца жил там зимой. И каждый вечер на велосипеде, приблизительно 2-3 километра по снегу, я же сумасшедший велосипедист, снег мне не мешал, я ездил от дома в *Palace Hotel* вечером, где встречал моих знакомых. Мой друг юности Бадрут владел *Palace*. Там я познакомился с красавицей Сорайей, женой персидского шаха (княгиня Сорайя Асфандияри Бахтиари, потомок древнего персидского рода – вторая жена шаха Ирана Мохаммеда Резы Пехлеви – *О. К.*). Я немного пытался за ней ухаживать. Моим соперником был барон Хайни Тиссен-Борнемис. Он был просто сумасшедший, набрасывался на всякую красивую женщину и пытался затащить в постель. Но она же не танцовщица кабаре, а шахиня, хоть и бывшая. Я всегда ждал сигнал от женщины. Её только что выгнал шах Ирана, потому что она не могла иметь детей, и она сменила один дворец на другой. В книге моей есть чудная фотография, где мы с ней танцуем. И там была Лиллиан Алефельдт. Вот и всё. Когда вечером я приходил, она торчала в баре. В баре никто не представлялся: моё имя такое! Все одинаковые люди, подходишь и говоришь, здравствуй, это я, и представляешься. Там я с ней и познакомился. Она была хорошенькая. Через два дня я потащил её в постель.

Она была уникальная, слегка истеричная. Она неделю находилась в Санкт-Морице. Но жила в Лозанне, в отеле. Я ей сказал, что остаюсь здесь ещё на целый месяц, а Вы через недельку уезжаете. Поэтому приезжайте через месяц, приглашаю Вас, у меня маленький домик в горах в Лихтенштейне. И она приехала. У меня в горах недельку прожила. После недельки пребывания у меня она поехала домой и там встретила красивого болгарина, с которым она возилась, и тогда, конечно, все прекратилось. Я живу в Вадуце, она в Лозанне – так постепенно всё ушло. Потом вернулась ко мне, как ни в чём не бывало. Как она меня мучила! Я её любил, но она всё испортила. Я потом с ней встречался, но близких отношений уже не было. Я не захотел больше ничего и познакомил её с Лифарём. И случилось невероятное: она оказалась ему очень преданной. Конечно же, я хорошо знал, как она мыслит. Она была умница. Она была влюблена в Лифаря, он не мог себе устроить даже чаю. И он очень рад был, что за ним кто-то ухаживал. Каждому мужчине нужно, чтобы кто-то занимался им. Да, хотел сказать, Лиллиан – крёстная моей Людмилы и была на свадьбе дочери в *Hotel de Paris* в Монте-Карло в 1979 году. Всего было 12 человек – родители, принцесса Грейс, Каролина как свидетельница и князь Лихтенштейнский. А Вы знаете, что моя дочь тоже балерина, как и Вы? Она танцевала в Лондоне, в театре *Palladium* и была даже знаменита. Очень хорошо танцевала, но потом влюбилась в своего скульптора-голландца из Монте-Карло (Киис Веркаде – *О. К.*), который заставил её бросить балет (дочь Эдуарда Александровича имела сценический псевдоним Людмила Нова – *О.К.*).

Князь Л.-Р.: Дорогой барон, был ли у Лифаря друг?

Барон Ф.-Ф.: Я не знаю у Лифаря друга, которого он имел бы. Он это скрывал и никогда мне не говорил, что он другой ориентации.

Князь Л.-Р.: Даже Вам ничего не говорил? Он же открыто написал об этом в своих воспоминаниях?

Барон Ф.-Ф.: Я не знал никаких мальчиков, никогда не говорил мне о них.

О. К.: Лифарь рассказывал Вам о Дягилеве?

Барон Ф.-Ф.: Дягилев же рано умер, в 1929 году. Он приезжал к моей маме в Ниццу, на виллу «Нева». Он пришёл в восторг, когда увидел альбом гравюр «Царское село» с дарственной надписью Александра II моему дедушке, адмиралу Епанчину. И она ему подарила этот альбом, когда узнала, что он собирается устроить в Париже Русский центр с библиотекой. Они были большие друзья с моей мамой. Он жил в Монте-Карло до революции и там занимался с балетами и устраивал «Русские сезоны» в Монте-Карло. И приезжал часто к маме чай пить.

Князь Л.-Р.: Один или с кем-нибудь? Или с кем-то из своих подопечных?

Барон Ф.-Ф.: Один.

О. К.: Он, видимо, не мог позволить прийти в дом и привезти с собой интимного друга.

Князь Л.-Р.: Дягилев мог же приезжать или с Кохно, или с Лифарём?

Барон Ф.-Ф.: Тогда этикет не позволял брать с собой своих партнёров, когда имели честь быть приглашёнными в тот или иной дом. Это же неприятно, когда кто-то приходит к чаю и представляет: «Это мой друг». Это не годится. Так не делается. Это против протокола. Так что он всегда приезжал один. Лифарь был представлен у нас дома как новая звезда дягилевского балета. Я запомнил, что он очень был красив и изящен. Мама его очень жалела. У него была драматическая история бегства из Киева. Помогла ему сестра Нижинского – Бронислава. Но я не знаю ни одного его мальчика. Но эту историю, что Лиллиан выхватила фотоаппарат, не могу забыть. Нет ни у кого фотографии, как Серёжа лежит в гробу с лилиями.

Князь Л.-Р.: А есть ли у Вас фотографии, где Вы и Лифарь?

Барон Ф.-Ф.: Да, есть! Но у меня кляссеров таких сто. Чтобы узнать, в каком в альбоме фотографии Лифаря со мной, нужно потратить неделю. Я не могу, у меня нет списка. Это адская работа. Я теперь начинаю сам рассматривать мои сто кляссеров, и если они не подписаны, то делаю сам, чтобы моя дочь знала, кто там, на этой фотографии. У меня внизу, на пианино, есть фотография, где Серёжа со мной. Пойдите, посмотрите!

Князь Л.-Р.: К Вам раньше приезжала секретарша из Германии? Она приезжает?

Барон Ф.-Ф.: С тех пор, как я лежу здесь, на втором этаже, уже три года я не хожу в магазин, и никаких секретарш у меня нет. Я теперь сам! Мне не нужна секретарша. Я разбираю свои вещи, чтобы посмотреть, что и как! Как интересно иметь Вас здесь и поболтать!

О. К.: Для нас это такая уникальная возможность пообщаться с Вами!

Барон Ф.-Ф.: Оксана, скажите, а Вы слышали обо мне раньше, до тех пор, как приехали сюда? Вы видели меня раньше по телевизору? Вчера мне позвонили из Петербурга и сказали, что меня с Юлианом Семёновым показывали по телевизору по поводу нашей работы по поиску Янтарной комнаты. Мы годами искали с Юлианом Семёновым Янтарную комнату.

О. К.: Конечно, и слышала, и читала! Поэтому я здесь!

Князь Л.-Р.: Барон, о Вас сделали хороший фильм. Сохранились у Вас копии?

Барон Ф.-Ф.: Да, очень хороший фильм. Копии у меня есть. Интересную вещь хотел рассказать. Сегодня открытие Олимпиады в Сочи. И я, лёжа здесь в постели, ничем не занимаюсь, только читаю газеты, думаю о прошлом. И вот вспомнил, что мама мне рассказывала, что за год до революции она с папой на автомобиле из «Аскании-Нова» поехала в Сочи купаться. И я помню, что это было в альбоме, который мама сохранила, потому что когда мы удрали из России, единственное, что мы взяли с собой – фотографии, альбомы. Я помню, что в альбоме есть фотографии, где я голенький купался в море в Сочи. И нашёл! Я вам показываю! Это один из альбомов, который мама вывезла из России. Этому альбому более ста лет. Удивительная вещь! Когда дом горит, сперва хватаешь фотографии, так мама и сделала, спасла и вывезла тридцать альбомов. Так что я всё имею. Мама меня забрала, когда мне было пять лет, так что пять лет моей жизни в России я имею здесь, в фотографиях! Эти столетние фотографии и смотрю, вот Сочи, купаюсь и Вам показываю! Удивительная вещь!

О. К.: Ваша мама Вера Николаевна – удивительная женщина! Она понимала, что в первую очередь нужно беречь память прошлого, чтобы выстраивать будущее...

Барон Ф.-Ф.: И я Вам рассказываю, почему мы оказались в Сочи. Папа – первый человек на Украине, а может, и в России купил автомобиль, назывался он «Дикси», была фирма. И папа, зная, что будет выставка автомобилей в Париже, поехал туда и купил. И подумал, как же этот автомобиль попадёт на Украину, в наше имение, и взял с собой шофёра-француза, чтобы попасть в наш дворец. Дома француза встретили с большим «ура», и каждая девочка старалась покататься на автомобиле в саду. Так что он начал возить этих девочек, и конечно, потом переспал с ними и не хотел уезжать, а у него была семья в Париже, но так как у него было чудное время, так как за ним все ухаживали и кормили, он не хотел уезжать. Тогда жена в Париже обратилась в посольство в Петербурге (тогда все посольства были в Петербурге), чтобы французский посол забрал этого шофёра, чтобы его на поезд посадить.

Князь Л.-Р.: И он имел право это делать?

Барон Ф.-Ф.: Конечно, он же посол! Я отлично помню, мне было пять лет, как это он сделал, как приехал, забрал его и посадил в поезд. А автомобиль, конечно, остался. Потом ещё папа купил «Мерседес». Так, что у нас было два автомобиля. И мы поехали на автомобиле «Дикси» из «Аскании-Нова» в Сочи купаться.

Князь Л.-Р.: А кто правил машиной?

Барон Ф.-Ф.: Папа. Чудно правил. А раньше, мама мне рассказывала, это было длинное путешествие, потому что тогда не было станций, где можно бензин купить, а каждые 50 километров нужно его заливать. И тогда это очень долго длилось. Я помню, мы выехали в шесть часов утра и приехали в Сочи в восемь. Хорошо. Бензин тогда продавался в аптеке. Он уходил брать бензин в аптеке. Было 500 километров от «Аскании-Нова» до Сочи. Доехали благополучно. Я помню, мы жили в отеле рядом с морем, в двух шагах. А водичка была ещё холодноватая. Тогда это было ещё в апреле, а там наверху, в Красной Поляне, было сколько угодно снега, как теперь. И сегодня показывали (у барона единственного в Лихтенштейне есть спутниковая антенна, ведущая трансляцию из России), выпало много снега, что хватит на всю Олимпиаду! У них чудная погода, солнце! Всё прекрасно! А на другой день, как мы приехали, мы с сестрой пошли купаться. Но так как я терпеть не могу холодную воду, я удрал. Да, раньше, при царском режиме, были удивительные вещи. Например, я имел три няни. Мы должны были быть воспитаны: одна няня – англичанка, другая – немка, третья – француженка. И когда мы удрали и попали сначала в Германию – пожалуйста – по-немецки, во Франции – по-французски. Мне было пять лет!

О. К.: Но я хотела ещё Вас спросить о том, как Вы подарили библиотеку Дягилева – Лифаря Киеву, при каких обстоятельствах?

Барон Ф.-Ф.: Когда должен был состояться аукцион Sotheby's, в Монте-Карло, Серёжа сам мне позвонил и сказал, что будет продаваться коллекция его книг, большую часть собирал сам Дягилев, и что я должен взять больше денег. Когда шли торги, Сергей сидел рядом и шептал мне на ухо: «Бери скорее! Это даром. Уйдёт. Уникальная вещь». На этом же аукционе я познакомился

с Ильёй Самойловичем Зильберштейном, с которым мы так много сделали. Ему повезло, что он встретил меня тогда, потому что я отдал ему книгу, за которой он приехал. Я потом много чего подарил Украине. Кто ж знал, что Украина отсоединится, и российские реликвии окажутся в другой стране (в благодарность за приглашение на Родину, помимо «библиотеки Дягилева – Лифаря», Академии наук УССР в Киеве барон подарил походный сундучок с позолоченными подсвечниками XVIII века с надписью «Личная собственность Императора Александра II», который был самой драгоценной семейной реликвией и хранился с тех пор, как император гостил в их доме в Преображенке. – *О. К.*).

Князь Л.-Р.: Я помню, когда Зильберштейн приехал в Париж после аукциона Sotheby's в Монте-Карло, он поселился в гостинице «Quai Voltaire» по адресу 19, Quai Voltaire, на той же набережной, где метрах шестиста в сторону к Парламенту жил Сергей Лифарь. Я тут же поехал к нему в гостиницу и увидел, что он горевал, что советские власти ему выдали выездную визу накануне аукциона в Монте-Карло, и посему он попал туда с таким запозданием и не смог познакомиться с материалом. Зато хвалил щедрость барона. Главное, что его беспокоило, это участь писем Пушкина, которые были у Лифаря, и он обсуждал возможность их у него купить. На следующий день Зильберштейн пришёл к нам на ужин, на нашу квартиру на Avenue d'Iena, недалеко от Триумфальной арки. Нина приготовила, как обычно, вкусный ужин, но, к нашему великому огорчению, Зильберштейн выпил только чай, ибо у него был сильно развитый диабет.

Барон Ф.-Ф.: Лифарь считал, что письма Пушкина – самое ценное, что было у него. Их было одиннадцать. Все думают, что он получил их даром от Дягилева. Ничего подобного! Дягилев никакого завещания не оставил, он не собирался умирать. Всё же могло достаться Франции. Бедный Серёжа! Он без конца танцевал, не зная отдыха. Он только и думал, чтобы не вывихнуть ногу. Он мне говорил, что он спас дягилевские реликвии от распродажи, работая ногами. Серёжа ни за что не хотел продавать письма Пушкина, хотя ему предлагали большие деньги. А не продал потому, что берёг их для России. Вот такой был патриот!

Князь Л.-Р.: Дорогой барон, были Вы знакомы с Борисом Князевым, Роланом Пети, Зизи (Рене – *О. К.*) Жанмер?

Барон Ф.-Ф.: Да! При чём она здесь? Почему Вы спрашиваете?

Князь Л.-Р.: Потому что она, будучи звездой балета, помогала и выручала Лифаря в его трудные времена.

Барон Ф.-Ф.: Она приезжала на приёмы в Maxim's. Я имел чудное общество. Мы встречались раз в месяц и проводили очень весёлые вечера. Там собирались всевозможные спортивные, театральные люди – Жан Маре, Морис Шевалье. Он был мой большой друг. Вы слышали о нём? И он приезжал на мою свадьбу в Мюнхен. Здесь же Лифарь обмывал золотую балетную туфлю, пил шампанское из неё, когда отмечал 25 лет работы в Парижской Опере. Он очень переживал, что пришлось уйти из театра. Он очень хотел поставить «Федру» в Большом театре. Не позволили. Со слезами на глазах он мне рассказывал об этом. Так что мы все встречались в Maxim's. Я был членом этого общества. И, конечно, благодаря этому я познакомился со всеми знаменитыми театральными людьми Франции. И все приезжали ко мне навещать меня сюда. А теперь все умерли, никого нет. НИКОГО. Все умерли. Я последний. Потому что не каждый человек доживает до 101 года как я. Так что от старых времён, когда я жил в Париже и там учился, никого не осталось. Как хорошо, что Вы приехали!..

Коко Шанель и Серж Лифарь

Сергей Лифарь. Вставка: барон Фальц-Фейн и Лифарь, 1966

Лиллиан Аленфельдт и Сергей Лифарь

Сергей Лифарь перед Парижской оперой

*Барон Фальц-Фейн, Оксана Карнович и Никита Лобанов-Ростовский, 7 февраля 2014 г.,
Вадуц, Лихтенштейн*

Русский мир без границ

Елена Черпакова

РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО В ВАРШАВЕ

В 2014 году Российское Общество в Польше празднует свой 25-летний юбилей.

Общество было официально зарегистрировано в 1989 году под названием «WSPÓLNONTA ROSYJSKA». Центральное управление находится в Варшаве, на ул. Гроховской, 252/254. С 2011 года Лидия Ходницкая является председателем правления. Российское Общество в Варшаве насчитывает более ста членов, в Плотском отделении – 18 членов. В основном это люди, родившиеся в Советском Союзе, сейчас не только проживающие на территории Польши, но и являющиеся её гражданами. В большинстве случаев причина переезда в Польшу - это вступление в брак с гражданином Польши. Важно отметить, что корни Российского Общества идут из Российского центра науки и культуры при российском посольстве, которое тогда находилось на улице Фоксаль, и в 2014 году РЦНиК отпраздновал свой 50-летний юбилей. Русскоязычные люди собирались тогда в Русском центре науки и культуры с целью продолжения и сохранения православных традиций русской культуры. По инициативе Российского Общества в настоящее время деятельность Общества направлена и на сохранение старых традиций русской культуры и новых, которые внедряются в соответствии с духом времени. Масленица - это традиция проводов зимы наших предков-язычников из III века. Об этом незабываемом народном красочном празднике, полном забав и доброжелательной атмосферы, будут с радостью вспоминать участники праздника, который состоялся 2 марта 2014 г. в «Ранчо Бема» (Непорет Мазовецкого района), расположенном под Варшавой. К новым праздникам относятся День защитника Отечества - 23 февраля; День России - 12 июня; День народного единства - 4 ноября; День семьи, любви и верности - 8 июля. Они отмечаются не только в России, но и среди российских соотечественников за рубежом. В этом году 8 июля чествовались семьи, проживающие в браке более 25 лет, известные крепостью семейных устоев и воспитавшие детей достойными членами общества. Награждены две семьи членов Российского общества в Варшаве медалью «За любовь и верность».

Представители Российского Общества из Варшавы – постоянные участники Международного конгресса соотечественников, на который приезжают один раз в два года представители 54-х стран.

В программу деятельности Российского Общества также входят литературные вечера, путешествия, связанные с местами русской культуры, помощь пожилым людям. В Обществе состоят три человека, которые пережили блокаду Ленинграда.

Среди членов общества есть особенно одаренные люди. Приведу несколько портретов Соотечественников.

ЮЛИЯ МЫГА И ЛЕВ ПЛАТОНОВИЧ ДОЛГОВ

В народе говорят: «Красна хата не углами, а горячими пирогами».

В радости, в печали или когда хочется поговорить по-русски с соотечественниками, познать их историю жизни, занятия, увлечения мы встречаемся в тесном кругу, возбуждая друг в друге приятное чувство принадлежности к русской культуре,

На собрании Российского Общества в РЦНиК мы познакомились с Львом Платоновичем Долговым и Юлией Мыгой. Отец и дочь - профессиональные художники. Я, Владислав Черпаков и наш приятель Анджей посетили их художественную мастерскую в начале мая. Анджей – поляк-русифил, родился в Польше и с трёх месяцев является членом Российского Общества.

Перед визитом к художникам мы познакомились с творчеством Юлии Мыги в интернете: Malarstwo Julia Myga Facebook <https://www.youtube.com/watch?v=23g-k59nDMU> «Granice sztuki», www.survio.com/survey/d/E7R9E1R5W7W2Q2L00. Фильм «Границы искусства» получил главную награду зрителей в зрительском конкурсе.

В мастерской встретила нас хозяйка. Мы вошли в помещение, в котором царил творческая атмосфера, и пахло свежей краской. Осматривая картины, висящие на стенах, я вспомнила, что некоторые из них видела на выставке в гостинице «Мазуркас» в Ожарове Мазовецком в декабре 2012 года. Юлия подтвердила это и рассказала, что с 1988 года участвовала во многих выставках – индивидуальных и коллективных – в галереях Варшавы, Вильнюса, Ольштына, Москвы.

Позже присоединился к нам Лев Платонович, и во время чаепития мы с большим интересом слушали его увлекательный рассказ о его жизни и творчестве. Родился он в 1924 году в Ростовской области. Начал свой взрослый жизненный путь на фронте. Его военный путь вёл через Кенигсберг до Каунаса. На наших глазах Лев Платонович перевоплотился в советского солдата. Его лицо отражало внутреннее волнение и переживание от воспоминаний событий тех дней, а особенно когда он пережил смерть боевого товарища на его руках. После Победы Лев Платонович восстанавливал Кёнигсберг и заведовал клубом культуры в районе Понарт. Затем с семьёй жил в Ростовской области, где родились дети – дочь Юлия и сын Александр. Лев Платонович стал художником-маринистом и посвятил детей в таинственный мир красок, рассказывал об изобразительном искусстве на прогулках под солнцем южной России и реки Дон. Наделённые генетическим талантом, оба выбрали жизненное направление - изучение изобразительного искусства.

Юлия окончила с отличием в 1978 году Художественное училище им. Грекова в Ростове-на-Дону, куда переехали всей семьёй. Так у детей появилась возможность получить художественное образование. Дальше Юлия продолжала образование в Московском высшем художественно-промышленном училище им. Строганова, которое окончила в 1983 году на отделении интерьера в мастерской профессора Зои Нестеровой. Юлия с благодарностью вспоминает своих учителей. В Москве познакомилась с будущим мужем Анджеем. В России родились их дети – дочь Агнешка и сын Януш. Муж Анджей Мыга по окончании того же института МВХПУ выехал в Польшу, а Юлия с двумя детьми вынуждена была вернуться в отчий дом в Ростове-на-Дону в ожидании визы в Польшу. В 1984 году она выехала с детьми к мужу и с этого времени живёт и творит в Варшаве.

Юлия рассказывала, как в Польше ценят русскую школу и русское искусство: «В Москве учили классическому реализму, а в Польше я хотела расширить свои творческие горизонты. Я пробовала себя в разных техниках и направлениях. В моём творчестве были периоды абстракции и фигурации». Для картин Юлии Мыги характерен оригинальный выбор форм, последовательные и продуманные композиции, специфический колорит. В равной мере увлекает её как природа, так и дело рук человеческих. Рисует она городской пейзаж, но из собственной сказки. Однако в центре внимания по-прежнему остаётся человек. Агнешка, Януш и муж Анджей - самые благодарные модели. Януш работает с отцом на телевидении по профессии «графическое оформление телевизионных программ». Агнешка закончила филологический факультет Варшавского университета, но также занимается живописью.

Мы решили поблагодарить хозяев за сердечный приём. Юлия предложила нам остаться до её возвращения и пообщаться с отцом, чему мы очень обрадовались, потому что успели полюбить Льва Платоновича, а он также был рад с нами поговорить. Год назад, после смерти жены, Лев Платонович переехал жить к дочери в Варшаву. И хотя со стороны семьи дочери он окружён заботой и очень хорошими условиями для жизни, он испытывает недостаток общения с русскоязычными людьми. Владислав прочитал своё стихотворение «Наш Есенин», а Лев Платонович в ответ прочитал на память стихотворение самого Сергея Есенина. Затем Владислав прочитал своё – «Здесь и начало и конец».

ЗДЕСЬ И НАЧАЛО И КОНЕЦ

Роддом, больница часто снится,
А рядом кладбище белеет -
Здесь и начало и конец,
Какой бы ни был ты мудрец.
Уходят люди, в памяти оставив след,
Молодость птицей пролетела.
Глядишь, а ты уж дед.
А годы идут - здоровье крадут,

Порой бывает жутко,
То сердце ноет, то язва желудка.
Жизнь не ко всем так мила.
Вот так она распределила:
Кому-то жизнь - награда,
А кому-то могила и ограда.
Ведь мы туристы на этом свете -
Об этом знают даже дети.
Пока у жизни мы в гостях,
Любите, радуйтесь на всю катушку,
Воздушный замок твой – избушка!

Лев Платонович с интересом слушал и в ответ прочитал стихотворение Константина Симонова.

Затем мы показали привезённый нами фильм II Общепольского фестиваля российской песни для начальных и средних школ «Балалайка», который проходил 27 марта 2014 года в РЦНиК. Лев Платонович и пришедшая к тому времени Юлия были приятно удивлены тем, как польские школьники замечательно, а некоторые довольно профессионально, исполняли русские песни. Слушатели Русского центра также награждали бурными аплодисментами исполнителей русских народных песен и песен советских времён. Больше всего эмоций вызвала у слушателей песня «Я люблю тебя, Россия» в исполнении школьника из города Седлицы.

В заключение Лев Платонович показал нам семейный альбом, где бережно хранятся фотографии военных лет, рассказав, при каких обстоятельствах и где были сделаны снимки, называя по имени и фамилии своих боевых друзей, и кто из них не дожил до Победы.

А 9 Мая мы встретили Льва Платоновича с внучкой Агнешкой на торжестве - возложении венков у обелиска советским солдатам на кладбище в Варшаве.

ЛЕОНИД ВОЛОДЬКО

Радует своим творчеством Лео Володько – певец, поэт, автор мелодий и текстов. Он родился в 1963 году в городе Измаиле Одесской области, теперь живёт в Варшаве. Он часто выступает перед слушателями со своим богатым репертуаром: классическими балладами и романсами и со своими композициями на нескольких языках в Варшаве, Кракове, Познани, Белостоке, а также в России, Белоруссии, Литве, Чехии, Франции, Италии и др.

Но чаще всего Леонид выступает с разными программами в РОНиК и на проводимых Российским Обществом праздниках.

С Леонидом Володько мы познакомились в РОНиК по окончании его концерта и сблизилась, благодаря нашему общему увлечению поэзией. Уже после первого общения возникло между Леонидом и Владиславом человеческая симпатия, плодом которого была совместно написанная песня «Эпитафия Джорджу Харрисону» в английской версии. Владислав Черпаков – автор оригинального текста на русском языке. Леонид Володько – автор версии английской и композиции.

На одном из концертов Леонид с удовольствием прочитал стихотворение Владислава Черпакова «Наш Есенин», которое специально было написано для литературно-музыкального вечера «Наш знакомый – Сергей Есенин», проходившего 17 октября 2013 г. в Варшавской публичной библиотеке им. Зигмунта Яна Рымлы.

История и краеведение

Протоиерей Георгий Бирюков

К СТОЛЕТИЮ НАЧАЛА ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

В 2014 году мир отмечает столетнюю годовщину начала Первой мировой войны. Эта война стала тяжёлым испытанием для человечества. Она продолжалась более четырёх лет и охватила весь земной шар. В ходе боевых действий погибли и умерли от ран и болезней миллионы людей, десятки миллионов стали калеками. Война стала причиной крушения четырёх империй (Российской, Германской, Австро-Венгерской и Османской), привела к появлению на карте мира новых независимых государств, к изменению границ и перемещению масс людей. Первая мировая война спровоцировала революции в ряде государств, гражданские и локальные войны. Отдалённым последствием Первой мировой войны стала Вторая мировая война, ещё более жестокая и разрушительная.

Калининградская область является единственным регионом современной России, где в годы Первой мировой войны велись ширококомасштабные боевые действия. Война оставила после себя многочисленные воинские захоронения, в которых были погребены павшие в сражениях российские и германские воины, а также военнопленные, умершие в рабочих лагерях и госпиталях. Наибольшее число воинских захоронений сосредоточено на востоке Калининградской области, там, где в 1914-1915 гг. шли жестокие бои.

Первоначально погибшие воины хоронились в братских могилах на поле боя. Международные конвенции о правилах ведения войны требовали уважительно относиться к павшим врагам. Поэтому и российская, и германская армии хоронили не только своих воинов, но и павших врагов. После окончания боевых действий воинские захоронения были систематизированы. Германские гражданские власти Восточной Пруссии инициировали создание нескольких воинских мемориалов, на которые были перемещены с полей боёв останки павших. Часто на таких мемориалах создавались два участка: германский и российский. Конечно, павшие германские воины размещались при этом в более почётном месте. Несколько таких мемориалов сохранилось до наших дней. В Нестеровском районе можно выделить самое крупное сохранившееся воинское захоронение периода Первой мировой войны – рядом с посёлком Совхозное (Маттишкемен). 20 августа 1914 года здесь был эпицентр Гумбиннен-Голдапского сражения. Также можно отметить сохранившийся воинский мемориал Степное (Вальдаукадель) неподалёку от Чистых Прудов, и целый ряд повреждённых после 1944 года мемориалов: Дальнее (Амстхаген), Новостроевка (Грюнвайден), Бабушкино (Гросс-Дегезен), Пушкино (Гёриттен), Нестеров (Шталлупенен) и другие.

Другим типом воинских захоронений стали почётные участки на поселковых кладбищах. Это могли быть чисто германские захоронения, а могли быть братские могилы российских воинов. В некоторых случаях российские и германские воины могли быть захоронены по соседству.

Третьим видом воинских захоронений были полевые могилы. Их можно и сегодня обнаружить где-нибудь в лесу или в поле. Это могли быть братские могилы с числом погребённых в десятки и даже сотни бойцов. Могли быть и одиночные захоронения. Наконец, тела некоторых германских воинов были доставлены после гибели в родные посёлки и погребены на кладбищах среди гражданских лиц.

На территории Нестеровского района Калининградской области боевые действия начались 1 августа 1914 года. В этот день Германия объявила России войну. Пограничники и расположенные рядом с границей воинские части сразу же заняли боевые позиции. В германском посёлке Эйткунен (сегодня это посёлок Чернышевское), рядом с железнодорожным вокзалом до 1944 года стоял памятник. Его видел, например, оказавшийся волею судьбы в 1943 году в Восточной Пруссии Андрей Трубецкой: на мемориальной доске была надпись о том, что памятник поставлен горнисту такого-то полка кайзеровской армии, первой жертве Первой мировой войны. Согласно немецкой патриотической легенде, этот горнист якобы увидел крадущихся российских солдат и успел поднять тревогу. Сам же погиб. Правда, германский историк Макс Денен в своём

исследовании о воинских захоронениях на территории Восточной Пруссии приводит иную версию: «К первым погибшим на восточной границе относится ополченец Бублиес, который разыскивал в темноте свою позицию, был принят за русского и застрелен своими». В любом случае, погибшие на территории Нестеровского района появились в первый же день войны. А последний бой прошёл здесь 12 февраля 1915 года на берегу Виштынецкого озера во время Зимней битвы на Мазурах.

Всего на территории Нестеровского района прошли полностью или в значительной своей части шесть крупных сражений: Шталлупененское сражение 17 августа 1914 года, Гумбиннен-Голдапское сражение 20 августа 1914 года, завершающая часть Битвы на Мазурах 9-14 сентября 1914 года, сражение к северу от Роминтенской пуши 7 ноября 1915 года, сражение к западу от Роминтенской пуши 13-15 ноября 1914 года и часть Зимней битвы на Мазурах 8-12 февраля 1915 года. Небольшие бои и стычки учёту не поддаются.

Первая мировая война оставила на территории Нестеровского района не менее 216-ти воинских захоронений. Из них более 120-ти воинских захоронений российских и совместных (российско-германских). К сожалению, после 1944 года должного ухода за ними не было. Только 2 октября 1957 года решением Калининградского облисполкома №423 в число объектов культурного наследия, взятых под государственную охрану, был включён воинский мемориал в совхозе Чистые Пруды (Степное-Вальдаукадель), на котором покоились 332 российских и 361 германский воин. На этом мемориале был в 1957 году установлен гранитный обелиск высотой 4,5 метра с начертанной эпитафией: «Вечная слава русским воинам, погибшим в Первой мировой войне. 1914-1918» и выбитой пятиконечной звездой. Данное сооружение оказалось первым в истории Калининградской области и на несколько десятилетий единственным памятником, возведённым в ознаменование событий Первой мировой войны. Тем же решением облисполкома №423 под охрану местного Совета депутатов трудящихся был взят мемориал в совхозе Ясная Поляна (к северу от посёлка Совхозное-Маттишкемен). Это самое крупное в Калининградской области и современной России боевое русско-немецкое захоронение. Здесь упокоены 438 российских и 646 германских воинов, погибших 29 августа 1914 года.

Остальные 120 захоронений российских воинов под охрану взяты не были. Не охранялись и германские воинские захоронения. Спустя всего два года решением того же Калининградского облисполкома от 30.09.1959 г. №573 вышеуказанные два воинских мемориала были выведены из списков памятников истории, подлежащих охране. Видимо, это решение обуславливалось новым курсом политики Н.С. Хрущёва. Наряду с антирелигиозной кампанией этот курс предполагал и ревизию событий отечественной истории. Пропаганда героизма русской армии в «империалистической» войне не поощрялась.

Только после свержения Хрущёва решением Калининградского облисполкома от 21.12.1967 г. №364 памятником истории и культуры, подлежащим учёту и охране местных органов власти, был снова признан воинский мемориал неподалёку от посёлка Ясная Поляна (Совхозное- Маттишкемен). Воинскому мемориалу Степное (Вальдаукадель) близ Чистых Прудов статус памятника был возвращён ещё позже: решением Калининградского облисполкома от 14.10.1976 г. №246.

Только после начала «перестройки» в Калининградской области началась работа по выявлению сохранившихся памятников и воинских захоронений периода Первой мировой войны. На начало 2013 года статус объектов исторического наследия, подтверждённых Постановлением Правительства Калининградской области от 23.03.2007 г. №132, имели семь воинских захоронений и три памятных знака на территории Нестеровского района. Воинские захоронения следующие:

- 1) воинский мемориал Совхозное (Маттишкемен) неподалёку от посёлка Ясная Поляна;
- 2) воинский мемориал Степное (Вальдаукадель) близ Чистых Прудов;
- 3) воинский мемориал Ильинское (Касубен), 66 российских воинов и 77 германских, погибших 7 ноября 1914 года;
- 4) воинский мемориал Пушкино (Гёриттен), 601 российский и 196 германских воинов, погибших 17 августа и 7 ноября 1914 года;
- 5) воинский мемориал Чернышевское (Эйдткунен), 26 российских и 77 германских воинов;
- 6) воинский мемориал Бабушкино (Гросс-Дегезен), 121 российский и 69 германских воинов;

7) воинский мемориал Новостроевка (Грюнвайден), 19 российских и 30 германских воинов. Этот памятник ошибочно указан находящимся на территории Гусевского района.

Памятные знаки событиям Первой мировой войны в Постановлении Правительства указаны следующие: в посёлках Пушкино, Невское и Краснолесье. Памятные знаки в Краснолесье и Невском поставлены в честь германских воинов, уроженцев этих населённых пунктов. Памятный знак в посёлке Пушкино был создан по моей инициативе прихожанами Свято-Духова храма города Нестерова и скаутами в память о погибших и погребённых на соседнем воинском мемориале 601-м российском и 196-ти германских воинах.

Итак, на начало 2013 года семь воинских захоронений числились как памятники истории и культуры. Это не означает, что они уже были восстановлены, однако в список объектов исторического наследия их уже включили. Не менее 115 захоронений российских воинов ни в каких списках не значились. Можно отметить, что в годы «перестройки» немецкие волонтеры (резервисты Бундесвера) получили законную возможность производить уход за германскими воинскими захоронениями. В том случае, если рядом были погребены российские воины, немцы обычно приводили в порядок и их могилы. Таким образом ещё несколько захоронений российских воинов на территории Нестеровского района были приведены в относительный порядок. По крайней мере, раз в год на них окашивалась трава и собирался мусор. Но в целом ситуация была нетерпимая: около сотни братских могил постепенно исчезали с лица земли.

Возглавляемая мною Калининградская региональная общественная организация юных разведчиков-скаутов «Ятвягия» занимается уходом за воинскими захоронениями в течение одиннадцати лет. В 2002 году, воспользовавшись возможностью, мы поставили в посёлке Пушкино памятный знак – пирамиду из валунов на бетонной стяжке с крестом из мраморной крошки. В перекрестие вставлен мраморный портрет императора Николая II. На плите выбита надпись: «Кто тебе служили, с клятвой на устах, головы сложили на семи фронтах. А кто тебя любили, где ж теперь оне? В придорожной пыли, их проклиjali, убили на мировой войне. В память о 601-м российском воине и 196-ти германских воинах, похороненных здесь».

В 2013 году скауты КРДООЮРС «Ятвягия» провели большую работу. Идея была такая: используя факт приближающегося юбилея (столетие начала Первой мировой войны) выполнить максимально возможный объём работ на российских воинских захоронениях в Нестеровском районе. Нам удалось получить поддержку грантового конкурса «Православная инициатива», проводимого нижегородским благотворительным фондом имени преподобного Серафима Саровского. Кроме того, мы рассчитывали на помощь Агентства по делам молодёжи Правительства Калининградской области и отдела социальной защиты администрации Нестеровского района в деле организации палаточных скаутских лагерей. Благодаря помощи «Православной инициативы» скаутская организация смогла укрепить свою материальную базу. Мы приобрели необходимое оборудование, включая электрический генератор и бетономешалку, хорошие инструменты, необходимые стройматериалы. Благодаря помощи «Православной инициативы» мы изготовили 32 металлических православных креста двух- и трёхметровой высоты, а также шесть гранитных плит и сделали на них соответствующие надписи.

В период с мая по август КРДООЮРС «Ятвягия» провела несколько палаточных лагерей в районе посёлка Краснолесье: «Первый костёр», «Роминта-2013», «Казачок»... Лагерем «Казачок» руководили настоящие казаки Семиреченского казачьего войска. В нём участвовали только юноши и мальчики. Часть старших скаутов «Ятвягии» была принята в казачью организацию в качестве кадетов. Казаки, в свою очередь, участвовали в наших трудах на воинских захоронениях. В районе посёлка Краснолесье несколько лет назад, на бывшем кладбище посёлка Шелден я нашёл братскую могилу, в которой в ноябре 1914 года были погребены шесть российских воинов. Она была раскопана вандалами, кости погребённых были разбросаны. Сохранилась надгробная плита, на которой были выбиты надпись на немецком языке и православный крест. В перекрестие кто-то произвёл меткий выстрел. Территория могилы на момент обнаружения заросла кустарником высотой выше человеческого роста. В течение нескольких лет, проводя скаутские лагеря «Роминта», мы провели восстановительные работы на этом воинском захоронении. Кости погибших были собраны и захоронены, кустарник вырублен. Поверхность могилы была выровнена. Однако к более серьёзным работам позволил приступить только грант «Православной инициативы». Мы окончательно вырубали кустарник между автомобильной дорогой и могилкой, затащили в лес генератор и бетономешалку, цемент и песок. Участники лагеря «Роминта-2013» немного поработали: на поверхности братской могилы была сделана бетонная стяжка, после чего

она была покрыта тротуарной плиткой. Рядом был установлен металлический православный крест. Ещё три креста мы поставили у автомобильной дороги, а рядом с ними гранитную плиту с надписью: «Вечная память воинам Российской императорской армии. 1914 год. КРДООЮРС «Ятвягия».

Ещё одна братская могила была найдена нами в Роминтенской пуше, неподалёку от озера Виштынец. В ней в 1915 году были погребены 68 российских воинов 106-го пехотного Уфимского полка и командир пулемётной команды этого полка поручик Нечаев. Могила была раскопана вандалами ещё до 2010 года, но это уже другая история. В этом году мы не смогли устроить палаточный лагерь в той части пуши. Поэтому работы на той братской могиле производили методом выездов мобильных скаутских групп. В ходе одного из выездов мы затащили туда по лесной тропе (два километра) металлический крест, цемент, песок и воду, а затем установили и забетонировали этот крест на могиле.

Около автомобильной дороги, на траверзе лесной братской могилы, мы соорудили памятник в честь воинов 106-го пехотного Уфимского полка. Была залита бетоном прямоугольная площадка, отлита железобетонная стела, установлены бетонные кресты. Площадка была покрыта тротуарной плиткой. Около стелы были установлены четыре гранитных шара, подаренных общественной организацией «Белое дело» из Санкт-Петербурга. Перед площадкой установлена гранитная плита с надписью: «В память о воинах 106-го пехотного Уфимского полка. Будь готов! За Россию! КРДООЮРС «Ятвягия». Между памятником и дорогой поставлены ещё три металлических креста.

В ходе проведения работ выявились отдельные добровольцы и целые организации, пожелавшие к ним подключиться. Про «Белое дело» из Санкт-Петербурга было сказано выше. Эта организация помогла специфическим инструментом для укладки плитки – трамбовочной машиной. Благодаря этому плитка на памятнике и братской могиле у Краснолесья была уложена вполне профессионально.

Другая организация образовалась в Калининграде. Она называла себя группой «Последние герои империи». Раз в две недели по субботам добровольцы этой группы приезжали в Нестеровский район для проведения работ по благоустройству воинских захоронений. Состав добровольцев не был постоянным, но за лето образовался костяк. В Интернете появилась группа на сайте «ВКонтакте» с названием «Последние герои империи», которая координировала её действия. На памятнике у Виштынца добровольцы этой группы выполнили работы по устройству бетонной дорожки от автомобильной дороги до памятника. Вместе со скаутами «Ятвягии» они приняли участия в работах ещё на трёх воинских захоронениях периода Первой мировой войны. Два из них расположены около федеральной трассы А-229. Это воинские участки бывших поселковых кладбищ Абштайнен (31 русский воин) и «Грюнхоф» (11 русских воинов). «Последние герои империи» вырубил кустарник, которым заросли кладбища, собрали мусор. Затем на каждом из них были установлены и забетонированы по три металлических креста из числа изготовленных на средства «Православной инициативы». Перед крестами на кладбище «Грюнхоф» была поставлена гранитная плита с надписью «Помолись, путник, о последних героях Империи! 11 русских воинов покоятся здесь. КРДООЮРС «Ятвягия».

Ещё один объект, на котором были проведены совместные работы – это воинский мемориал в городе Нестерове. Там были погребены 339 русских и 165 германских воинов. По числу погребённых этот мемориал – шестой в Калининградской области. Он был практически разрушен и приговорён к уничтожению. На его месте началось строительство гаражей совместного российско-литовского предприятия. Однако за четыре года хождений по прокуратурам и судам удалось добиться изъятия территории этого мемориала из частной собственности. Теперь его можно восстановить. Для начала его территория была расчищена от зарослей, недостроенных стен гаражей и мусора. У входа на мемориал были установлены две группы по три металлических креста и две гранитные плиты с надписями. На одной из них выбито: «Помолись, путник, о последних героях Империи! 339 русских воинов покоятся здесь. КРДООЮРС «Ятвягия». На другой плите выбито: «Кладбище героев воинский мемориал «Шталлупенен». 339 русских воинов. 165 германских воинов. 1914-1918 гг.»

Ещё три металлических креста были установлены при помощи казаков на братской могиле возле церкви в посёлке Калинино. Кроме того, «Ятвягия» установила памятный знак на Гумбинненском поле. Гранитная плита поставлена на том месте, где держала оборону 1-я рота 106-го пехотного Уфимского полка. На ней выбиты фамилии павших в этом бою командира роты

капитана Дмитрия Епикацера и пяти нижних чинов. Памятный знак был освящён 1 августа в День памяти русских воинов, павших в годы Первой мировой войны.

Можно отметить, что скаутская организация «Ятвягия» продолжает поиск затерянных воинских захоронения. Изучаются немецкие списки братских могил и иные документы. Изучаются архивные и современные карты. Затем производится выезд на местность. С помощью навигатора находится место, где должно быть воинское захоронение, после чего производится поиск обломков надгробий и иных предметов, указывающих на наличие братской могилы. Таким методом удалось определить за минувшее лето места нескольких братских могил, у которых не сохранилась надземная часть.

Непосредственно восстановительные работы этим летом велись на шести воинских захоронениях. Всего же захоронений российских воинов в Нестеровском районе 116. Поэтому очень важно привлечь внимание к выявившейся проблеме представителей местного самоуправления и населения района и области в целом. Именно на местное самоуправление российское законодательство возложило заботу о сохранности захоронений защитников Отечества. Ну, а реальную помощь в решении проблемы вероятнее всего получить у простых российских граждан. Поэтому КРДООЮРС «Ятвягия» прилагает много усилий для освещения проблемы в СМИ. Информация о ходе восстановления братской могилы «Шелден» близ Краснолесья, памятника и братской могилы «Грюнвальде» близ Виштынца, «Шталлупенен» в Нестерове, «Абштайнен» и «Грюнхоф», об установке памятного знака на Гумбинненском поле размещалась в СМИ, в том числе в газетах «Калининградская правда» и «Аргументы и факты. Калининград», на сайте nesterov-cerkov.ru Свято-Духова прихода, exklav.ru (радиостанция «Русский край»), портале «Новый Калининград», в блогах и в группах сайта «ВКонтакте» «Роминта» и «Последние герои империи».

Благодаря помощи «Православной инициативы» в этом году «Ятвягия» смогла реализовать свой издательский проект. Идея его была взята у энтузиастов из Лодзинского воеводства Республики Польша. На территории этого воеводства в 1914 году произошло Лодзинское сражение, оставившее после себя множество воинских захоронений. Местные энтузиасты под руководством Михала Ягайло приложили много усилий для того, чтобы рассказать всем о наличии проблемы сохранности исторического наследия. С этой целью они издали туристическую карту с указанием маршрутов по местам боёв Первой мировой войны, несколько информационных брошюр и набор открыток с фотографиями воинских захоронений. Подобную работу решили осуществить и мы.

Были сделаны фотографии воинских мемориалов и братских могил, сохранившихся и восстановленных. Были найдены довоенные фотографии воинских захоронений. Далее были созданы макеты 16-ти открыток двусторонней печати и общей обложки. В типографии были заказаны комплекты открыток тиражом 300 экземпляров под названием: «По следам Первой мировой войны. Воинские захоронения Нестеровщины». На лицевой стороне каждой открытки помещены по три цветные фотографии одного захоронения: одна большая (общий вид) и две маленькие (фрагменты захоронения). На обороте помещена чёрно-белая довоенная фотография того же захоронения. Получилась довольно наглядная картина сложившейся ситуации.

Далее нами была отпечатана брошюра «По следам Первой мировой войны. Захоронения воинов Русской императорской армии в Нестеровском районе». Формат – обрезанный А4. Печать – полноцветная. Количество страниц – 36. Тираж – 500 экземпляров. Брошюра выполняет роль каталога главных захоронений Нестеровского района. В ней приведены иллюстрированные фотографиями сведения о 31-м воинском захоронении.

Наконец, нами была отпечатана тиражом 1000 экземпляров справочная карта Нестеровского района с указанием автомобильных и пешеходных маршрутов по местам боёв Первой мировой войны. На карте условными значками указаны места воинских мемориалов, памятников, а также иных объектов, интересных туристу: церквей, часовен, музеев, живописных руин...

Подготовленная и изданная печатная продукция заполняет вакуум справочной информации о событиях Первой мировой войны на востоке Калининградской области, позволяет привлечь внимание властей и общественности к наличию проблемы и показывает пути её решения. Подготовка к достойной встрече столетия начала Первой мировой войны продолжается.

История и краеведение

Виктор Геманов

Виктор Степанович Геманов - действительный член Академии военно-исторических наук, профессор Балтийской государственной академии рыбопромыслового флота, член Союза писателей России, член Союза журналистов России, лауреат Всероссийской литературной премии имени Великого князя Александра Невского, автор 28 книг.

НАСТОЙЧИВО ШЛИ К ПОБЕДАМ...

(Подводники-балтийцы в Первую мировую войну)

В первые месяцы Мировой войны на Балтийском море произошёл такой интересный случай. Командующий Балтийским флотом адмирал Николай Оттович Эссен написал приказ, в котором поздравлял балтийских подводников с... неодержанной победой! Невероятно, однако факт.

А дело было так. 16 ноября 1915 года немецкий броненосный крейсер «Фридрих Карл» в сопровождении эскадры миноносцев и судов обеспечения вышел для нанесения массированного артиллерийского удара по русской военно-морской базе Либавы. Около полуночи командир крейсера получил срочную радиограмму. Его коллега, командир отряда крейсера «Аугсбург» и двух подводных лодок, возвращавшийся из боевого похода, сообщал: «Только что встретил в море норвежский парусник, от капитана которого узнал, что его некоторое время назад задержала, по-видимому, английская подводная лодка...»

Поблагодарив коллегу, командир эскадры продолжил свой путь. Но около четырёх часов ночи у борта крейсера неожиданно громыхнул сильный взрыв. «Вот она, торпеда подлодки!» - мелькнула запоздалая мысль. Командир, чтобы уклониться от возможной повторной атаки лодки, приказал круто переложить руль. Но ещё не был завершён поворот, как у борта корабля прогрехотал новый взрыв. Суда обеспечения и миноносцы бросились на помощь своему лидеру. И тут прогремел третий взрыв: разломился и пошёл на дно транспорт «Эльбинг-9»...

Странно, но никому из командиров кораблей тогда не пришло в голову, что отряд просто попал на минное поле, выставленное на подходе к Либаве. Но такое случилось. И в результате планировавшаяся немецким командованием операция оказалась сорванной.

А дальше произошло то, что произошло. Перехваченный службой радиоразведки радиообмен германских кораблей был немедленно доложен командующему Балтийским флотом. Для Николая Оттовича Эссена такая весть после многих месяцев безрезультатных боевых походов подводников была бальзамом для души и сердца. Растроганный и обрадованный, он обратился к подводникам с тем самым поздравительным приказом...

Что было, то было: на первом этапе войны на Балтике успехи не жаловали русских подводников. Десятки дорогостоящих мин Уайтхеда (так раньше называли торпеды) были израсходованы зря. Последующий дотошный анализ происходившего вскрыл причины неудач. Они оказались до обидного простыми. Прежде всего, в составе бригады подлодок было всего одиннадцать лодок. Только восемь из них были боевыми. Но и экипажи их в предвоенное время не были достаточно подготовлены: тренировок в боевом использовании торпед было крайне мало из-за их дороговизны. Исходя из той же причины, стрелять было разрешено только одиночными торпедами, что снижало вероятность поражения целей. Да и прицеливание командирами выполнялось буквально «на глазок». Наконец, в наружных торпедных аппаратах при погружении лодок более, чем на 15 метров, торпеды получали повреждения. Чаще всего заполнялось водой кормовое их отделение.

Лодки использовались примитивно: они пассивно стояли на якорях перед минной позицией, выполняя как бы роль подвижного минного поля. Лишь позднее стало понятно, что позиции лодок надо вынести за линию корабельных дозоров, искать цели в море, даже у вражеских берегов.

Так что нет ничего удивительного в том, что за первый год войны подводники, совершив восемнадцать боевых походов, не одержали ни одной победы. Однако русские подводники не сидели «сложив руки» и не плакали по поводу неудач. Они настойчиво искали способы нанесения удара по врагу.

Ещё 7 сентября 1914 года подводная лодка «Акула» под командованием лейтенанта Н. Гудимы, вышедшая на позицию в район маяка Дагерорт, не возвратилась (по привычке) на ночь за линию дозора. Она прошла к шведским берегам, туда, где активно ходили немецкие корабли. В четыре часа ночи 8 сентября в районе Готска-Санде она обнаружила отряд немецких боевых кораблей – крейсер «Амазона» с миноносцами. Лодка атаковала ближний миноносец, но пенный след торпеды выдал её. Корабли уклонились. Да, первая торпедная атака не увенчалась успехом. Но она подсказала командованию, что лодки могут и должны действовать активнее. И вскоре маневренную базу лодок перевели на Аландские острова, ближе к району боевых действий.

И ещё одну «подсказку» дали немецкие подводники. 10 октября возвращавшиеся из дозора крейсера «Громобой» и «Адмирал Макаров» с эсминцем «Деятельный» обнаружили какую-то парусную лайбу и начали сближение с нею, чтобы досмотреть, арестовать и доставить в Палдиски. Но внезапно из-за борта лайбы вырвались две торпеды навстречу «Макарову». Лишь экстренный поворот спас корабль: торпеды прошли по носу и корме крейсера. А на следующий день именно на такую «удочку» попался наш крейсер «Паллада». И погиб со всем экипажем...

Вот когда командующий флотом доподлинно оценил возможности подлодок, определив им более активную роль в войне. Но для этого не хватало боеспособных лодок. И тогда мы вынуждены были обратиться за помощью к союзнику – Англии. И вскоре английские подводные лодки «Е-1» и «Е-9» прорвались через проливы в Либаву. Позже были присланы ещё три, более совершенные, которые успешно действовали на Балтике.

А русские подводники продолжали совершенствовать мастерство. Вскоре удивительный по мужеству подвиг совершила подводная лодка «Окунь» под командованием лейтенанта Василия Меркушова.

21 мая 1915 года она обнаружила отряд германского флота из пяти линкоров и множества других кораблей. Осторожно маневрируя, Меркушов прорвал линию охранения и атаковал головной линкор. Буквально перед залпом лодка была обнаружена, линкор ринулся её таранить. Проявив немыслимую выдержку, Меркушов успел дать залп и тут же пошёл на глубину. Линкор успел смять перископ лодки, но тут же громыхнул взрыв. Из-за повреждения линкора отряд вынужден был повернуть в базу...

За этот подвиг лейтенант Меркушов был награждён орденом Святого Георгия IV степени, а весь экипаж – Георгиевскими крестами IV степени. Продолжая показывать чудеса находчивости, мужества и умения, Меркушов 15 июня в районе Виндавы потопил немецкий крейсер «Аугсбург», за что получил Георгиевское оружие и французский Кавалерский крест ордена Почётного легиона...

В 1915-1916 годах балтийцы получили новые, более крупные и лучше вооружённые подлодки типа «Барс» с водоизмещением надводным 650, а подводным – 780 тонн, глубиной погружения 90 метров, с 12-ю торпедными трубами (восемь – решетчатых, четыре – трубчатых) калибра 450 мм... К этому времени у командования созрело решение направить лодки на борьбу с немецким транспортным судоходством – перевозкой железной руды и металлов из Швеции.

Именно такая задача поставлена была новой лодке «Волк» под командованием старшего лейтенанта И. Мессера. Хотя она вошла в боевой строй флота всего лишь в апреле 1916 года, уже 15 мая она отправилась в боевой поход – в район Норчёпингской бухты. В четыре часа дня 17 мая появился первый пароходик – под огромным шведским флагом. А вот за ним торопливо двигался огромный пароход без надписей. Для выяснения его принадлежности лодка всплыла, показала свой Андреевский флаг, дала два залпа из орудия. Транспорт – это оказался немецкое судно «Гера» – остановился. Команду высадили на шлюпки, капитан с документами прибыл на лодку. Правда, утаив при этом кальку с рекомендованными курсами и вахтенный журнал. Транспорт был потоплен торпедой.

Некоторое время спустя появился следующий корабль – «Кольга», тоже без опознавательных знаков, попытавшийся спастись бегством. И его настигла торпеда. Только досмотреть его гибель не удалось: на горизонте появился ещё один транспорт. Он оказался немецким, с названием «Бианка». И снова торпедный залп! Уже скрываясь под водой, «Бианка» дал гудок – как салют подводникам-победителям...

Со следующего дня в море ходили только шведские суда. Немцы перевозки временно прекратили.

В начале июня из британского посольства сообщили агентурные сведения: в Стокгольме формируются три крупных конвоя с железной рудой для Германии. Командование срочно направило туда наши лодки. Но над морем постоянно кружили немецкие гидросамолёты, отыскивая подводные лодки. В числе других с 10 июня была в море и лодка «Волк».

Солнечно. Пустынное море. Вьются чайки. Такая картина открылась всплывшей подлодке. И вдруг сигнальщик заметил, что среди чаек одна совершенно не машет крыльями. Оказалось, что это самолёт. Реакция сигнальщика и командира лодки оказалась верной и своевременной. Едва лодка погрузилась, над нею раздались семь взрывов бомб. В таких условиях выполнить поставленную задачу было невозможно. Однако командир «Волка» не оставлял попыток увеличить боевой счёт, на этот раз в районе Ботнического залива.

7 июля он обнаружил и атаковал немецкий транспорт «Дорита», пытавшийся уйти от погони. После нескольких орудийных выстрелов пароход остановился. Взятый в плен капитан судна долго пытался доказать, что атака произведена была в шведских территориальных водах. Но карта неумолимо опровергала его доводы: место потопления «Дориты» находилось в пяти милях от берега, а шведские территориальные воды имеют ширину три мили. В общем, какие бы доводы ни приводили шведы, результат был один: после этого немцы снова прекратили здесь судоходство.

А боевой поход «Волка» завершился более чем успешно, правда, несколько своеобразно. На обратном пути, когда лодка находилась уже близ наших берегов, бдительность экипажа несколько притупилась. И вдруг вахтенный офицер почувствовал сильный удар по корпусу лодки. Оглянувшись, и волосы встали дыбом: на волнах качается немецкая гальваноударная мина с двумя смятыми в гармошку «рогами»! В общем, экипажу очень повезло. Как видно, мина была неисправна...

Между тем шум, поднятый немцами «о разбое в шведских водах», привёл к ограничению боевых действий русских подводников для полного соблюдения нейтралитета Швеции. До самого 1917 года!

Любопытно в связи с этим подчеркнуть, что соблюдение нейтралитета было своеобразным. По крайней мере, 3 июля 1916 года подводная лодка «Вепрь» под командованием старшего лейтенанта В.Н. Кондрашова из подводного положения с большим трудом атаковала немецкий транспорт «Сирия», который сопровождался и охранялся тремя, как позже выяснилось, шведскими кораблями!

Одна из выпущенных лодкой трёх торпед настигла судно. Однако снова шведы подняли шум, заявив протест: мол, русская подводная лодка атаковала транспорт в шведских территориальных водах! И при этом их совершенно не смутило, что они, мягко говоря, что-то недоговаривали, утаивали. Уж такова была их своеобразная позиция...

Да, боевые результаты наших подводников-балтийцев в годы Первой мировой войны оказались скромными. Но они объяснимы: подводники имели мало лодок в боевом строю, да к тому же в первые месяцы потеряли двенадцать лодок! Пусть не все – от ударов врага. Четыре погибли на минах, шесть – от всевозможных аварий, остальные – по неизвестным причинам. Но они добились главного: они основательно сковывали боевые силы германского флота. А ещё, что немаловажно, они резко сократили объём немецкого судоходства, прежде всего перевозок железной руды, которой очень не хватало Германии для продолжения войны. Таким образом, подводники Балтийского флота в меру своих сил и возможностей способствовали поражению врага.

Православие

Валентин Курбатов

Валентин Яковлевич Курбатов – литературный критик. Родился в 1939 году в Ульяновской области. Член Академии российской словесности. Член Международного объединения кинематографистов славянских и православных народов. Действительный член Академии философии хозяйства. Входит в состав редколлегии журналов «Литературная учеба», «День и ночь», «Дружба народов», «Роман-газета». Член Общественной палаты России. Член президентского Совета по культуре. Лауреат премии им. Л.Н. Толстого, Горьковской и Новой Пушкинской премии.

БЫЛО УТРО

Я читаю у Льва Толстого 17 марта 1910 года такую простую запись, что не знаю, с кем ею и поделиться: «Дали человеку то, лучше чего он ничего не может себе представить. А он говорит: нехорошо, мало. Дали бабе холст – говорит: толст; дали потоне – говорит: дай боле. Да, если бы тебя, болван, не разбудили, ты бы всё спал и ничего бы не знал и не видал всё то, что теперь знаешь и видишь».

Дали нам жизнь, разбудили, а нам всё «холст толст». Всё нехорошо, всё мало – кому свободы мало, кому деспотии. Вот Лев Николаевич и не сдержался: болван, говорит! Да так нам и надо!

И разом вспоминаю, как попалась мне недавно книга умного, модного (как это нынче? – «брендового») писателя Фредерика Бегбедера «Я верую – я тоже нет», и я завёлся уже самим «именем» книги. Вот, думаю, пижон, какую ловушку читателю расставил. А уж когда разогнул прямо на случайной странице, как при гадании – что попадётся, – и вовсе *разозлился* (простите за детский глагол).

Вот послушайте: «Не будем говорить о глобализации, об отмене границ (понятия отечества, по сути, уже не существует), об унификации мира, о крахе коммунистической утопии... Всё это очень важно: крушение идеологий, религий, утопий. Но нет больше Бога, нет больше надежды на равенство между людьми, остаётся только потребление».

Когда бы это была обычная самонадеянность атеиста, и возражать бы не стоило. Но Бегбедер знает, что такое Церковь. Он мальчиком вырос в вере, и собеседник его в книге – не интеллектуальный коллега, не чужой сердцу человек, а его духовный отец (католический епископ Жан-Мишель ди Фалько.). И вот на тебе, не побледнев: нет Бога, нет отечества, нет надежды на равенство...

Да вроде и действительно – какое равенство? Как написано в одной из нынешних книжек соискателей премии «Ясная Поляна»: «грянула свобода, и умные люди быстренько стали ставить высокие заборы, крепкие ворота и кодовые замки – в общем, стали крепче запирают двери" - от этого самого «равенства» и загородились. Мы прикончили надежду на равенство с какой-то мстительной изобретательностью, чтобы уж ни у кого и сомнений не оставалось. И автор не зря отчётливо связывает крах коммунистической утопии с крушением религий. Они подлинно были неотъемлемо связаны.

Мы хотели, хотели равенства! Только поставили его на место Бога и тем и приговорили. Без Него уж какое равенство – кто успел, то и смел. И в результате остались с таким свободным Бегбедером: ни Бога, ни равенства – одно потребление. Только он-то ещё, кажется, смущается, и не хочет победы своего «открытия», и книгу пишет потому, что надеется на братское опровержение, на то, что кто-то вернёт ему детскую простоту и Бога: брось, старик, ты что серьезно?.

А мы всё «не наедемся» никак. Слишком нагуляли аппетит, пока за равенством бегали.

Так что оценивающий книгу Бегбедера в «Ex librise» Ян Шенкман, как это ни печально, про нас говорит: что мы «вынужденные христиане» (а Лев Николаевич и еще лучше определял – «православные из приличия» - вот это уж сегодня подлинно про нас), как азербайджанцы и

киргизы – вынужденные мусульмане, а буряты – вынужденные буддисты. Разве что не «вынужденные», а невольные. География и история сделали за нас выбор, во что верить, а душа и не пыталась спрашивать – приняла готовое. И мы уже и с верой обходимся вполне потребительски, в профилактических целях: с непременным крещением (а вдруг? мало ли?), с картинным венчанием под кинокамеру, с освящением офисов и шестисотых «колесниц». Отчего бы иногда от сытости и не побыть в «бедняках Христа»? Отец Сергей Булгаков вон ещё когда, и при более печальных обстоятельствах, уже увидел исток нынешнего недуга: «ищут нового барина, чтобы устроиться по-старому».

«Барин» у нас виден хорошо: руководители страны на Пасху в храме стоят – чего ещё? – давай устраивайся по-старому. Но ведь Бегбедер не о видимости говорит. Он и сам, поди, по воскресеньям в храм ходит. Нет, тут задето нечто более болезненное, что в начале XX века беспокоило участников наших первых религиозно-философских обществ, мучило С.Н. Дурылина, который, уходя в 20-е годы из священства, говорил о «подтаивании христианства». Что тревожило протоиерея Александра Шмемана в конце XX века и больно задевает искренние умы сегодня, так уж, коли не кривить душой, формула «Я верую – я тоже нет» известна в определённой степени в разный час каждому честному христианскому сердцу. И если что и злит (ещё раз простите за детский глагол!), то не сама формула, а таящаяся в ней и жадно принимаемая нами лукавая готовность красиво сдать, потакание себе, выговаривание себе «права» не верить. Чего напрягаться-то, если нас, этих «тоже нет», так много?

Только мать-Церковь и не обещала даровых плодов. И с самого начала говорила, что «Царствие Божие силою нудится», и не страшилась слова «нудится», которое так плохо сочетается со светом «Царствия Божия». Но и это Бегбедер знает не хуже нас, потому что рос с Евангелием и под духовным доглядом.

Так чего же я хочу, к чему подступаюсь? А к тому, что я, может быть, ещё с месяц, да даже и с неделю назад не стал бы братья за перо и опровергать горько правого писателя, а тянул да тянул бы свою ляжку, «нудил» Царствие Небесное в своём приходском храме, как многие из нас. Не обманывая себя, но и не теряя надежды, как делают искусственное дыхание недавно вытасканным утопающему (а нас всех недавно вытащили): вдруг при очередном усилии дыхание и схватится...

С неделю назад не стал бы писать. А вот теперь отваживаюсь, потому что нечаянно пережил чувство, которым как-то и грех не поделиться.

Гостил с друзьями у своего товарища под Изборском. Было воскресенье. И хоть встал до литургии и мог бы поспеть на службу к изборскому Николе, но неудобно было перед спящими – не предупредил. Встанут, а меня нет – и свяжу им день. И пошёл себе потихоньку по росной сверкающей траве в солнечных утренних яхонтах, изумрудах и хризопразах за деревню, на давно облюбованный холм за Городищенским озером, напротив крепости, откуда летом любят пускаться в полёт парапланеристы.

Солнышко разыгралось вовсю, паутины сверкали, даже стрекозки нет-нет прочёркивали синеву. Из Малов, от Печорского скита уже звонили к «Достоюно» (там служат пораньше). А я потихоньку карабкался да карабкался вверх, измочив ботинки росой, и читал вслух утреннее правило, будто немного оправдываясь перед Богом, что не в храме, но вот, слышишь, Господи, молюсь. А назад, на Изборск нарочно не поворачивался, чтобы уж с вершины всё сразу увидеть. И как наверху чуть унял сердце и повернулся, так и вспомнил, как часто в минуты восторга перед красотой вырывалось из сердца прямо сразу с пением – так летела душа: «О-о-отче на-а-аш...» И так ликующе выговаривалось «Да святится имя Твое», потому что в эти минуты красота и желанность этого Царствия были так очевидны.

А тут я как раз в утреннем правиле к «Верую» подошёл. И остановился – так оно само собой пошло говорить, словно и не читалось, а вот тут прямо и рождалось, называя видимое сейчас сердцем.

...Во единого Бога Отца Вседержителя. Творца небу и земли...

Творца вот этого синего высокого неба в весёлых воробьях и этой золотой осенней земли в дальних холмах, в седых от росы полях, в уже задеваемых желтизной лесах, которые ведь взялись же откуда-то «среди миров, в мерцании светил» в страшной своей красоте. Творца крепости, раскинувшейся отсюда так вольно, и игрушечной Корсунской часовни, и угадывающихся за озером Словенских ключей, потому что и они как будто сразу от века таинственно содержались в этом «Верую»...

Во единого Господа Иисуса Христа, Сына Божия... рожденна, несотворенна, единосущна Отцу...

Подлинно Сына – такого же небесно всеобъемлющего, счастливо утреннего, подлинно предвечного и единосущного и тоже всегда и сейчас таинственно и явственно всегда содержащегося в этих небесах, полях, диких яблонях, в речке Сходнице, сияющей зеркальцем в тяжёлой оправе камышей.

Как же точны были Святые Отцы первого Вселенского Собора там, в Никее, на берегу тишайшего из озёр, когда складывали слово по слову, день за днём полтора столетия этот «Символ», лепили его чутким слухом из своих вод и небес, из своей веры и молитвы, высокого эллинизма, горячих споров и прямых противостояний. Вот где слову возвращалось его небесное значение, его райское имя и Адамова глубина.

...И вочеловечшася...

Тянулась от Труворова креста по склону холма разноцветная цепочка ранних экскурсантов – будто бельё на верёвочке под лёгким ветром. Значит, и в них, вон там, и в меня здесь «вочеловечшася»? Из непостижимой высоты, из того, что до и вне истории, из неподвластной уму вечности и величия – в самую бедную малость для спасения этой малости. Из Создателя всего – в меня в мокрых ботинках и в то «бельё на верёвочке». Это было так близко, так горячо, страшно, радостно, тайно и совершенно ясно, что, казалось, и умереть сейчас было бы весело и просто.

... Распятого же за ны...и воскресшего в третий день...

Да, да, вот, наверное, почему я увидел это утро в увеличительное стекло, словно оно было первое. Это было утро Воскресения! Простого сегодняшнего календарного воскресенья и на минуту проступившего в нём того – единственного – «в третий день по Писанием». Как будто природа вскрикнула и засмеялась над смертью, и я нечаянно услышал этот радостный смех и за вседневной красотой осеннего утра увидел свет всеобщего Воскресения. И понял, что же это значит – «исповедую едино крещение во оставление грехов».

Ничто не загородит от безумия мира, от безнадёжности и торжества потребления, кроме этого непостижимого оружия – единого крещения в живой воде длящегося Творения.

Устанешь, сто раз будешь отчаиваться и стоять на пороге неверия, тысячу раз уступишь соблазнам века и искушениям ставшего религией потребления, но если при этом не поддашься змеиному шёпоту хотя бы и всеобщего «я верую – я тоже нет», то непременно увидишь однажды это спасительное, укрепляющее, навек отменяющее сомнения детское утро Воскресения.

И я, почти торопясь, боясь расплескать сердце, зашпешил к «аминю». Но я думаю, что если бы и не договорил «Символа» до «жизни будущего века», да и вообще умолк после первого пробуждающего толчка, утро простило бы меня. Потому что оно уже воскресло во мне и для меня и, может быть (Господи, прости!), и благодаря мне, этой моей и для меня самой неожиданной готовности принять и увидеть родной, привычный, насквозь известный мир в мгновенном свете будущего века

Прав, прав Лев Николаевич «дали человеку то, лучше чего» нельзя представить», разбудили... И какое уж «мало» – это бы вместить.

...Туристы тянулись от Городища за весело бегущей впереди собачкой, словно она вела их всех на этой цветной верёвочке, кружились над озером утки, ища места поукромнее, день разгорался. Уже из чьего-то окна хватил бодрый «Маяк». Век готовился диктовать Бегбедеру новые скептические страницы, но мне уже не хотелось соглашаться с ним даже и в очевидном.

Всё правда, да не всё Истина.

Верую, Господи, помоги моему неверию!

Псков

Православие

Олег Куимов

Родился в семье офицера Советской армии в городе Кирове Армянской ССР 13 ноября 1967 г. Обучался в Томском государственном университете по специальности «Гидрология суши». Окончил Литературный институт. Работал экспедитором, отделочником, разнорабочим, прорабом, предпринимателем, менеджером, имеет опыт редакторства в журнале «Неопалимая купина». Несколько лет сотрудничал с детским журналом «Рюкзачок с сюрпризом». Публиковался в журналах «Луч» (постоянный автор), «Южное сияние», «Южная звезда», «Лампа и дымоход», «Север», «Вокзал», «Отчий край», альманахе «ЛитЭра», газетах России, Беларуси и Армении. Лауреат нескольких литературных конкурсов. Женат, воспитывает четверых детей.

ВКЛАД СТАРООБРЯДЦЕВ В ОБЩЕСТВЕННОЕ РАЗВИТИЕ РОССИИ

*не в России бы родился современный терроризм
и не через Россию пришла бы в мир ленинская
революция в России староверческой она была бы невозможна!
А.И. Солженицын.*

В последнее время усилился интерес к старообрядчеству не только со стороны историков, но и более широких слоёв населения. Интерес этот обусловлен желанием определить в общественном развитии России ту отправную точку, с которой и начался процесс его необратимого движения к кризису, завершившемуся революционной катастрофой. Большое внимание изучению данной проблемы уделил писатель Александр Исаевич Солженицын. В итоге своего исследования он пришёл к следующему заключению: «Наша Смута XVII века хотя и расшвыряла к разбойным и жестоким действиям какую-то динамичную прослойку народа, особенно казачество, но не раскачала народных нравственных основ, сохранивших себя здоровыми. Много глубже и неотвратимей сказался религиозный раскол XVII века. Расколом была произведена та роковая трещина, куда стала потом садить дубина Петра, измолачивая наши нравы и уставы без разбору. С тех пор долго, устойчиво исконный русский характер сохранялся в обособленной среде старообрядцев — и их вы не упрекнёте ни в распущенности, ни в разврате, ни в лени, ни в неумении вести промышленное, земледельческое или купеческое дело, ни в неграмотности, ни, тем более, равнодушии к духовным вопросам».

Как видим, слова Солженицына расходятся вразрез с усиленно вбиваемой в сознание русского народа мыслью о том, что: 1) тяга к лени и пьянству заложена в него генетически и сформирована якобы многовековой исторической традицией; 2) староверие является проявлением невежества, косности, темноты, фанатизма. К тому же оказывается под вопросом и господствующее представление современной исторической науки, что без коренного реформирования общества, начатого Алексеем Михайловичем и завершённого его сыном Петром, русский характер и дальше развивался бы на опутанной паутиной крестьянской печи, а сама Русь очутилась бы на задворках цивилизации. Какое же из двух мнений правое и каков в таком случае «исконный русский характер»?

К началу двадцатого столетия многие важнейшие отрасли промышленности России были сосредоточены в руках старообрядцев, а это порядка 80% купеческого и 60% всего капитала дореволюционной России. И это при том, что сама данная этнокультурная прослойка составляла не более 10% от населения всей империи. Данный факт не означает, естественно, что экономика была монополизирована старообрядцами. Так же это не означает, что купцы «пили народную кровушку», как было принято выражаться у нас во времена не столь отдалённые. Добиться такого значительного положения в общественной жизни страны купцам-старообрядцам удалось именно благодаря рачительности, прекрасной организации производства, строгой дисциплине и исключительной целеустремлённости. Зарабатывание не являлось самоцелью, а богатство

рассматривалось в старообрядческой среде как проявление особой милости Божией. Сам же купец считался земным проводником воли Господа, направленной на помощь нуждающимся, на организацию государственной деятельности, и, следовательно, нес особую ответственность за то, как распорядиться полученным Даром. Осознавая это, купцы много времени проводили в молитве, жертвовали монастырям, помогали различным организациям и простым людям. Словом, старались, как говорится, для Бога, для людей и для совести. Замечательно точно выразил эту мысль в письме своей дочери Павел Михайлович Третьяков (1832-1898), основатель всемирно известной художественной галереи, названной его именем: «Моя идея была, с самых юных лет, наживать для того, чтобы нажитое от общества вернулось бы также обществу (народу) в каких-либо полезных учреждениях; мысль эта не покидала меня никогда во всю жизнь». Вместе с братом Сергеем Михайловичем он в течение более четверти века приобретал картины русских художников и таким образом составил самую обширную и замечательную частную коллекцию в России. В 1891 г. Павел Михайлович открыл в специально построенном здании картинную галерею, а в 1892 г. передал её вместе со зданием в дар Москве. До конца жизни он продолжал за свой счёт пополнять галерею и даже завещал проценты со своего капитала на будущее её пополнение.

Идея Третьякова о служении народу вела по жизни не только его, но и большинство из тех купцов и промышленников, чьи имена вызывали уважение всего народа в связи с их меценатской деятельностью. Наиболее значительным и известным в России было московское купечество, из которого выделялись пять семей, сохранявших на протяжении нескольких поколений большое влияние на промышленную и общественную жизнь страны. Это династии Морозовых, Бахрушиных, Найдёновых, Третьяковых и Щукиных. Многие отдельные купцы и целые семейные кланы не уступали им в богатстве, но не могли соперничать в родовитости. И здесь следует упомянуть следующие наиболее известные в дореволюционную пору фамилии: Кузнецовы, Трындины, Рябушинские, Боткины, Мамонтовы, Кузнецовы, Алексеевы, Шелапутины, Солдатенковы, Абрикосовы, Хлудовы, Куманины, Якунчиковы, Оловянишниковы (изготовители медных колоколов).

Замечательный русский писатель Иван Сергеевич Шмелёв, выросший в старообрядческой семье, в своём автобиографическом романе описал своего отца, торговца и строительного подрядчика московского губернатора, как человека ответственного и весьма сметливого. Последнее качество, особо ценившееся в купеческой среде, способствовало прославлению многих купцов в качестве новаторов в промышленности (причём купец-промышленник ценился выше купца-банкира и даже торговца). Так, Матвей Сидорович Кузнецов первым в мире сообразил использовать торф для обжига фарфора. Ему же удалось монополизировать в своих руках все частные фарфоровые заводы в Российской империи. О качестве изделий его предприятий говорят золотые медали на Всемирных выставках в Париже в 1889 и 1890 гг., а также «Гран-при» в Реймсе и Льеже в 1905 г. Однако богатый промышленник думал не только о деле. Много средств выделялось им на благотворительность, а его сыновья являлись попечителями церкви Рогожской слободы.

Другими известными промышленниками стали Трындины. Основатель купеческой династии Сергей Семёнович Трындин пришёл в Москву из Владимирской губернии во второй половине XVIII века и начинал постигать дело в только что основанном физическом кабинете при Московском университете. А уже внуки его, Сергей и Пётр Егоровичи, имели немалый авторитет в народе, заслуженный в том числе и столь активной общественной жизнью, что один только перечень попечительских обязанностей старшего из братьев – Сергея – потрясает воображение: гласный Московской городской думы (18889-1893 гг.); старшина Московского купеческого собрания (1898-1899 гг., 1913-1915 гг.); член Управления и кандидат казначея Российского общества Красного Креста Московского местного управления с 1890 по 1913 годы; член попечителей Московского общества призрения, воспитания и обучения слепых детей с 1891 по 1913 годы; член комиссии по рассмотрению проектов и надзору над строительством здания Московского купеческого собрания (1904-1909 гг.); председатель Московского городского попечительства о бедных (1894-1915 гг.), действительный член мужского благотворительного тюремного комитета (1897-1903 гг.); действительный член Комитета Христианской помощи (1877-1898 гг.); почётный благотворитель общества военных врачей.

Обращает внимание и профессиональный подход к делу братьев Трындиных. Отношение к рабочим было жёстким, но справедливым. Действовала система штрафов за опоздания, прогулы,

курение и пьянство на рабочем месте. Вместе с тем применялись и поощрения. Так, за пятнадцать лет труда на заводе давалась премия в сто пятьдесят рублей, за двадцать лет – двести, а за двадцать пять и более – триста рублей. Так что кровушку Трындины не пили, а просто проявляли справедливость и твёрдость.

Последнее качество присутствовало у всех крупных купцов, однако пример Сергея Ивановича Щукина заслуживает особого упоминания. В детстве он был самым болезненным и физически слабым из братьев. Тем не менее благодаря редкой целеустремлённости закалил тело и дух занятиями спортом, сформировал суровый характер. Редкостные расчётливость, деловая хватка и умение выстраивать многоходовые коммерческие комбинации прославили его на всю Россию. А проявленная в революционную пору 1905 года прозорливость и смелость позволили ему стать текстильным монополистом в Москве. В то время когда экономика находилась в упадке, он скупил всю московскую мануфактуру и нажил на этом крупное состояние. Много средств Сергей Иванович тратил на живопись и сумел собрать крупнейшую коллекцию модернизма, а позже и постмодернизма. Как и Павел Третьяков, он выставил её для бесплатного обозрения. Зрителю были представлены полотна Анри Матисса, Клода Моне, Эдгара Дега, Поля Сезанна, Анри Руссо, Пабло Пикассо и других художников. В 1918 году указом Ленина собрание его картин было национализировано, а хранителем была назначена оставшаяся в Советской России дочь Щукина - Екатерина.

В конце XIX века Россия твёрдо входила в четвёрку передовых стран по основным экономическим показателям, а по темпам промышленного роста стремительно нагоняла США. Строительство железных дорог в такой ситуации становилось приоритетной задачей страны, но оно требовало вложения крупных средств, и правительство всячески поощряло приток финансового капитала в эту область. В числе тех, кто рискнул взяться за такое трудное предприятие, одну из первых ролей сыграл Савва Иванович Мамонтов. За участие в одной полулегальной финансовой схеме он попал под арест, причём активно раздуваемая прессой шумиха вокруг заведённого уголовного дела и сама реакция властей оказались до странности неадекватными нарушению, что, по мнению московской, хорошо осведомлённой общественности, явилось следствием интриги директора Международного банка А.Ю. Ротштейна и министра юстиции Н.В. Муравьёва. Косвенно на это указывает и тот факт, что Мамонтова, вопреки ходатайству друзей и заступничеству его рабочих, продолжали удерживать в тюрьме до самого суда, хотя он имел возможность расплатиться с долгами и поправить свои дела; да и сам состав преступления, учитывая к тому же значительный авторитет Мамонтова в качестве щедрого купца-мецената, не подразумевал заключения под стражу до судебного разбирательства. В конечном итоге Савва Иванович был единодушно оправдан судом присяжных, однако пока он находился в заключении имущество его, в том числе и коллекция предметов искусства, было распродано, железную дорогу прибрало к своим рукам государство по весьма заниженной стоимости, причём много акций оказалось в руках родственников министра финансов С.Ю. Витте.

Помимо строительства дорог, жизнь Саввы Мамонтова отмечена и щедрой меценатской деятельностью. Он поддерживал художников и артистов и, будучи заядлым театралом, создал частную оперную труппу, в которой дирижировал молодой С.В. Рахманинов и пел Ф.И. Шаляпин. А его имение Абрамцево стало центром художественной жизни России. Здесь подолгу жили и работали такие русские художники, как Илья Репин, Марк Антокольский, Михаил Врубель, Виктор Васнецов, Валентин Серов, Константин Коровин и Василий Поленов.

Не менее прославленным в дореволюционной России стало имя Ивана Дмитриевича Сытина, бывшего в ту пору самым крупным издателем страны. Как и большинство купцов, он отличался прогрессивностью взглядов, брал на вооружение передовой опыт остального мира. Его типографии были оборудованы новейшей техникой, в специальных школах готовились собственные кадры. Особо одарённых ребят отправляли в Московское училище живописи, ваяния и зодчества для получения высшего образования. Значительное внимание Иван Сытин уделял просвещению. В сотрудничестве с Львом Толстым он издавал дешёвые книги для детей. А в 1911 году им был выстроен «Учительский дом» с педагогическим музеем, библиотекой и большим зрительным залом. К 1914 году продукция Сытина составляла четверть всего книгоиздательского рынка России.

Старообрядцы проявили себя не только талантливыми организаторами, но и прекрасными учениками. Так, Алексей Иванович Абрикосов, сын обедневшего купца, работавший простым рабочим у немецких кондитеров, перенял у них передовые методы – как в организации пищевого

производства, так и в способах продвижения товара на рынке, и организовал своё преуспевающее предприятие. Один из символов советской эпохи концерн «Бабаевский» – бывшая фабрика Алексея Ивановича Абрикосова.

Пожалуй, самыми разветвлёнными и мощными купеческими кланами в Москве были всё же роды Морозовых и Рябушинских. Савва Тимофеевич Морозов оказывал значительную материальную поддержку простым людям, творческой части общества, различным организациям. Вполне возможно, что и МХАТа сейчас бы не было, не возьми он его под своё крыло, особенно в тяжёлую пору становления театра. К слову сказать, и основатель театра Константин Станиславский (Алексеев) тоже был выходцем из известного старообрядческого купеческого рода.

Одними из первых банкиров в России стали Рябушинские. Одни только имена учредителей Московского торгового банка старообрядцев Павла Михайлович Рябушинского, Василия Ивановича Якунчикова и Николая Алексеевича Найдёнова являлись гарантом надёжности, что способствовало укреплению и развитию в стране банковского дела. Рябушинские же стояли у истоков партии крупного капитала – партии прогрессистов; они же основали газету с упором на поддержание национальной идеологии «Утро России». По инициативе Фёдора Павловича была организована экспедиция на Камчатку. А автомобильный завод АМО (позже завод имени Лихачёва) обязан своему рождению тоже братьям Рябушинским. Тяга к Родине побудила поселившегося после 1917 года в Париже С.Н. Рябушинского в преддверии Великой Отечественной войны работать на советскую разведку. В 1944 г. он был казнён в фашистском концлагере.

Естественно, всех влиятельных купцов (и московских, и провинциальных), прославившихся в качестве жертвователей на благое дело, не перечить. И всё же пройти мимо имен таких удивительных филантропов, как строитель Боткинской больницы Козьма Терентьевич Солдатенков и иркутский золотопромышленник и судовладелец Александр Михайлович Сибиряков, нельзя. Первый завещал пять миллионов на организацию и деятельность ночлежек, больниц и прочую благотворительность, второй пожертвовал миллион только лишь на учреждение Томского университета. Добрую память оставил о себе и рязанский купец Ф.И. Масленников, построивший на малой родине храмовый комплекс.

Однако стоит заметить, что ко многим купцам тянулись не только по причине какого-то прагматического интереса, но и просто как к образованным, разносторонним людям, блестящим собеседникам. К таковым относился Василий Андреевич Хлудов, у которого собирались поговорить на самые различные темы многие образованнейшие люди, творческая элита общества. Любому из них купец всегда был готов оказать помощь, но не это влекло их в его дом, а особая дружественная обстановка хлебосольного русского хозяина. Не случайно проводить его в последний путь собралась почти все, кто бывал в его доме.

Отдельного внимания заслуживает весьма и весьма самобытная личность В.А. Кокорева. Не получивший хорошего образования сын бывшего крестьянина оказался замечательным публицистом со своим видением национального устройства России, сочетавшим идеи и славянофилов, и западников. Его хватке и предприимчивости могли бы позавидовать многие и многие коммерсанты наших дней. Ещё бы! Приехавший в Москву из Соликамска совсем молодой разорившийся предприниматель-солевар, не имеющий в столице связей, в итоге проявил недюжинную смекалку в ведении дел и стал в одночасье известным всей России миллионщиком, «царём откупщиков», или, как говорят в наше время, водочным олигархом. Несмотря на нелюбовь к нему М.Е. Салтыкова-Щедрина и Н.А. Добролюбова, развернувшего против него травлю, среди простого народа Кокорев пользовался настоящей любовью за щедрую раздачу денег бедным, а также за поддержку интересов крестьянства во время развернувшейся в прессе дискуссии по поводу отмены крепостного права. Щедрый жертвователь, купец-либерал с ухарскими замашками во всём, что касалось собственно дела, он вдруг преобразился в прогрессивно и безошибочно мыслящего капиталиста. Кокорев построил первый в мире керосиновый завод под Баку и основал являвшийся крупнейшим до самой революции Волжско-Камский коммерческий банк. Вместе с П.И. Губониным построил уральскую горно-заводскую дорогу. В своих публицистических работах он настаивал на губительности для России механического заимствования западноевропейских финансовых и хозяйственных форм.

С нефтью были связаны и Шибаевы, ставшие одними из первых её добытчиков в России.

Помимо уже упомянутых купцов, стоит перечислить и следующие фамилии наиболее популярных в народе предпринимателей-старообрядцев: Николай Александрович Бугров –

богачейший человек Нижнего Новгорода, крупный хлеботорговец и судовладелец, строитель богаделен, ночлежек, школ и больниц, раздавший за свою жизнь 10 миллионов рублей милостыни и друживший с Максимом Горьким; шестеро братьев Поляковых, из которых более известен основатель шёлкоткацкой фабрики в Щёлкове (ныне предприятие «Техноткань») Алексей Яковлевич; род Зиминых, в том числе и преемник Саввы Ивановича Мамонтова по части покровительства искусству Сергей Иванович Зимин, основатель крупнейшего в России оперного театра, названного его именем; широко разветвлённый род хлеботорговцев Рахмановых; трикотажные фабриканты братья Трегубовы. И, конечно же, нельзя не упомянуть сибирскую купчиху, торгового магната и золотодобытчика Анну Ивановну Громову, о которой в некрологе «Русских ведомостей» от 7 апреля 1912 г. говорилось: «Кажется, нет ни одной научной экспедиции за последние 25 лет, которые проходили бы без содействия этой женщины, стоявшей во главе большой торговой фирмы».

Менялось время, менялись акценты в самореализации – многие выходцы из старообрядческой купеческой среды отказывались продолжать торговое дело предков и уходили в самые различные области деятельности, в том числе и в политику, как, например, председатель врангелевского правительства Юга России А.В. Кривошеин. Многие относят к старообрядцам и председателя III Государственной думы А.И. Гучкова, но это едва ли возможно, так как ещё его отец уклонился в единоверие, хотя и строго придерживался старообрядческой обрядовой традиции. Последним перед революцией нижегородским головой стал судовладелец Дмитрий Васильевич Сироткин. Но особенно много купцов-старообрядцев занимало в разное время пост московского городского головы: П.Г. Шелапутин, С.М. Третьяков, А.В. и Н.А. Алексеевы и, конечно же, Куманины – Алексей Алексеевич, его сын Константин Алексеевич, внук Пётр Иванович; и даже муж внучки, Натальи Константиновны, купец К.А. Кукин тоже был московским городским головой.

Геохимик и философ В.И. Вернадский был в числе учредителей известного многим любителям истории «Союза освобождения». Павел Павлович Рябушинский стал членом Госсовета и председателем Московского промышленного комитета, а в сентябре 1917 г. вошёл в состав Временного правительства в качестве председателя Высшего экономического совета.

Ответственность перед людьми и Богом, бережное отношение к отпущенному жизнью времени стали основой стремления многих выходцев из старообрядчества реализовать себя в жизни. Кто-то всё же отходил от веры отцов, а потому не может служить примером для подражания. Однако речь в данном случае о том, что нравственная и духовная закалка, полученная в среде, где слово и дело составляют единое целое, способствовала формированию в них цельного подхода к самой жизни, рождала трезвость и широту взглядов. Именно этим объясняется значительное число новаторов из старообрядцев во всех сферах человеческой деятельности. Ярким примером служит судьба Михаила Васильевича Ломоносова, пионера российской науки и литературы. Другой признанный европейской наукой авторитет Дмитрий Павлович Рябушинский основал первый в мире институт гидроаэродинамики. Похоже, что проблемы космоса вообще привлекали многих старообрядцев, иначе чем объяснить интерес к небесным сферам Вернадского, а также выдающегося учёного, основоположника гидро- и аэродинамики, основателя ЦАГИ (Центрального гидроаэродинамического института), разработчика идей современного авиастроения Н.Е. Жуковского?

Из знаменитого рода купцов Рыбаковых вышел выдающийся славянист и академик Б.А. Рыбаков, на работах которого выросло не одно поколение историков. Не обошли старообрядцы своим вниманием и медицину. Именем Сергея Петровича Боткина названо несколько медицинских учреждений страны, а его сын Евгений Сергеевич отказался оставить семью последнего русского императора, приняв вместе с ней мученическую смерть.

К числу основателей новых научных направлений, безусловно, стоит причислить и одного из основателей отечественной психиатрии и невропатологии В.М. Бехтерева, а также академика-филолога Дмитрия Сергеевича Лихачева. В первые годы советской поры на весь Союз гремело имя народного академика агрария Т.С. Мальцева, опыт которого по повышению урожайности зерновых культур изучала вся страна. А ставшее нарицательным имя русского изобретателя-самоучки Ивана Кулибина по праву является предметом гордости всех старообрядцев. Прискорбнее всего, что сам он умер в нищете, так и не получив должного признания своих трудов, а ведь некоторые его изобретения впоследствии были запатентованы и поныне успешно применяются не очень-то щепетильными иностранцами.

Другими не признанными в собственной стране изобретателями стали отец и сын Черепановы. Ефим Алексеевич и Мирон Ефимович создали первый в России паровоз, о котором после всеобщих восторгов быстро забыли. Незавидная участь постигла и известного авиаконструктора и изобретателя вертолётника Игоря Ивановича Сикорского, развивавшего самолётостроение в Америке, куда он эмигрировал после революции.

Что касается литературы, то до сих пор считается непревзойдённым талант протопопа Аввакума как писателя-рассказчика. Его сказовая манера стала образцом для многих писателей. В советское же время большое влияние на становление современной прозы оказал Михаил Шолохов, мать которого была из казачьего старообрядческого рода, хотя справедливости ради стоит отметить его неоднозначное отношение именно к казакам-старообрядцам, отображённое в литературе. Истоки своеобразия языка писателей-сказочников Ремизова, Писахова и Шергина тоже кроются в старообрядческой культуре. Мамин-Сибиряк, Пришвин, Гладков, Корнилов, Шмелёв, Пермитин, Калашников, сказочник Волков и фантаст Ефремов – все эти писатели имеют старообрядческие корни (кто по отцу, кто по матери). Собственное же вероисповедание этих писателей требует отдельного кропотливого и, к сожалению, не всегда результативного изучения, но, думается, факт влияния древлеправославной культуры на их творческое становление имел место быть. Кстати, под подобным влиянием наверняка находились и Фёдор Достоевский с Владимиром Набоковым. Мама Фёдора Михайловича Мария Фёдоровна (в девичестве Нечаева) происходила из старообрядческой купеческой семьи. Прадед Набокова по материнской линии, сибирский золотопромышленник, миллионер, тоже придерживался старой веры. Сам же писатель прекрасно владел древнеславянским языком.

Принято считать признанного авторитета филологии В.И. Даля немцем или датчанином, но на самом деле предками его по отцовской линии являлись бежавшие от преследования старообрядцы.

Расцвет отечественной поэзии, так называемый Серебряный век, отмечен значительным вкладом в него таких выходцев из старообрядчества, как Сергей Есенин, Николай Клюев, Максимилиан Волошин, Велимир Хлебников, Михаил Кузмин.

Мало кому известно, что женой известного живописца Поленова стала дочь одного из основателей Московской консерватории и соучредителя Московского торгового банка В.И. Якунчикова - Мария. Её работы хранятся в Третьяковской картинной галерее. Скульптор и архитектор И.С. Богомолов (соавтор памятника Пушкину на Тверской улице), а также всемирно известные художники Коровин, Саврасов, Шишкин, Суриков тоже вышли из старообрядчества. Последний был из сибирских казаков, о которых нельзя не упомянуть особо в русле нашей темы.

К началу XX века процент старообрядцев в казачестве был значительно выше, чем среди других слоёв населения по стране в целом. И именно старообрядцы чаще всего становились атаманами донцов. По данным Донского епархиального противостарообрядческого и противосектантского миссионерского комитета за 1908 год, в Донской области проживало свыше двухсот тысяч приверженцев старой веры. И хотя в сравнении с общим количеством местного населения цифра эта незначительна, однако следует заметить, что по старой традиции часть старообрядцев, опасаясь преследований, скрывала своё истинное вероисповедание; к тому же цифры эти, скорее всего, занижены, учитывая явную тенденцию того времени принижать и замалчивать значение старообрядчества.

В том же отчёте подчёркивалось, что по численности старообрядцев Донская епархия «первая из наиболее заражённых Расколом, который, несмотря на многочисленные меры, продолжает быть сильным и стойким». Заставляет насторожиться и сопоставление упомянутых официальных статданных с предыдущими. Так, по статистике за 1905 год, в Донской области проживало 4,7% старообрядцев при общей численности населения 3 125 000 человек. Если произвести несложную арифметическую операцию, то нетрудно обнаружить, что по этим данным, исповедников древлеправославия получается 146 875 человек. Сопоставляем эту цифру с приведёнными выше статданными за 1908 год – остаётся только поражаться столь солидному притоку старообрядцев Донской области за три года – больше чем на треть! Подобные несостыковки обнаруживаются и с данными по уральскому, сибирскому и терскому казачеству.

В «Отчёте Оренбургской губернии за 1832 г. по части Департамента полиции исполнительной» сказано: «...казаки Войска Уральского все вообще с жёнами и детьми суть старообрядцы». Официальная же статистика за 1840 г. говорит всего о 42%.

В качестве староверов описывал терцов служивший на Кавказе Л.Н. Толстой. Его мнение подтверждает и посетивший в 1834 г. Терское левобережье штабс-капитан И. Бларамберг, говоривший о том, что все жители станиц Курдюковской, Шадринской, Новогладковской, Старогладковской и Червлённой – старообрядцы. Стопроцентный охват старообрядческим вероисповеданием невозможно опровергнуть документально лишь в отношении казаков-некрасовцев, ушедших после подавления булавинского восстания за Кубань под покровительство крымского хана.

Как пишет Д.В. Сень в книге «Войско Кубанское Игнатово-Кавказское: исторические пути казаков-некрасовцев (1708 – конец 1920-х гг.)», «большая часть Кубанского казачьего войска, включая войсковую верхушку, «крепко держалась расколу», привлекая на Кубань не только людей светских, но и лиц духовного звания. В показаниях яицких казаков, схваченных в 1727 г. по доносу казака Ф. Медведева, указан один и тот же мотив к побегу, что на Кубани жить хорошо, что на Кубани «староверят» и за старую веру не гонят. Однако с 90-х годов XVIII в. на Кубань переселяют запорожцев, не исповедовавших ортодоксального православия, и на рубеже XIX-XX вв. к старообрядцам причисляли уже только половину кубанцев.

Между прочим, безвременно ушедший из жизни юморист и губернатор Алтайского края Михаил Евдокимов – потомок сибирских казаков, как и его друг, актёр Александр Михайлов. И вообще, немало алтайцев имеют «раскольничьи» корни, ведь в XVIII веке эта благодатная сибирская земля была местом ссылки многих людей, отказавшихся принимать никоновские нововведения. Режиссёр таких всенародно любимых фильмов, как «Трактористы», «Свинарка и пастух», «Кубанские казаки», а также «Братья Карамазовы» Иван Пырьев – из алтайских старообрядцев. Не только «Мосфильмом» руководил выходец из ортодоксального православия. По свидетельству настоятеля Рогожского прихода о. Виктора Жельцова, один из рогожских священников окормлял мать Леонида Ильича Брежнева, к которой ездил на дом. К слову, совсем недавно из Америки прилетела внучка покойного генсека, чтобы креститься в старообрядческой церкви города Ижевска.

Немаловажную роль в истории Великой Отечественной войны сыграл полководческий гений маршалов Жукова и Василевского, выросших в религиозных старообрядческих семьях. И если о воцерковлённости Жукова нет никаких сведений, то о Василевском всё тот же о. Виктор Жельцов говорит, что изредка «он посещал нашу церковь и бывал на исповеди».

Многие пожилые москвичи хранят в душе благодарность сибирякам, считая, что отстоять столицу удалось в первую очередь благодаря их мужеству и стойкости. Первые сибирские дивизии состояли преимущественно из старообрядцев Забайкалья, где, кстати, проживало много казаков; и даже в народной памяти солдат-сибиряк сохранился в образе бородача.

Приходится порой слышать об отсутствии среди старообрядцев представителей аристократии. Однако это не так. Старообрядчество представлено даже потомками Рюрика – князьями Болховскими и Троекуровыми. Широко известный среди староверов скит под названием Бояркина обитель основала в XVIII в. княжна Болховская. Первоначально он заселялся женщинами знатных родов. До 1853 года в обители в качестве реликвии сохранялась на иконе Спасителя Александровская лента с орденским крестом, принадлежавшая Степану Васильевичу Лопухину, двоюродному брату царицы Евдокии Фёдоровны – дяде основательницы обители.

Ещё один известный скит – Игнатъевский – назван в память его основателя Игнатия Потёмкина, родственника светлейшего князя Григория Потёмкина. У другого влиятельного царедворца, князя Троекурова, тоже имелись родственники, не принявшие церковных новин. А автором хорошо известной в старообрядчестве «Истории об отцах и страдальцах Соловецких...» был князь Симеон Дионисьевич Мышецкий (1682-1741), настоятель Выговского монастыря.

За заслуги в Отечественной войне 1812 года графским титулом был пожалован любимец Александра I казачий атаман Матвей Иванович Платов. Во второй половине XIX века перешли в дворянство купцы Якунчиковы, после чего отстранились от торговли. Представителем родовитой дворянской семьи был известный до революции учёный-экономист, публицист и общественный деятель Сергей Фёдорович Шарапов. Да и Куманины на протяжении многих поколений состояли в дворянстве.

Как видим, старообрядчество внесло достойную лепту в развитие российского общества. Духовное здоровье этой социальной прослойки вкупе со строгой патриархальной дисциплиной способствовало освобождению сознания от лишнего, от «напрасных метаний» и чётко обозначало приоритеты и цели, формируя такого цельного человека, какой оказывался в состоянии принять

Божью Благодать на сакральном уровне. Таковым большей частью и являлся патриархальный русский характер, бережно сохраняемый ныне в старообрядческой среде – здоровый, твёрдый в следовании своим убеждениям и гибкий в вопросах, не касающихся веры и совести. Естественно, как это происходит и в любом социуме, кто-то отклонялся от истинного пути, уходил из старообрядчества или вёл далёкий от норм христианской этики образ жизни и потому истинно православным людям примером для подражания служить не может. Однако то, что их творческие, деловые, философские и иные таланты сформированы при активном участии старообрядческой культуры – факт. И многие люди, открывающие её для себя в последнее время, вдруг узнают, что старообрядцы во всём, что касалось сугубо общественного и промышленного развития, вопреки сложившимся стереотипам вовсе не отсталая и невежественная прослойка русского народа, а скорее, наоборот – прогрессивно мыслящая.

Об этом, в частности, пишет и современный религиовед А. Щипков: «Старообрядцы поражают своей социальной активностью: благотворительностью, меценатством, участием в местном самоуправлении и народном образовании, претворением в жизнь новаторских, технических, социальных и экономических проектов. Занимались они и религиозной деятельностью. Неуёмная энергия старообрядцев выражалась также в их личном художественном или научном творчестве».

Литературная критика

Ирина Шатырёнок

Ирина Шатырёнок родилась в Молодечно, закончила Белорусский государственный университет, факультет журналистики, в 1980 году. 20 лет директор Гродненского информационно-рекламного агентства. Член Союза писателей Беларуси, Союза журналистов Беларуси, писатель, публицист, литературный критик, автор 10 книг, лауреат многочисленных республиканских конкурсов.

УГАСАЮЩИЙ СВЕТ

Есть книги, сила воздействия которых сравнима с каким-то внутренним потрясением, после чего наступает прояснение, редкое спокойствие, а главное – в душе долго после прочтения слышится отзвук, с которым не хочется расставаться. Ты носишь в себе новое звучание, вдруг пробуждённую мелодию, и радуешься душевному состоянию, берегаешь, нянчишь его, прислушиваешься к себе. Когда ещё так повезёт! Так, под огромным впечатлением от прочитанного, берусь писать сама.

Одна замечательная книга даёт побудительный импульс, и вслед ему, как от искры, рождаются ответные мысли и чувства у другого человека. Не в этом ли притяжении родственных душ кроется загадка творчества?

Светлана Замлелова прислала мне свою книгу-монографию «Приблизился предающий...». (Светлана Замлелова. «Приблизился предающий... Трансгрессия мифа об Иуде Искариоте в XX-XXI вв.»: монография – М.: «Буки Веди», 2014. – 272 с.)

Казалось бы, учёный труд со всеми выкладками, историографией, литературными источниками, выводами и ссылками, ничего особенного. Но книга меня потрясла, думаю позже написать рецензию.

Очень много непростых и болезненных вопросов поднимает автор, выходя за привычные рамки учёного исследования.

Неожиданно в одном месте сошлось – талант литератора, доступность слога, очищенного от усложнённых терминов, и пронзительная ясность мысли изложения. И, казалось бы, сложная тема, а вот автор книги открыт к полемике, приглашает к диалогу, к участию в разговоре, приближает острую проблему предательства библейского Иуды Искариота, достигшую глобального вселенского масштаба, к современному читателю.

Миф ли на самом деле предательство Иуды Искариота или это наша ежедневная реальность? Через две тысячи лет нас настигает, уже настигла его трансформация. Мы смотримся в себя, как в кривое зеркало, и принимаем... кривду за правду, чёрное за белое, уродство за красоту, давно готовые простить предающего.

Приближение предающего опасно близко, размыты, почти стёрты грани божественного и дьявольского миров. Мы давно привыкли к другой культуре, к другой литературе.

Светлана Замлелова предельно откровенна, она делится с аудиторией своими сомнениями, тревогой и внутренней болью, и на то у неё есть все основания. Сравнения прошлого с нынешними реалиями часто не в нашу пользу.

Так, под впечатлением книги-монографии Светланы Замлеловой «Приблизился предающий...» родилась моя статья-отклик «Угасающий свет».

Несказанно рада и благодарна пытливому уму писательницы Светланы Замлеловой, способной пробудить в других ответные чувства.

Мы все, старшее поколение особенно, становимся свидетелями происходящей смены культур. Процессы эти, как и всё в нашем стремительно ускоряющемся и меняющемся мире, набирают крайне высокие темпы. За последние двадцать лет на наших глазах выросло новое поколение потребителей новой культуры, порождённое так называемым обществом потребления. Есть возможность сравнить. И что же? Между нами ощущается огромная разность, отчуждение и

непонимание. От бытийных мелочей до восприятия мира, если хотите целого запредельного космоса, и много всего, что уже осталось за неким порогом досягаемости. Там безвозвратно скрылись прежние координаты многих ценностей, литературные и жизненные герои, идеалы, героизм и жертвенность, даже традиционная мораль.

От этого всеобщего непонимания между новыми людьми XXI века и старшими их отцами возник и углубляется конфликт поколений, такой вроде бы привычный и литературно узнаваемый, описанный в прошлом многими классиками. Только сегодня утрата прежних смыслов и авторитетов между поколениями особенно глобальна и пугающа.

Итак, о смене культур и культурных приоритетов. Со многим бы согласилась, если бы к нам пришли лучшие и долгожданные образцы европейской цивилизации, культуры и литературы, которые в условиях отечественной культурной среды с благодарностью и немалыми трудами были бы нами замечены, усвоены и переработаны. Но ведь этого не наблюдается. Что же имеем?

После тотальной советской изоляции и ограждения от «тлетворного влияния Запада», чем так долго пугали, у нас с успехом приживается и расцветает, во-первых, общество потребления с его насильственной идеологией и сомнительными ценностями, которое, во-вторых, приносит уже плоды своей культуры. Наверное, у этой многоликой культуры, как у любого неоднозначного явления, есть много хорошего, но и плохого достаточно. Чего больше, хочется разобраться. Но вот настораживает само название – «патологическая культура», оно давно прижилось, в ходу у исследователей, экспертов, учёных, социологов.

Эта новая культура, свободно импортированная к нам более двадцати лет назад (как мечталось за разговорами на кухнях о той пленительной, чужой свободе, вдруг откроются нам новые горизонты, но они оказались скорее продовольственным изобилием, чем средоточием духа и внутренней воли), снимает не только познавательный импульс к освоению действительности, напряжение силы, но и подменяет сами культурные ценности.

Патологическая культура как продукт общества потребления штампует не хлеб духовный, а больше зрелищ в виде индустрии развлечений, эротика, садистских детективов, фэнтези и прочей макулатуры. Опытный шулер давно ловчит, подменяя настоящие чувства игрой. Обычная манипуляция сознанием и оболванивание людей невежественных. Как здесь вновь не помянуть добрым словом хорошую книгу, она всё-таки научает распознавать, что хорошо и что плохо. Человека начитанного, образованного трудно провести, оболгать, трудно навязать ему сомнительные моральные ценности и подчинить чужой воле.

Потребители-заложники патологической культуры появились не на пустом месте, почва уже подготовлена, да и они почти не сопротивляются, вовлечены в индустрию развлечений, где даже книги в ярких обложках выполняют свои ролевые игры. В тех книгах всё та же ложная идеология общества потребления – приобретать и обладать вещами есть высшее наслаждение. Как и свои храмы – гипер- и супермаркеты.

В арсенале общества потребления есть много чего – реклама, брэнды, марки, свои символы и опознавательные знаки, вечная молодость не без помощи пластики, фитнес, шоп-туры, свой особый виртуальный мир, где можно получить удовольствие, расслабиться, забыться, развлечься, не думая, например, о болезнях, или такой неприятной штуке, как смерть.

В прежней культуре (о ней уже говорят в прошлом времени) литература подвигала человека к самопознанию, к самосовершенствованию, к аскезе, он пытался заглянуть в себя и измениться.

Окружающая действительность с её сложностями и проблемами и сегодня требует от человека неустанной деятельности, активного участия в воспитании детей, в созидании, строительстве, работе, учёбе, что в свою очередь невозможно без внутренней концентрации, приложения немалых усилий ума и рук, то есть физической работы. Разве можно, сидя у монитора компьютера, реально построить дом, отремонтировать крышу, посадить сад, при этом просто устать физически, вспотеть, заработать мозоли или набить синяки? Реальную действительность отвоевал виртуал.

Литература в системе патологической культуры представляет уже новый тип культуры, предлагая нам нечто принципиально другое и даже опасное. Природа её такова, что в своём развитии она минует одну из главных стадий – познание действительности во всём её многообразии и невероятной сложности. Да, то самое познание окружающего мира, которое потом трансформируется автором-творцом в художественные тексты. Так было ещё совсем недавно, мы успели застать традиционную литературу прошлого. Подтверждение тому – весь

опыт предшествующей так называемой чувственной культуры, кризис которой наступил в XX веке и продолжается на наших глазах.

Русский социолог Питирим Сорокин прогнозировал следующее: «Больны плоть и дух западного общества, и едва ли на его теле найдётся хотя бы одно здоровое место или нормально функционирующая нервная ткань... Мы как бы находимся между двумя эпохами: умирающей чувственной культурой нашего лучезарного вчера и грядущей идеациональной культурой создаваемого завтра. Мы живём, мыслим, действуем в конце сияющего дня, длившегося семь веков. Лучи заходящего солнца всё ещё освещают величие уходящей эпохи. Но свет медленно угасает, и в сгущающейся тьме нам всё труднее различать это величие и искать надёжные ориентиры в наступающих сумерках. Ночь этой переходной эпохи начинает опускаться на нас, с её кошмарами, пугающими тенями, душераздирающими ужасами».

В плохих экологических условиях мутируют растения и животные, преобразуя здоровый генотип в нечто уродливое и патогенное. Человек патологической культуры так же предрасположен к мутациям. Вечная погоня за отдыхом, иллюзорными наслаждениями и развлечениями, и, как следствие, бездушие, одиночество, страх перед реальными, а не виртуальными проблемами, господство культа знака, искусственных символов и не менее искусственного языка, назойливая реклама, предпочтение комфорту и социальная апатия. Имитация счастья...

Да, сегодня в литературе эксплуатируются скрытые и явные пороки, насилие, преступления и все человеческие грехи, сплошь аномальные явления и такие же убогие персонажи. В литературе уже не осталось тайн, все покровы сдёрнуты, вывернута вся изнанка исподней одежды, нечего стыдиться, стыд исчез, как некий анахронизм. По Фридриху Ницше, «Бог умер», и, наверное, давно. Сегодня можно всё. Всё разрешено. Как не вспомнить известную банальность – если очень хочется, то можно.

В демонстрации всего низменного патологическая литература неустанна. Такой вот путь в обратном направлении – от сложного к примитивному, от высокого к низкому, от божественного к греховному.

За удовольствие быть потребителем патологической культуры надо платить, и, как оказалось, плата эта высока. Не человек владеет вещами, а вещи давно завладели умами и душами потребителей.

Было сказано: *«Так будут последние первыми, и первые последними, ибо много званых, а мало избранных»* (Мф. 20, 16).

Эти пророческие слова как нельзя лучше относятся к маргиналам от литературы, то есть тем, кто ещё недавно находился на обочине возделанной ойкумены, отверженным традиционной культурой, но в рамках новой патологической культуры востребованным. Они выходят на авансцену, становятся модными и начинают навязывать свои низкие вкусы в отрыве от прежних ценностей.

Ещё один символ современной литературы – производство никчёмных, пустых текстов. «Пустота» выступает неким доминирующим художественным образом, знаком *постзаката* времён чувственной культуры. «Писатели»-пустышки ничем не жертвуют на алтарь творчества, пишут слишком борзо, гладко да ладно, охотно подрядившись в службу патологической культуры. А разве можно создать что-то значительное без духовного напряжения? Здесь не обойтись без потерь, крови, пота и потрясений. Чтобы собрать свой урожай, сначала надо отдать часть своей души, своей жизни, сердца, нервов, и других энергетических и духоподъёмных затрат.

Редкие и избранные пахари готовы жертвовать многим, быть порой беспощадными к себе и к своей работе. Но и без чрезмерной работоспособности, граничащей с жестокостью, замкнутостью, усердием, отказом от многих ежедневных соблазнов, порой и творческого неистовства, не быть в литературе великим образцам!

Как недолговечна вся эта бумажная метель из одноразовой литературы! Издатели считают их от сезона к сезону, читатели и того меньше; всё слишком быстро выветривается и исчезает. Изнеженное виртуальной реальностью поколение молодых писателей ошибочно принимает литературу за игру, но они не в состоянии на долгое самопожертвование.

Творческое напряжение писателя, усталость и душевная маята, вся его одинокая жизнь, такая несвободная, подчинённая мучительным поискам новых форм, сюжетных поворотов, освоению богатства литературного языка, собственного и потому неповторимого авторского стиля, томительное вслушивание в гул нашей жизни и взгляды в лица современников – всё,

буквально всё окончательно и бесповоротно бросается в растопку будущих книг. Возможно, не всегда удачных, востребованных и коммерчески успешных. Особенно в наше, с точки зрения гонораров, очень тощее и неблагодарное время. Но это отдельная история.

Многие мои давние оппоненты могут мне возразить. Дескать, снова я за своё, говорю всё о том же, опять категорична и требовательна. Но что поделать, и вода камень точит, может, и моё слово не останется одиноким, найдёт отклик?

По мне, так лучше и плодотворнее, чтобы те же домохозяйки учились читать что-нибудь из Марины Цветаевой или Евгении Янищиц, нежели тратили время впустую, просматривая что-то из женских слащавых романов. Как и те, кто пишут и пишут свои пошлые книжицы, а там – такая дремучая банальность, примитивность штампов и беспомощность, что впору совершенно отчаяться и потерять веру в современную литературу!

Утрата, перекодировка и забвение прошлых ценностей оборачивается для современного общества невосполнимыми потерями. Например, навязывание циничных дискуссий, а с ними пересмотр некоторыми ревизионистами итогов и причин Великой Отечественной войны. Всё это рождает уныние и скепсис, лишает новые поколения преемственности священной победы, сопричастности к исторической памяти, заслуженной гордости, поклонения и душевного волнения за народный подвиг.

Но почему мне так грустно?

Чтобы выстоять во внешне благополучном обществе изобилия и иллюзорного равенства, не впасть в уныние, оставляю за собой право выбора. Мир не становится, к сожалению, лучше, хотя написано столько правдивых, отчаянных и горьких слов о его несовершенстве. Но чтобы окончательно не разувериться в современной литературе, в себе самой и во всём, что нас окружает, предпочитаю обращаться к классике. Там всегда найдётся уголок для светлой печали и неутолённой радости, надо только захотеть, перечитать, на мой взгляд, того же ироничного мудреца А.П. Чехова, неисправимого романтика А. Грина, сурового фронтовика В. Быкова или предельно честного и непровзойдённого мастера слова Ю. Казакова.

Их целый сонм – писателей из прошлой культуры, которым безжалостные дельцы от патологической литературы предрекают скорую гибель.

В мощных пластах классической литературы хранятся кладези нескончаемых запасов, которых хватит на многие поколения вперёд. Каждый найдёт в них себе душевное утешение, как и своего любимого писателя и своих любимых героев.

Наши друзья

Дальневосточный журнал «Сихотэ-Алинь»

«Сихотэ-Алинь» выходит во Владивостоке с 2003 года – сначала как альманах-ежегодник, теперь – два раза в год в качестве «толстого» литературно-художественного журнала. Издаётся на общественных началах на пожертвования мецената и средства, вырученные от продажи незначительной части тиража – в основном идёт на безвозмездное пополнение фондов публичных и школьных библиотек. Электронная версия публикуется на сайте омского писателя Николая Березовского. В составе редколлегии, общественного и попечительского советов – писатели, учёные, педагоги высшей школы из Владивостока, Лесозаводска, Арсеньева, из Москвы и Санкт-Петербурга, Омска, Пскова и Севастополя: Юрий Кабанков, Валерий Кулешов, Лидия Сычёва, Владимир Крупин, Валентин Курбатов, Василий Самотохин и др. Среди авторов «Сихотэ-Алиня»

– современные писатели из России, Казахстана, Украины, Китая, Канады, Франции и других стран. Журнал печатает классические произведения русской литературы; прозу, поэзию, публицистику, критику начинающих авторов; лучшее, что выходит из-под пера дальневосточных литераторов, входящих в авторский актив издания – приморцев, хабаровчан, сахалинцев и пр.

«Сихотэ-Алинь» поддерживает творческие связи с периодическими изданиями: «Берега», «Огни Кузбасса», «Литературный меридиан». Выходит в свет в рамках некоммерческой издательской программы «Народная книга».

Директор программы – Эльвира Васильевна Кочеткова: haos216@mail.ru

Почтовый адрес: 690090, Владивосток, 90, а/я 138.

Правила подачи материалов в журнал «Берега»

Материал, предлагаемый для публикации, должен являться оригинальным, не опубликованным ранее в других печатных изданиях. Присылаемые рукописи должны быть сохранены документом Word (шрифт – Roman, кегль 14, межстрочный интервал – 1). Текст не форматировать, не подчёркивать; разрешается части текста выделять курсивом. Файл называть своей фамилией, в начале текста – краткие сведения об авторе.

Решение о публикации принимается редакционным советом журнала.

Главный редактор - Лидия Довыденко

Телефон: +7 9118630467

E-mail: dovidenko_L@mail.ru

<http://www.dovydenko.ru>

Дизайн и вёрстка: Анна Степанова

Отпечатано в типографии: ООО «Салон Цифровой Печати»

г. Калининград, ул. Космонавта Леонова, 77, тел. (4012) 915-111, www.915111.ru

Тираж: 500 экз.

Издание предназначено для лиц старше 12 лет. При перепечатке материалов, в том числе использовании их в электронных СМИ, ссылка на журнал «Берега» обязательна. Редакция не несёт ответственности за содержание рекламных материалов, может не разделять точку зрения опубликованных авторов. Присланные материалы не рецензируются и не возвращаются.

Август 2014. № 5